

interaction интеракция

interview интервью

interpretation интерпретация

INTER

4' 2024

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2024. Том 16. № 4
Interaction. Interview. Interpretation
2024. Volume 16. No. 4

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2024. Том 16. № 4

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4

EDN: PEFLQZ

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	А. В. Ваньке Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в [Перечень](#) ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
[Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](#)

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

*В коллаже на обложке использованы фото авторов номера:
С. Калинычевой, М. Федоровой, А. Стрельниковой, П. Лаврусевич*

9 772687 040006 >

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2024
© Interaction. Interview. Interpretation, 2024

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

[Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

[Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

[Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Теоретические дискурсы и дискуссии	10
<i>Софья Калинычева</i> Критический поворот в изучении наследия: от властного дискурса к низовым практикам	10
Смыслы мест и места смыслов	25
<i>Полина Лаврусевич</i> «Это все мое, родное!»: чувство места в контексте неформального природопользования (кейс Караканского бора)	25
<i>Мария Федорова</i> Сохранение городской исторической среды: через борьбу или кооперацию (на примере городов Урала)	44
Полевые исследования	58
<i>Максим Котельников</i> Любительское литературное творчество мужчин как вид самотерапии	58
<i>Анастасия Казун, Наталия Малыгина</i> Эмоциональный опыт думскроллинга: как справиться с негативными новостями?	78
<i>Арина Букина, Елизавета Елисеева, Елизавета Петрова, Вера Туткова</i> Свидетели травли: что побуждает школьников вмешиваться или оставаться в стороне.....	96
Рецензии и обзоры	113
<i>Кира Коломина, Анна Стрельникова</i> Городские сообщества «на сцене»: роли, практики и культурное потребление	113

Contents

Editor's Letter	9
Theoretical Discourses and Debates	10
<i>Sofia Kalinycheva</i> A critical turn in heritage studies: from power discourse to grassroots practices	10
Meanings of Spaces and Spaces of Meanings	25
<i>Polina Lavrusevich</i> "It is all mine, native!": a sense of place in the context of informal nature management (the case of Karakansky pine wood)	25
<i>Maria Fedorova</i> Preservation of the urban historical environment: through struggle or cooperation (the example of the Ural cities)	44
Field Work Research	58
<i>Maksim Kotelnikov</i> Amateur literary creativity of men as a form of self-psychotherapy	58
<i>Anastasia Kazun, Natalia Malygina</i> Coping with Negative News: Emotional Experience of Doomscrolling	78
<i>Arina Bukina, Elizaveta Eliseeva, Elizaveta Petrova, Vera Titkova</i> Bystanders of Bullying: What Motivates Students to Intervene or Stay on the Sidelines	96
Reviews	113
<i>Kira Kolomina, Anna Strelnikova</i> Urban Communities "On the Scene": Roles, Practices and Cultural Consumption	113

Письмо редактора

В последнем номере уходящего года переплетаются тематики пространства и эмоций в самых различных контекстах. Описывая свои — столь разные — сюжеты исследований, авторы так или иначе очерчивают роль эмоций в привязке к пространству. Прежде всего это пространство города или локальной территориальной общности, в котором борьба за сохранение исторической среды или за поддержание привычного уклада жизни не только окрашивается эмоционально, но и выводит на поверхность не всегда очевидные и многослойные смыслы изучаемых мест, включая и трудноуловимое «чувство места».

Открывает номер статья Софьи Калинычевой «Критический поворот в изучении наследия: от властного дискурса к низовым практикам». Обозначив ключевые направления *heritage studies*, автор переходит к аналитической интерпретации низовых практик присвоения наследия: его апроприации, коммодификации и рутинизации, а также тому, какое место уделяется наследию в пространстве современного города.

Тема эмоциональной сопричастности месту подхватывается Полиной Лаврушевич (««Это все мое, родное!»: чувство места в контексте неформального природопользования (кейс Караканского бора)») и Марией Федоровой («Сохранение городской исторической среды: через борьбу или кооперацию (на примере городов Урала)»). Эмоциональная «емкость» отдельных мест и уголков города позволяет в ряде случаев описывать их через сценические метафоры, обозначая роли актеров и зрителей, выявляя типичные сценарии и используемые декорации. Кира Коломина и Анна Стрельникова рассуждают о городских сообществах «на сцене», а отправной точкой для рассуждений стала рецензируемая книга Марты Клекотко (*Klekotko M. Scenes and Communities in the City. Springer Nature, 2024*).

В эмоционально-пространственном ключе могут рассматриваться и более локальные объекты: от школьного класса до личных гаджетов. В разделе «Полевые исследования» авторы фокусируются в большей мере на эмоциональной составляющей, сужая при этом физические пространственные границы. Так, Максим Котельников анализирует литературное творчество мужчин, позиционируя любительское писательство как вид самотерапии. Из фрагментов интервью можно увидеть, что в некоторых случаях любительские литературные опыты являются способом совладания с повседневной рутинной — на рабочем месте или в рамках совместной жизни в домохозяйстве. В этом же разделе Анастасия Казун и Наталия Малыгина предлагают осмыслить эмоциональный опыт в пространстве «внутри гаджета» — опыт думскроллинга, а Арина Букина, Елизавета Елисеева, Елизавета Петрова и Вера Титкова представляют итоги исследования пространств и ситуаций школьной травли.

Желаем продуктивного чтения!

Редактор номера
Анна Стрельникова

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.1

EDN: AOYZYU

Критический поворот в изучении наследия: от властного дискурса к низовым практикам

Ссылка для цитирования:

Калинычева С. Д. Критический поворот в изучении наследия: от властного дискурса к низовым практикам // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 10–24. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.1> EDN: AOYZYU

For citation:

Kalinycheva S. D. (2024) A Critical Turn in Heritage Studies: From Power Discourse to Grassroots Practices. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 10–24. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.1>

Калинычева Софья Дмитриевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: sdkalinycheva@edu.hse.ru

Автор анализирует предметное поле исследований культурного наследия, начиная со времени зарождения научного дискурса о наследии в XIX веке и заканчивая современными критическими работами. Отмечается, что в работах, вышедших в последние десятилетия, пересматривается привычное представление о культурном наследии как об аутентичном медиуме между прошлым и настоящим, и взамен предлагается понимать наследие в его процессуальных формах, будь то авторизованные дискурсы, экспертное номинирование или низовые практики защиты и заботы. При этом большое значение приобретают темпоральное измерение наследия, его девалоризация и пересборка в связи с потребностями современных зрителей. Автор выделяет основные направления и реперные точки heritage studies и critical heritage studies, обсуждает ограничения теоретического и прикладного плана, а также обозначает то, что приводит к дефрагментации данной предметной области. Особое внимание в работе уделяется низовым практикам присвоения

наследия: его апроприации, коммодификации и рутинизации, а также тому, какое место уделяется наследию в пространстве современного города.

Ключевые слова: культурное наследие; исследования наследия; критические исследования наследия; коллективная память; культурная апроприация; темпоральность; коммодификация

Что такое культурное наследие? В российском федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹ представлен перечень объектов, которые закон и правоприменитель относят к наследию. Это памятники, архитектурные ансамбли, достопримечательные места и другие предметы, имеющие определенные вещественные границы и иногда конкретную локализацию. Так или иначе, речь идет о материальных объектах, которые поддаются верификации, экспертизе и документированию. В толковом словаре Ожегова под наследием понимается «явление духовной жизни, быта, уклада, унаследованное, воспринятое от прежних поколений, от предшественников» [Ожегов, 1999]. В каждом случае наследие особым образом контекстуализируется и фреймируется, не теряя при этом как своей «духовной», так и «формально-материальной» природы.

Вместе с тем здравый смысл как будто требует редукции к материальному и вещественному, ведь мы можем потрогать памятник, сфотографировать его и даже получить в реестре ОКН подробную справку о его статусе. Разве это не свидетельство того, что наследие можно свести к конкретным материальным объектам? Подобным образом размышляли на заре становления дисциплины о наследии в XIX веке. Именно в это время эксперты-искусствоведы составляли «словарь наследия», апеллируя к аутентичным свойствам памятника. Не забывали пионеры дисциплины и о духе памятника, его почти сакральной природе, которая, однако, была неотделима от самого вещественного объекта.

Такой подход, сводящий памятник к материалу и задокументированному провенансу, заставит опытного исследователя или градозащитника возразить. Возможно, интересующий нас объект был подвергнут тщательной реставрации или ремонту либо из-за отсутствия ухода превратился в руину и утратил свои первоначальные свойства, а может, уполномоченные органы отказывают ему в статусе объекта наследия, несмотря на протесты общественности и экспертов. А это значит, что статус памятника, его ценность и аутентичность ставятся под сомнение. Более того, реставрация памятника в каждый конкретный исторический период будет зависеть от тех эстетических и идеологических запросов, которые формирует эпоха и особый режим темпоральности.

Все эти и многие другие критические замечания в 2000-е годы послужили причиной для формирования той области научного знания, которую сейчас

¹ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 06.06.2024).

принято называть критическими исследованиями наследия (critical heritage studies). Ее предметная область — процессы и отношения, возникающие по поводу наследия, а также его институциональные и дискурсивные рамки. Обнаруженная флюидность наследия позволила А. С. Колесник и А. В. Русанову сделать вывод о переходе от парадигмы «наследие-как-вещь» к парадигме «наследие-как-процесс» [Колесник, Русанов, 2022]. В фокусе критики та самая экспертность, которую защищали искусствоведы-профессионалы, а также властный авторизованный дискурс, поглощающий собой разнообразные партикулярные практики и способы означивания.

Вместе с тем городские жители проявляют удивительную способность сопротивляться навязанным им способам прочтения и формировать свое собственное особое видение города с помощью рутинных практик или более осознанных антисистемных действий, будь то протест или художественная интервенция. Более того, наследие постоянно переходит из рук в руки в процессе его апроприации и культурного переозначивания. Так горожане приобретают право не только на город, но и на его историческую среду.

В настоящей статье прослеживается генезис исследований наследия и обозначается контекст, а также возможные причины перехода от эссенциалистского понимания наследия к более флюидным и процессуальным способам концептуализации. В фокусе работы находится проблема агентности горожанина, его способности противостоять навязанному официальному дискурсу и предлагать свои способы прочтения и пересборки города и его исторической среды.

Наследие: аффективная экспертность

Исследования наследия появились в период национального строительства в XIX веке благодаря деятельности искусствоведов и историков искусства по каталогизации и описанию памятников, а также по их спасению — реставрации или консервации. Их экспертная миссия сводилась к тому, чтобы отфильтровать объекты, которые можно было представить в качестве следов славного прошлого нации. Именно тогда и было сформулировано понятие «историко-художественная ценность», которое и сегодня является ключевым при экспертизе объектов наследия на предмет включения в официальные реестры.

Среди авторов, которые занимались каталогизацией и верификацией наследия, следует выделить Джона Рёскина, Бернарда Беренсона, Алойза Ригля, Пола Филиппота, Эрвина Панофски и Уильяма Морриса. Что же их волновало? В первую очередь — сам памятник, его вещественная природа, провенанс и та «патина», благодаря которой его можно добавить в соответствующих толстый каталог.

Алойз Ригль указывает на существование художественной и исторической ценности предмета искусства — именно на эти свойства и их различие должен быть направлен строгий глаз эксперта [цит. по: Price, Talley, Vaccaro, 1996].

Художественная ценность устанавливается посредством изучения материала, техники, условий создания и, как пишет Эрвин Панофский, — интуитивного следования авторскому замыслу, его раскрытию [цит. по: Price, Talley, Vaccaro, 1996]. Вместе с тем художественная экспертиза осложняется субъективным восприятием эксперта, его предубеждениями, художественным вкусом и ценностями. Именно поэтому такая авторская оценка качества должна дополняться исследованием провенанса — документов и других архивных свидетельств. Получается достаточно стройный и понятный процесс верификации памятника: необходимо определить, обладает ли он художественной ценностью, а также насколько его родословная, или провенанс, делает его ценным в глазах нынешнего поколения. Однако все не так скупо и бюрократично, как может показаться.

Обратимся к тому, как признанный классик и теоретик искусств Джон Рёскин формулирует ценность архитектурного объекта в своей знаменитой работе «Семь светочей архитектуры» [Рёскин, 2018]. Культурное наследие Италии Рёскин определяет как «дух благородного, достойного, спокойного самообладания», а наследие в целом — как след ушедшей прекрасной эпохи, чистый и непредвзятый медиум между прошлым и настоящим. Получается, что памятник не является просто дискретной и субстанциональной единицей, вписанной в каталог. У него есть «прибавочная стоимость», как сказали бы сегодня, «аура», или некая романтическая дымка, вызывающая интенсивные эмоциональные переживания. Заложенная в наследии способность зрителя к аффектации для Рёскина была неотделима от самого объекта, его вещественных свойств и «качества». Вместе с тем именно этот по сути нематериальный аспект наследия является мостиком как к последующим теориям, возвращающим агентность обычному зрителю-неэксперту, так и к исследованиям, в которых раскрывается эмотивная природа наследия. Среди них — работа Р. Лоуэнтала про новые измерение наследия, о которой подробнее будет сказано ниже.

Несмотря на то что труды классиков, заложивших основу современной историко-художественной экспертизы, сейчас считают устаревшими и излишне поэтическими, нельзя отрицать, что они создали актуальный язык наследия. Подлинность, аутентичность, эстетическая и художественная ценность, — все эти понятия воспринимаются как набор естественных и неотъемлемых свойств памятника. Умением грамотно верифицировать с их помощью объекты на основании якобы естественных свойств обладает лишь эксперт. Связь наследия и эксперта, с одной стороны, и связь наследия и национального государства, с другой, породили одновременно и привычный контекст наследия, и последующий за этим кризис номинирования и классификации.

Именно против эксперта и государства, поддерживающих с помощью бюрократического аппарата властный авторизованный дискурс о наследии, и выступили критически настроенные исследователи послевоенного поколения. Одним же из важнейших поводов подвергнуть сомнению устоявшуюся систему значений стало чувство утраты, связанное как с интенсивной урбанизацией, так и с двумя мировыми войнами, кардинально изменившими облик Европы.

Великий кризис, утрата и новый режим темпоральности

Поводом для интенсификации дебатов о культурном наследии послужила тревога в среде европейских интеллектуалов в связи со сменой привычного уклада и перехода на рельсы научно-технического развития в конце XIX — начале XX века. Так, обеспокоенный массовой урбанизацией и оттоком населения из сельской местности, в 1891 году шведский исследователь и этнограф Артур Хазелиус открыл первый музей под открытым небом, или Скансен, на острове Дьюргарден в центре Стокгольма [Севан, 2006]. Такие музеи-деревни в довоенное время массово появлялись в странах Скандинавии и чуть менее интенсивно — в других европейских государствах. Их основная задача заключалась в сохранении национального наследия, а точнее — архитектуры и быта сельских жителей. Примечательно, что целые дома и улицы просто вывозили со своих изначальных мест на новое, где постройки сохраняли лишь музейную функцию.

В советском государстве, где борьба с наследием велась особенно интенсивно, ученые-искусствоведы также старались любым путем спасти дореволюционное искусство. В 1920-годы архитектор Петр Барановский предложил открыть музей под открытым небом в Коломенском в Москве и перевести туда исчезающее храмовое наследие Русского Севера [Цветнов, 2018]. Его затея не увенчалась успехом. Однако позже, уже в послевоенное время, утрата исторического облика городов, где проходила линия фронта заставила советское руководство взглянуть новыми глазами на руинированное наследие и приступить к его консервации, реставрации и активной музеефикации. Так, например, появился наиболее знаменитый советский, а теперь и российский музей под открытым небом в Кижях.

В то же послевоенное время отношение к культурному наследию в Европе приобрело совершенно новый окрас. Если до XIX–XX века в фокусе внимания исследователей были размышления о реставрации и консервации, а также об историко-архитектурной ценности объекта, то после войны людей волновала повсеместная массовая утрата памятников в результате бомбардировок, штурмов городов и актов геноцида. 16 ноября 1945 г. начала свою работу ЮНЕСКО. Как и в случае с другими учреждениями ООН, ее задачей было ни много ни мало возвращение стран к мирной жизни и предотвращение последующих масштабных разрушений и нарушений прав человека.

Здесь мы подходим к понятию утраты, которое и было движущей силой для развития междисциплинарного поля наук о наследии (*heritage studies*) и более прикладных решений по сохранению наследия на местах.

Культурное наследие имеет определенный режим темпоральности. XX век стал временем ускоренного научно-индустриального развития и рефлексии о двух мировых войнах. В своей книге «В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем» историк Герман Люббе винит в возросшем интересе к культурному наследию быстрые темпы развития общества и изобилие инноваций, которые девалоризируют современную культуру и делают ее менее интересной широкому зрителю [Люббе, 2019]. Именно поэтому, по мнению

Люббе, обывателей так привлекал монументальный неоклассицистический стиль, взятый на вооружение Третьим Рейхом, фашистской Италией и СССР. Классицизм, как известно, уже успел «зарекомендовать себя как хороший», а новинки архитекторов-модернистов вызывали скорее скепсис, нежели восхищение. «Тот, кто уже сегодня хочет быть завтрашним, послезавтра сам будет вчерашним», — так Люббе характеризует поколение XX века, рьяно стремящееся вперед, но неизбежно возвращающееся в прошлое [Люббе, 2019: 13].

Риторике Люббе вторит историк Дэвид Лоуэнталь в книге «Прошлое — чужая страна» (1985) [Лоуэнталь, 2004]. Изменение темпоральности культурного наследия приводит к тому, что его ценность сбивается и рассредотачивается. Для эссенциалистов, как мы помним, ценность устанавливалась с помощью стандартной историко-художественной экспертизы, а залогом ее хорошего исхода служили блистательные провенанс и техника исполнения. Но в обществе, одержимом ностальгией, ценным становится почти все, что говорит нам о недавнем прошлом. Более того, рационального и строгого эксперта заменяет эмоциональный и иногда невежественный обыватель. К наследию можно отнести уже не только памятник XIX века, но и семейный фотоархив или коллекцию мобильных телефонов из 2010-х годов — круг агентов и медиумов расширяется до неузнаваемости. Таким образом, наследие — это уже не ценная «вещь в себе», а некоторый эмоциональный посредник. При этом Лоуэнталь предупреждает: «Невежество наравне с удаленностью защищает наследие прошлого от тщательного разбора» [Лоуэнталь, 2004: 134–135]. Все это неизбежно ведет к упрощению и фальсификации. Как подмечает Люббе, наши города в результате новой темпоральности заставлены новоделом: «Перед нами не объекты охраны исторических памятников, а порождения ее историзирующей архитектурной практики, отличающиеся крайне разношерстным изобилием компромиссов в потугах сочетать функцию практического использования старого строения с его функцией исторического памятника, определяемой историческим сознанием» [Люббе, 2019: 77]. И вопрос здесь состоит не столько в эстетической непривлекательности и обилии «фейков», сколько в скрытой враждебности национальной политики по отношению к чужакам. По мнению Лоуэнталя, наследие дарит чувство национальной гордости и при этом формирует жесткую границу между «нашим» (хорошим) и «чужим» (плохим). Наследие — это оборонительная линия, выстроенная против процессов глобализации и транскulturации.

«Ретротопия» — такой диагноз современному обществу поставил в 2017 году социолог Зигмунд Бауман [Бауман, 2018]. А ведь прошло уже много лет, и ужасы научного прогресса и двух мировых войн как будто должны были отступить перед новой действительностью. По мнению Баумана, современное общество, погрязшее в межнациональных конфликтах, остро нуждается в комфортном месте, где можно забыть о происходящем вокруг безумии. Таким местом становится старое-доброе прошлое, его притягательное культурное наследие. Эта комфортная зона должна быть максимально стерильна и избавлена от чужаков, суждения которых вызывают опасение и скепсис. Гомогенность, целостность, привлекательность — только таким

должно быть наследие преуспевающих стран. Бауман демонстрирует жуткую эсхатологическую картину настоящего, лишённого культурной инклюзивности и диффузности. Неизбежно возникает вопрос: как мы к этому пришли и кто же виноват?

Историк Ирина Сандомирская увязывает период складывания национальных государств в XIX веке с так называемым «патримониальным синдромом» [Сандомирская, 2022]. В то время интерес к прошлому был связан с конструированием национальных доминант, реперных исторических точек и целостных нарративов. Способом же легитимации своих притязаний на национальную исключительность стали именно памятники — материальные следы прошлого. Дело их спасения оказалось вопросом национальной гордости. Сандомирская демонстрирует, что понятие аутентичности также «развеществовалось» и превратилось в моральную норму, опосредованную «служением Родине» и «любовью к Отечеству». Прошлое же стало объектом коммерческой эксплуатации, имеющим цель «сформировать патриотизм как секулярную религию с соответствующими гражданскими чувствами» [Сандомирская, 2022, с. 39].

Речь идет все о той же эмоциональности, заявленной Лоуэнталем, но уже дополненной новой гражданской идеологией. Реставрация же памятников в таком режиме темпоральности нацелена на настоящее, хоть и работает с артефактами прошлого. Цель любой реставрации — адаптировать исторический материал под актуальную стратегию понимания и видения прошлого.

В этом замкнутом пространстве настоящего, куда прошлое может войти только при жестком соблюдении «дресскода», возникает вопрос агентности: кто принимает все эти решения? Кто делает наследие наследием? Ирина Сандомирская говорит о конфликте между «верхами» и «низами», где первые решают, что такое наследие, а вторые протестуют против сноса памятников или же сами свергают их с постаментов. Таким образом, «верхи» — это холодная рациональная сила, а «низы» — эмоционально заряженная толпа.

Против экспертов и властных дискурсов

На вопрос, из кого же состоят «верхи», довольно интересно отвечают антропологи-полевики, в частности Натали Эник. В 2004 году она провела полевое исследование с целью выявить стратегии и принципы, которых придерживается французская служба, уполномоченная «номинировать» объект памятником наследия [Эник, 2017]. На деле возможность называть нечто наследием (по Эник — выполнять «патримониальную функцию») связана с необходимостью классифицировать объекты и переводить их из плоскости личного в плоскость публичного. Натали Эник пишет, что «технологии инвентаризации и методики описания, используемые специалистами по наследию, становятся все более изощренными и тонкими, а набор критериев для отбора расширяется. Это позволяет все большему числу артефактов пополнять перечни объектов культурного наследия» [Эник, 2017, с. 190]. Таким образом, вопрос включения в список наследия находится всецело в руках

уполномоченных на то бюрократических институций, задающих критерии, которыми вынуждены руководствоваться все участники процесса.

Аналогично в своем этнографическом исследовании «*Making Intangible Heritage*» фольклорист и делегат ЮНЕСКО от Исландии Валдимар Хафштайн анализирует процесс взаимодействия между сотрудниками департамента нематериального культурного наследия ЮНЕСКО и представителями государств и локальных сообществ, которые выступают в роли «хранителей» этих объектов [Hafstein, 2018]. Критика исследователя направлена на саму концепцию защиты нематериального наследия, выдвинутую ЮНЕСКО. С одной стороны, это очевидный политический запрос на мультикультурализм: необходимо создать «видимость» различных этнических сообществ [Мочалова, 2020]. С другой стороны, такая номинация является нормативной: именно органы ЮНЕСКО, опираясь на расплывчатое видение аутентичности, определяют, какое сообщество является «хранителем» некоторого нематериального наследия. Получается, что отдельные институты, выполняющие некоторый политический запрос, случайно или намеренно создают классификации и присваивают ярлыки уже не только материальным памятникам, но и нематериальным и внетемпоральным сущностям.

Поддержкой же и легитимацией бюрократической системы, работу которой раскрывают и обличают Эник и Хафштайн, занимаются, по мнению критически настроенных исследователей, властные институции и производимые ими дискурсы. Появившаяся на почве междисциплинарных дебатов в 2000-е годы дисциплина *critical heritage studies* богата критическими исследованиями неравенства, культурной гомогенности и инклюзивности.

В ставших каноническими работах Лораджейн Смит, в частности в «*Use of Heritage*» [Smith, 2006], культурное наследия фреймируется по сути марксистским антагонизмом. Дискурсы по поводу наследия носят либо авторизованный (властный, экспертный и номинирующий), либо маргинализированный характер. Интерес исследовательницы заслуживают именно вытесненные и фрагментированные дискурсы. На примере австралийских рукодельниц народности вааньи Смит демонстрирует, что вопрос сохранения наследия индигенных народов касается не просто наделения формальным правом на развитие своей культуры. Для реального воспроизводства культурных образцов необходимо создать специальные условия для их существования. Например, передать носителями нематериальной культуры в пользование территорию заповедной зоны, где их предки издавна занимались промыслами: «Хотя эти места были очень важны для женщин [вааньи], именно использование, а не сам факт существования делает их наследием» [Smith, 2006, с. 46]. Получается, что в мире авторизованного национального дискурса, который стремится к гомогенности и целостности, некоторым культурам нет места, даже если юридически они не лишены такого права. Неслучайно исследовательский интерес Смит заслуживают многочисленные нематериальные культурные практики: разработанное в западной традиции понятие «наследие» весьма неудачно соотносится с тем, что мы сегодня называем нематериальным культурным наследием. При этом такие ключевые международные документы,

как «Венецианская хартия» 1964 года и «Нарский документ о подлинности» 1994 года, приоритизируют нематериальное над материальным, делая дебаты о соотношении двух «наследий» более острыми и сложными.

Критический взгляд на наследие показывает, что привычное надделение правом и его манифестация с помощью таких практик, как фестивали, выставки, форумы, этнопарки или ярмарки, по сути лишь формальная процедура, укрепляющая позиции авторизованного дискурса. Существующие разбалансировка и неравенство заставляют придумывать специальные механизмы восполнения агентности. Так, в типичном «постколониальном» американском кейсе про совместный менеджмент рассматривается модель классических договорных долевого договоренностей по разделу заповедных зон [Grey, Kuokkanen, 2020]. В связи с тем, что индигенный контрагент не воспринимает и не воспроизводит классические для западного человека договорные механизмы, он в итоге оказывается в угнетенном положении. Из этого следует, что необходимо разработать специальные механизмы восполнения агентности, отличные от привычных практик надделения правом.

Вместе с тем проблема уязвимости некоторых «наследий» и их исключенности из общего контекста видится неразрешимой, поскольку существуют властная идеологическая сила, стремящаяся к гомогенности, и бюрократическая машина, стремящаяся к соблюдению предписаний закона и исполнению политического заказа. Так или иначе, субалтерн останется неуслышанным и выключенным из общего контекста чужаком, от которого необходимо оградиться границами национального наследия и потемкинскими этнопарками.

Запрос на децентрализацию дискурсов о наследии и предоставление голоса разнообразным культурным меньшинствам имеет, однако, скорее «негативную» природу: позиция подчиненной культуры зависит непосредственно от властных институций и их действий. Наследие же является ресурсом, обладание которым позволяет номинировать конкретные объекты или практики и определять критерии для их верификации. Однако подобная критическая оптика зачастую нивелирует все те внутрисистемные или антисистемные низовые практики, которые формируют альтернативное видение наследия.

А где же люди? Повседневность и наследие

Повседневность позволяет разрядить гомогенную авторизованную среду альтернативным взглядом на город и его наследие. Безусловно, наследие не ограничивается городским пространством, однако именно в городе отстаивание своей индивидуальности [Зиммель, 2002] или права на город [Харви, 2008] и его наследие становятся более актуальными и насущными потребностями. Стоит отметить, что ряд исследователей предлагают обратиться взгляд и на провинцию: так, например, Людмила Партс указывает, что дихотомия между «провинцией» и «городом» в российском контексте приводит к недооценке негородских пространств и его наследия, а также способствует воспроизводству «мифа о провинции» [Parts, 2016]. Вместе с тем

немногочисленность работ, посвященных наследию в негородской среде, заставляет обратить в настоящей работе свой взгляд первоначально на город.

Кевин Линч в книге «Образ города» [Линч, 1982] отводит целую главу для изучения роли наследия в городском контексте. Наследие представлено как некоторый знак, вписанный в ментальную карту горожан и позволяющий им ориентироваться в городе, находить архитектурные доминанты и различать с их помощью изначально данную гомогенную среду. В классическом американском городе Линча наследие становится еще и ностальгической пристежкой: люди, приезжающие из других городов, находят нечто «домашнее» и «знакомое» именно в памятниках наследия: мимо таких же домов в псевдовикторианском стиле они ходили детьми, а точно такой же памятник Линкольну был установлен на улице любимой бабушки. Следуя рассуждению Линча, мы попадаем в контекст «одомашненного» наследия, которое не воспринимается горожанами как нечто национально или культурно маркированное. Напротив, этот знак персонализируется и инструментализируется.

В не менее классической работе французского социолога Мишеля де Серто «Призраки в городе» ставится актуальный для времен парижской реновации вопрос о роли наследия в современном Париже: нужно ли музеефицировать эти древности, которые превратились в бестелесных призраков, либо же необходимо реинтегрировать их в городской контекст [Серто, 2010]. Для де Серто это вопрос не выбора, а эпистемологической оптики. Призраки в городе на деле имеют плоть и кровь и становятся фоном для повседневных интеракций горожан. В случае же, если памятник выключен из контекста и не окружен многочисленными «жестами» и «нарративами», его номинация в качестве объекта наследия должна быть редуцирована до музейного артефакта. В уже упомянутой работе Натали Эник наследие рассматривается как нечто, обладающее пространственной протяженностью и позволяющее вовлекать большее число людей во взаимодействие [Эник, 2017]. Наследие должно принадлежать сообществу и рассматриваться как коллективное благо — именно это и придает ему ценность и значимость.

Получается, что горожане все же не лишены агентности в деле валоризации наследия. Один из способов проявления такой агентности — рутинизация наследия, его «одомашнивание». Еще одним примером мягкой силы может быть забота о памятнике. Забота — это воспроизводящаяся практика, нацеленная на помощь и поддержку субъекта или объекта и имеющая некоторые институциональные рамки (settings) [Tronto, 1998]. Забота о памятнике двунаправлена: активисты заботятся как об объекте, так и о сообществе, вовлеченном в эти практики [Veldpaus, Szemző, 2021]. При этом забота сглаживает конфликты и помогает в поиске консенсуса в публичной сфере.

Более радикальные практики присвоения городского пространства предлагает Анри Лефевр [Лефевр, 2015]. В своих работах он противопоставляет репрезентации пространства, связанные с доминирующим порядком ученых, планировщиков и технократов, пространству репрезентаций. Последнее является переживаемым пространством самих жителей — образами и символами, которые они ему приписывают. В качестве способов пространственного

освоения Лефевр предлагает трансформацию пространства посредством повседневных рутинных практик, художественную интервенцию, протест или же апроприацию. Тогда как протест и интервенция — наиболее радикальные способы заявления своего права на город, апроприация может предполагать разнообразные стратегии. Рассмотреть и типологизировать эти стратегии относительно наследия видится важным в связи с активным развитием практик государственно-частного партнерства и приватизации памятников крупными фондами или частными лицами [Лебедев, Якушев, 2010]. Смена собственника в разных странах может быть связана как со снижением бремени по уходу за памятниками, так и с потребностью в их ревитализации и более активном включении в городскую среду. Агентами зачастую становятся рядовые граждане и их организации. Другая возможная сложность — наличие бесхозных памятников и их присвоение ответственными акторами. В результате различные бесхозные объекты присваиваются и реинтегрируются горожанами в городскую среду. Назовем несколько форм апроприации наследия «снизу».

Например, коммерческая апроприация, или коммодификация, наследия позволяет ревалоризировать памятник и сформировать вокруг него новую систему значений. Исследовательница музеев Б. Киршенблат-Гимблет пишет, что наследие является добавочной ценностью [Киршенблат-Гимблет, 2013]. Эту ценность как раз и должен упаковать и презентовать частный бизнес в многочисленных этнических кафе, стилизованных ресторанах или коммерческих музеях. При этом стоит учитывать, что турист нового времени избалован и требователен, ему нужно предлагать не просто стилизацию и *“tourist-friendly”* пространства, но еще и «аутентичность», погружение в «настоящий» городской контекст. И здесь снова проявляет себя все то же «одомашнивание», рутинизация наследия. Задача хорошего бизнесмена — разыграть спектакль или действительно поучаствовать в развитии городской среды в целом, а не только туристического сектора [Макканелл, 2016; Larsen, 2019].

Существует и другая форма апроприации — культурная. Символическое перекодирование памятников чужой культуры может осуществляться как в русле эксплуатации образов и их репликации, так и в более реципрокных формах [Rogers, 2006], апроприация может работать на культурную инклюзивность и диффузность [Halicka, 2020]. Например, Томас Серрье называет польский случай вторичного присвоения немецкого наследия Восточной Пруссии в 1990-е годы моделью включающей и принимающей апроприации, которая предполагает международный обмен, реципрокные практики и выстраивание поликультурного диалога.² Это, безусловно, было бы невозможно, без низовых краеведческих, просветительских, активистских инициатив, направленных на реинтерпретацию немецкого культурного наследия и создание альтернативных стратегий ее апроприации. Из этого следует, что партикулярные дискурсы могут вытеснять авторизованный дискурс под давлением не только новой внешнеполитической повестки, но и низового запроса на разнообразие.

² Thomas Serrier, 15th Anniversary of the Nantes Institute Thomas Serrier (публичное выступление). URL: <https://www.iea-nantes.fr/en/news/15th-anniversary-institute-thomas-serrier-other-people-s-homes> (дата обращения: 07.06.2024).

Таким образом, низовые практики, к которым прибегают городские акторы, в отдельных случаях позволяют преодолеть гомогенность и авторизованность, о которых говорят представители критических исследований наследия. Не оспаривая существующий дисбаланс сил и преобладание официальных и однотипных прочтений, сложно отрицать то значение, которое приобретают действия отдельных горожан и их организаций по присвоению исторической среды, его ревалоризации, рутинизации и пересборке.

Заключение

Рассмотренные в статье подходы к концептуализации наследия, хоть и не являются полным перечнем всех существующих проблематик и дискуссий в поле *heritage studies*, предлагают обзорный взгляд на развитие предметной области.

Как было показано выше, критические исследователи наследия направляют свои замечания в адрес авторизованных институций и авторов, будь то эксперты, бюрократы и другие представители «верхов». В руках экспертов наследие становится инструментом для утверждения авторизованного и идеологически нагруженного дискурса [Smith, 2006]. Бюрократические институты следуют политическому заказу и превращают наследие в нечто ригидное и нормативное [Hafstein, 2018; Эник, 2017]. Не менее неповоротливым и односложным наследие делает проводимая государством культурная политика, нацеленная на вытеснение разнообразных культур и их артефактов или же их апроприацию. В этом ограниченном и гомогенном поле властно присвоенных значений не остается место горожанину с его культурным и повседневным багажом. Не остается места и самому материальному памятнику и его «ауре», способной вызвать сильные эмоциональные переживания у зрителя и прохожего.

Особый интерес в этой связи вызывают работы, в которых подлежат рассмотрению низовые практики присвоения, коммодификации, или рутинизации наследия, а также порождаемые в процессе таких действий диффузные культурные формы. Наследие становится не демаркационной линией и ограниченным ресурсом по производству монотонных смыслов, а стимулом для сближения, производства разнообразных значений и формированию публичной дискуссии. Возвращая себе ежедневно право на город и его историческую среду, горожане способны противостоять навязанной культурной гомогенности и авторизованным дискурсам.

Литература / References

Бауман З. Ретротопия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 435–442. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22> EDN: YZYIHJ

Bauman Z. (2018) *Retrotopia. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6. P. 435–442. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22>

- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. Т. 3. № 34. С. 1–12.
Simmel G. (2002) Big Cities and Spiritual Life. *Logos*. Vol. 3. No. 34. P. 1–12. (In Russ.)
- Колесник А. С., Русанов А. В. Наследие — как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2022. Т. 58. № 3. С. 58–69. DOI: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-3-58-69> EDN: YVCEFY
- Kolesnik A. S., Rusanov A. V. (2022) Heritage-as-Process: The Concept of Cultural Heritage in Contemporary Social Sciences and Humanities. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorija* [Perm University Herald. History]. Vol. 58. No. 3. P. 58–69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-3-58-69>
- Лефевр А. Производство пространства. Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
Lefebvre A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Space Production]. Transl. from French by I. Staf. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Линч К. Образ города. Пер. с англ. В.Л. Глазычевой. М.: Стройиздат. 1982.
Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Transl. from Eng. by V.L. Glazicheva. Moscow: Strojizdat. (In Russ.)
- Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2004. EDN: WLBSYX
- Lowenthal D. (2004) *Proshloe — chuzhaya strana* [The Past Is a Foreign Country]. Transl. from Eng. by A.V. Govorunov. SPb.: Vladimir Dal. (In Russ.)
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Издательский дом «ВШЭ», 2019.
Lübbe G. (2019) *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem* [In Step with Time: The Abridged Presence in the Present]. Moscow: Izdatelskij dom "VShE". (In Russ.)
- Киршенблат-Гимблет Б. Нематериальное наследие как метакультурное производство // Вопросы музеологии. 2013. № 2. С. 3–16. EDN: RWNGBP
- Kirshenblat-Gimblet B. (2013) Intangible Heritage as Metacultural Production. *Voprosy muzeologii* [The Problems of Museology]. No. 2. P. 3–16. (In Russ.)
- Лебедев В. Н., Якушев А. Ж. Государственно-частное партнерство как важнейший элемент механизма восстановления и сохранения культурно-исторического наследия России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2010. № 4. С. 138–151. EDN: NCZRIT
- Lebedev V. N., Yakushev A. Zh. (2010) Public Private Partnership as Important Instrument of Recovery and Preservation of Russian Cultural and Historical Heritage. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice]. No. 4. P. 138–151. (In Russ.)
- Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. Пер. с англ. А. Боровиковой, Е. Изотова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. EDN: XDCKID
- Maccannell D. (2016) *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa* [The Tourist: A New Theory of the Leisure Class]. Transl. from Eng. by A. Borovikova, E. Izotov. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Мочалова М. А. Как говорить о нематериальном культурном наследии? // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 298–304. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/17> EDN: QVDFDO
- Mochalova M. A. (2020) How Can One Speak of Intangible Cultural Heritage? *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. No. 2. P. 298–304. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/17>
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский центр «Азбуковник», 1999. EDN: RXPGBP
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (1999) *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennostyu "Izdatelskij centr "Azbukovnik". (In Russ.)

- Рёскин Д. Семь светочей архитектуры. СПб.: Азбука-классика, 2007.
Ruskin D. (2007) *Sem svetochej arhitektury* [Seven Lamps of Architecture]. SPb.: Azbuka-klassika. (In Russ.)
- Сандомирская И. Past discontinuous: фрагменты реставрации. М.: Новое Литературное Обозрение, 2022.
Sandomirskaja I. (2022) *Past discontinuous: fragmenty restavracii* [Past Discontinuous; Fragments of Restoration]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
- Севан О. Г. Музеи под открытым небом Европы // Обсерватория культуры. 2006. № 3. С. 60–69. EDN: [KVNQI](#)
Sevan O. G. (2006) The Open-air Museum of Europe. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture]. No. 3. P. 60–69. (In Russ.)
- Серто М. де Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 108–121.
Serto M. de (2010) Ghosts in the City. *Neprikosnovennyj zapas* [An Inviolable Supply]. No. 2. P. 108–121. (In Russ.)
- Харви Д. Право на город // Логос. 2008. Т. 3. № . 66. С. 80–94.
Harvey D. (2008) The Right to the City. *Logos*. Vol. 3. No. 66. P. 80–94. (In Russ.)
- Цветнов В. А. ПД Барановский. Эволюция взглядов: от музеев под открытым небом к охроне культурных ландшафтов Русского Севера (1920–1970-е годы) // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 2. С. 35–39. DOI: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2018-2-35-39>
EDN: [XSUSFN](#)
Tsvetnov V. A. (2018) P.D. Baranovsky. Unknown Pages in the Protection of Architectural Monumental of the Russian North (1920–1970). *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction]. No. 2. P. 35–39. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2018-2-35-39>
- Эник Н. «Изготовление» культурного наследия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 4. С. 188–198. EDN: [IMFREN](#)
Enik N. (2017) The Making of Cultural Heritage. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i culture* [Emergency Reserve: Debates on Politics and Culture]. No. 4. P. 188–198. (In Russ.)
- Grey S., Kuokkanen R. (2020) Indigenous Governance of Cultural Heritage: Searching for Alternatives to Co-management. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 26. No. 10. P. 919–941. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2019.1703202>
- Hafstein V. (2018) *Making Intangible Heritage: El Condor Pasa and Other Stories from UNESCO*. Bloomington: Indiana University Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv4v3086>
- Halicka B. (2020) *The Polish Wild West: Forced Migration and Cultural Appropriation in the Polish-German Borderlands, 1945–1948*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003024903>
- Larsen J. (2019). Ordinary Tourism and Extraordinary Everyday Life: Re-thinking Tourism and Cities. In: T. Frisch, C. Sommer, L. Stoltenberg, N. Stors (eds.) *Tourism and Everyday Life in the Contemporary City*. London: Routledge. P. 2–41.
- Price N., Talley M. K., Vaccaro A. M. (ed.). (2016) *Historical and Philosophical Issues in the Conservation of Cultural Heritage*. Los Angeles: Getty Publications.
- Parts L. (2016) The Russian provinces as a cultural myth. *Studies in Russian and Soviet Cinema*. Vol. 10. No 3. P. 200–205.
- Rogers R. A. (2006) From Cultural Exchange to Transculturation: A Review and Reconceptualization of Cultural Appropriation. *Communication Theory*. Vol. 16. No. 4. P. 474–503. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2006.00277.x>
- Smith L. (2006) *The Uses of Heritage*. L.: Routledge.
- Tronto J. C. (1998) An Ethic of Care. *Generations: Journal of the American Society on Aging*. Vol. 22. No. 3. P. 15–20.

Veldpau L., Szemző H. (2021) Heritage as a Matter of Care, and Conservation as Caring for the Matter. In: *Care and the City*. New York: Routledge. P. 194–203.

Сведения об авторе:

Калинычева Софья Дмитриевна — магистрант, магистерская программа «Комплексный социальный анализ», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** sdkalinycheva@edu.hse.ru.

Статья поступила в редакцию: 05.10.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

BAK: 5.4.1

.....

A Critical Turn in Heritage Studies: From Power Discourse to Grassroots Practices

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.1

Sofia D. Kalinycheva HSE University, Moscow, Russia
E-mail: sdkalinycheva@edu.hse.ru

In this article, the author analyzes the subject field of cultural heritage studies, starting from the time of the emergence of the scientific discourse on heritage in the 19th century and ending with contemporary critical studies. It is noted that the works published in the last decades revise the usual idea of cultural heritage as an authentic medium between past and present, and instead propose to understand heritage in its processual forms, be it authorized discourses, expert nomination or grassroots practices of protection and care. In doing so, the temporal dimension of heritage, its devalorization and reassembly in relation to the needs of contemporary viewers, becomes important. The author sets out to identify the main directions and reference points of heritage studies and critical heritage studies, theoretical and applied limitations, as well as to determine what leads to the defragmentation of this subject area and whether this process is to be feared. The paper focuses on grassroots practices of heritage use: appropriation, commodification and routinization, and the place heritage is given in the space of the contemporary city.

Keywords: cultural heritage; heritage studies; critical heritage studies; collective memory; cultural appropriation; temporality; commodification

Author's Bio:

Sofia D. Kalinycheva — MA Student, Master's Programme "Complex Social Analysis", HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** sdkalinycheva@edu.hse.ru.

Received: 05.10.2024

Accepted: 09.12.2024

Смыслы мест и места смыслов

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.2
EDN: GGSBXI

«Это все мое, родное!»: чувство места в контексте неформального природопользования (кейс Караканского бора)¹

Ссылка для цитирования:

Лаврусевич П. Е. «Это все мое, родное!»: чувство места в контексте неформального природопользования (кейс Караканского бора) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 25–43. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.2> EDN: GGSBXI

For citation:

Lavrusevich P.E. (2024) "It Is All Mine, Native!": A Sense of Place in the Context of Informal Nature Management (the Case of Karakansky Pine Wood). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 25–43. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.2>

Лаврусевич Полина Евгеньевна

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия
E-mail: p.lavrusevich@g.nsu.ru

В статье раскрывается аналитический потенциал концепции чувства места в приложении к таким крупным природным объектам, как пригородные леса. На основании данных этнографического исследования, проведенного в 2021–2022 годах в Новосибирской области, показано, как биофизические характеристики природно-антропогенного ландшафта, преломляясь через историю жизни и индивидуальный опыт природопользования, участвуют в формировании привязанности к месту, зависимости от места, идентификации с местом и удовлетворенности им. Компоненты чувства места одновременно включают рациональные и иррациональные составляющие, добровольность и вынужденность, выбор и отсутствие такового. Личный опыт пользователей бора — сельских жителей, дачников-горожан

¹ Статья подготовлена по итогам реализации проекта «Неформальные практики природопользования Караканского бора: между социальным присвоением и социальной кооперацией» при участии Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники». Руководитель проекта И. А. Скалабан, участники П. Е. Лаврусевич, Т. Д. Алексеев, Е. А. Грач, А. В. Дубынин.

и горожан-туристов — характеризуется различной степенью укорененности в ландшафте, которая качественно и количественно измеряется длительностью постоянного и сезонного проживания, наличием поколенческих связей с местом, особенностями практик природопользования. Опыт места, формирующий ценность места и через него компоненты чувства места, может быть как унифицирующим, создающим безусловную ценность, не основанную на сравнении (родные места), так и индивидуализирующим, создающим сравнительную удовлетворенность и привязанность к месту (ресурсность места). Сильные эмоциональные переживания единения с природой уравниваются, а часто подкрепляются хозяйственными трудностями, что в результате приводит к восприятию места не только как «лучшего», но и как «родного», «своего».

Ключевые слова: чувство места; привязанность к месту; зависимость от места; идентификация с местом; удовлетворенность местом; неформальное природопользование; Караканский бор

Введение

Локальная территориальность традиционно привлекает внимание социальных исследователей, что реализуется в изучении местных сообществ, малой родины, восприятия окружающей среды и жилого пространства, отражается в разнообразных городских и сельских исследованиях. Возможен ли перенос исследовательской повестки на природно-антропогенные ландшафты, одной из вариаций которых выступают пригородные лесные массивы? Такие территориальные комплексы отличаются множественностью агентов природопользования, среди которых представлены сельские жители и горожане-дачники разной степени укорененности, туристы выходного дня, словом, социальные агенты — носители различных формальных и неформальных практик природопользования. Понятие природопользования имманентно включает в себя не только деятельность составляющую, но и содержит вопрос об отношении к предмету действия — окружающей среде. Как социальный агент понимает себя и свое положение в окружающей среде, что определяет наблюдаемые отношения пользователей леса между собой и к природному ландшафту? Чувство места является одной из концептуальных рамок, которая позволит проанализировать обозначенную проблематику.

Выбранный эмпирический кейс — Караканский бор — обладает такими устойчивыми особенностями природно-антропогенного ландшафта, как гетерогенность социального состава резидентов бора и вариативность практик природопользования. Спецификой Караканского бора является его административная мозаичность. Территориально бор расположен в границах четырех муниципальных районов (Ордынского, Сузунского и Искитимского в Новосибирской области и Каменского — в Алтайском крае). Для всех центров местного управления пространство бора является своеобразной

окраиной, что, с одной стороны, приводит к определенной несогласованности регулирования, с другой — создает поле для социальной самоорганизации. Дополнительную лепту вносит значительная протяженность бора вдоль Новосибирского водохранилища, отделяющего территорию бора от административного центра Ордынского района, в границах которого расположена большая часть лесного массива. Создание в августе 2022 года региональной особо охраняемой природной территории (ООПТ) — природного парка «Караканский бор»² до настоящего времени не повлекло каких-либо конкретных действий.

На примере Караканского бора можно зафиксировать как традиционные практики природопользования, характерные для боровых сельских поселений, так и различные рекреационные практики горожан — от классических дачных до стихийного стояночного туризма. На территории бора, протянувшейся на 100 км с севера на юг, расположены не менее 20 сельских поселений, в разной степени ощущающих на себе влияние сезонной субурбанизации. Среди них встречаются и села, не имеющие заметных колебаний численности населения в течение года, и дачные поселки, формально сохранившие административный статус деревень, в которых численность постоянного населения в зимнее время не превышает 10 человек, а летом размеры населенного пункта возрастают до 500 жилых дворов. Традиционно в бору присутствует еще одна категория пользователей — стихийные туристы, осваивающие протяженную береговую линию Обского водохранилища. Некоторые представители этой группы возвращаются в бор на протяжении 40 лет (первые эмпирические свидетельства отмечают самую раннюю точку как 1974 год). Теплый для Сибири водоем в сочетании с природно-климатическими характеристиками соснового бора сформировали высокую рекреационную привлекательность территории для жителей не только Новосибирской области, но и близлежащих регионов (Томской, Омской, Кемеровской областей).

Ценность Караканского бора как исследовательского кейса в том, что он позволяет проанализировать чувство места на разных уровнях: от локального масштаба туристической стоянки или сельского поселения до уровня географического объекта — Караканского бора. Кроме того, гетерогенный социальный состав пользователей бора дает возможность пронаблюдать, как индивидуальная жизненная траектория соединяется с историей бора, как один и тот же природный объект отражается в чувстве места (и его составляющих) разных социальных агентов.

Цель статьи — проанализировать составляющие чувства места разных социальных агентов в контексте их опыта природопользования, взаимосвязи индивидуальной истории и истории бора.

² Постановление Правительства Новосибирской области от 17.08.2022 № 389-п «О создании особо охраняемой природной территории регионального значения — природного парка „Караканский бор“ Новосибирской области и об утверждении Положения об особо охраняемой природной территории регионального значения — природного парка „Караканский бор“ Новосибирской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5400202208170001?ysclid=locztpwwu9766510228> (дата обращения: 05.04.2024).

Аналитический потенциал категории «чувство места»

Основополагающая характеристика чувства места состоит в наделении части пространства определенной ценностью, смыслом, что является условием трансформации унифицированного пространства в персонализированное место [Tuan, 1977: 6]. В самом общем виде чувство места как социально-психологическая категория определяется как «аффективная связь между людьми и конкретными местами» [Hidalgo, Hernandez, 2001: 274]. Важно отметить, что место характеризуется не только эмоциональной составляющей, но соединением физических и культурных характеристик пространства с эмоциональным восприятием и функциональными потребностями индивида [Bott et al., 2003: 101]. Именно внутренняя сложность и многосоставность чувства места выступают одновременно и устойчивой базой, и своего рода вызовом для исследователя: «место является многоуровневой социально-экологической системой, оно не может быть сведено ни к биофизическому измерению, ни к его различным социально сконструированным значениям» [Eanes et al., 2018]. Чувство места представляет собой продукт взаимодействия с местом, «при котором место ассоциируется у человека с личностными смыслами, воспоминаниями, историей жизни» [Резниченко, 2014: 17]. Источник конструирования смыслов пребывает в поведении, именно оно определяет специфику места [Филиппов, 2002], что обращает внимание на опыт места как ключевой фактор формирования чувства места.

Трехкомпонентная структура чувства места включает в общем равнозначные составляющие: зависимость от места (place dependence), идентификацию с местом (place identity) и привязанность к месту (place attachment) [Jorgensen, Stedman, 2001; Nanzer, 2004; Moore, Graefe, 1994; Резниченко, 2014]. Вариативно зависимость от места и идентификация с местом сообразуют значение места (place meaning), которое в совокупности с привязанностью к месту конституирует в итоге чувство места [Williams, 2014]. Привязанность к месту отвечает за эмоциональную компоненту отношения человека к месту, определяет аффективный аспект феномена, когнитивная компонента заключается в идентификации с местом, отражает свойства индивидуальности, связанные с местом, и, наконец, ценностная компонента, которой соответствует деятельностный аспект чувства места, проявляет себя через зависимость от места [Резниченко, 2014]. В этом смысле зависимость от места сильнее и осязаемее привязанности к месту, поскольку подразумевает реализацию конкретных действий. Горан Эрфани корректирует список компонент, включая «удовлетворенность местом» (place satisfaction) взамен зависимости от места, акцентирует внимание на функциональных ожиданиях и ценностях, которые место предлагает индивиду или сообществу [Erfani, 2022]. Названные компоненты чувства места тесно переплетены и взаимозависимы. Так, например, сильная эмоциональная привязанность к месту может увеличивать зависимость от него, которая, в свою очередь, вносит свой вклад в идентификацию с местом.

Динамику категории чувства места определяет не только взаимообусловленность составляющих ее компонентов, но и наблюдаемая динамика

отношений между социальными агентами. Отмеченная выше множественность и гетерогенность социального состава пользователей бора определяет неоднородность чувства места по отношению к каждому конкретному месту, каждой локальности, поскольку они «построены из определенного созвездия социальных отношений, встречающихся и сплетающихся вместе в определенном локусе» [Massey, 1991: 28].

Традиционной точкой приложения концепции чувства места в прикладных исследованиях является проблематика жилого пространства и локальной жилой среды [см., напр.: Дом и его обитатели..., 2018; Cuba, Hummon, 1993; Williams, Kitchen, 2012], процессов формирования идентичности [Жердева, 2015; Головнева, 2017]. Иное тематическое направление состоит в изучении чувства места применительно к пространствам большего масштаба, в биорегиональном измерении. В этом случае биофизические характеристики ландшафта выступают фактором формирования отдельных компонент чувства места [Stedman, 2003]. Такой поворот исследовательского вопроса снижает градус социальности чувства места, отчасти заземляет данную категорию. Значения и смыслы, которые определяют место, «основаны на опыте взаимодействия как с физическим ландшафтом, так и с социальными субъектами в нем» [Stedman, 2003: 824], что в итоге приводит к дифференциации чувства места у социальных агентов. Сюзанна Кианика с коллегами выяснили, что при сходных условиях сельского поселения в горах Швейцарии чувство места туристов и местных жителей формируется под влиянием различных групп факторов. Для местных жителей значимы повседневные практики: занятость и социальные отношения, а также воспоминания детства и юности [Kianicka et al., 2006: 61]. Для туристов на первый план выходят эстетическое восприятие места и опыт досуговой деятельности, который варьируется в зависимости от частоты посещения места и длительности пребывания [Kianicka et al., 2006: 62].

Актуальность биорегионального подхода в настоящем исследовании обусловлена локальной значимостью Караканского бора как рекреационного бренда, экосистемными свойствами данного лесного массива и устойчивой хозяйственной, исторической и социальной связанностью пространства бора [Скалабан, Алексеев, Лаврусевич, 2024: 120–123]. Биорегиональный подход определяет взгляд на бор как на «географическую единицу, отмеченную экологическим и культурным единством» [Sale, 2000: 110], ориентацию на локальные сообщества и историю конкретной топологической единицы — как детерминант идентификации человека с местом [Рагулина, 2006: 111].

Масштаб места (scale of place) [Ardoin et al., 2019; Nanzer, 2004] и длительность проживания [Gallina, Williams, 2015] представляют собой еще одну группу дифференцирующих факторов, влияющих на формирование и проявление чувства места. В целом исследования предшественников демонстрируют вариативность результатов в зависимости от текущего социального контекста и физических, исторических и культурных особенностей территории [Ardoin, 2014].

Методология исследования

Информационную базу исследования составили данные проекта «Неформальные практики природопользования Караканского бора: между социальным присвоением и социальной кооперацией». В рамках проекта состоялись пять социологических экспедиций: в июле — августе 2021 года, сентябре 2021 года, феврале 2022 года и в июле 2022 года (всего 43 дня), объединенные программой этнографического исследования. Методы сбора первичных данных заключались в невключенном, слабоструктурированном наблюдении, картографировании береговых туристических стоянок в северной части бора, полужормализованных интервью (96 интервью общей продолжительностью более 70 часов) и свободных беседах. Общий массив данных включает транскрипты интервью и дневниковые записи (более 100) участников исследовательской группы. Дневниковые записи содержат насыщенное описание экспедиционных наблюдений и расшифровку свободных бесед. Информанты являются представителями разных социальных групп: жители сельских поселений (58 информантов, в том числе главы сельских поселений, фермеры и т. д.), горожане-дачники (17 информантов) и горожане-туристы (12 информантов). Также в выборку включены нерезиденты Караканского бора (общественные активисты, глава экологического фонда, владелец рекреационного бизнеса) и информанты, так или иначе связанные с лесной отраслью (владельцы и сотрудники лесоперерабатывающих предприятий, егеря, лесники), однако такой «управленческий» взгляд на бор для данной работы скорее остается за рамками исследовательского интереса. Количественное распределение информантов в выборке обусловлено фактической доступностью отдельных категорий и содержательной емкостью каждого интервью с позиции достижения поставленных задач. Указать точное количество свободных бесед с пользователями бора затруднительно, поскольку они представляли собой как несколько фраз, так и достаточно продолжительный информативный разговор. Гайд интервью корректировался тематически в соответствии с категорией информантов, в первую очередь их пользовательским статусом по отношению к бору. Ключевые блоки гайда затрагивали тематику личного опыта природопользования, отношений с окружающей средой и другими пользователями бора. Обработка и анализ первичных данных осуществлялись посредством процедуры тематического кодирования, для проведения которого использовалось программное обеспечение QualCoder³.

Ключевой характеристикой, дифференцирующей действующих в бору агентов, является их опыт места как одновременно обобщенная и конкретизирующая характеристика личного опыта природопользования, в том числе динамично конституирующая самих социальных агентов [Pilkington, 2012]. Критериями его служат совокупность практик места, длительность

³ Curtain C. (2024) QualCoder 3.10. Github. URL: <https://github.com/ccbogel/QualCoder> (accessed: 10.02.2024).

пребывания и характер укорененности. Они являются, с одной стороны, инструментами классификации самих агентов природопользования, с другой — детерминантами отдельных компонент чувства места. Как объединяющим, так и дифференцирующим фактором для дачников и сельских жителей является длительное проживание в сельском поселении (сезонное или постоянное) и потенциальная возможность выбора места этого проживания. Среди дачников встречаются и те, кто уже в сознательном возрасте приобрел участок в одном из поселений бора, и наследники коренных жителей села. Сельские жители являются таковыми по факту рождения либо в результате переезда в сельскую местность во взрослом возрасте. Зафиксировать эти критерии дифференциации необходимо потому, что они создают разные точки отсчета и условия для возникновения чувства места, а впоследствии и удовлетворенности им. Далее в процессе анализа будет продемонстрировано, как общее/различное в опыте места разных агентов природопользования ведет к общности/расхождению в компонентах чувства места.

Привязанность к месту: рациональные и иррациональные основания, личная история и история бора

Привязанность к месту как эмоциональный компонент чувства места проявляет наибольшую коннотацию с биофизическими характеристиками ландшафта, с его рекреационными ресурсами. Классическое сочетание «солнце, воздух и вода» в данном случае является наиболее подходящей ассоциацией. Более точно будет обозначить биофизические характеристики ландшафта как основание для возникновения привязанности, сам предмет эмоционального восприятия пространства.

Эти отношения касаются в первую очередь дачников-горожан, описывающих свои впечатления от пребывания в Караканском бору:

«Я, конечно, была шокирована, оттого что здесь в близости вода, бор — то, что я люблю. И деревня. Мы прошли всюду. Я была в восторге от запаха, от воздуха от чистого, аж опьяняющий такой» (дачница, в боровой деревне с 1994 года).

Описание собственных впечатлений превалирует над характеристикой формальных преимуществ локации в процессе выбора места для сезонного проживания. Оценки дачников-горожан могут содержать не только глубокие эмоциональные переживания, но и элемент сакрального в описании бора (даже с поправкой на некоторую демонстративность нарратива перед новичком-интервьюером). Эти переживания усиливаются и кристаллизуются с увеличением длительности пребывания, обретают форму своеобразного личного предания:

«С двенадцати лет, когда я здесь уже более-менее осмысленно появился... ощущение, что места лучше просто нету, что вот это и есть, собственно, земной рай» (дачник в боровой деревне).

Тесное переплетение, сращивание личной истории с историей бора — то, что отличает основания привязанности местных жителей, и то, что роднит их с укорененными, «почти местными» дачниками:

«Так что для нас этот лес? Только грибы и ягоды?... Мы здесь и дружили, и гуляли, и все, мы здесь выросли, сидели под сосенками» (коренная жительница села).

Бор не просто притягивает — он не отпускает, причем даже на ближайšie сельские территории:

«Есть такие дурочки, как я. Ну, люблю я лес и свою деревню, девчонки у меня в Сузуне живут, а я никуда не поеду» (коренная жительница боровой деревни).

Аналогичная высокая эмоциональная ценность природного ландшафта для местных жителей преимущественно старшего возраста была зафиксирована в исследовании, реализованном в соседнем сельском районе Новосибирской области, в рабочем поселке Сузун [Скалабан, Серебрянникова, 2014].

Дифференцирующим фактором выступает критерий добровольности/вынужденности проживания на территории поселений Караканского бора, определяя различие восприятия рекреационных ресурсов бора. Если для дачников уединение, удаленность от мегаполиса являются ценностью (хотя и здесь есть элемент предустановленности в случае наследования дачи), личным предпочтением, то для местных жителей природные красоты являются обстоятельством, компенсирующим эти неудобства. Схожее различие фокусов внимания к отдельным характеристикам ландшафта и их роли в формировании отношения с местом для туристов и местных жителей были зафиксированы в ходе исследования, проведенного в горном сельском поселении в Швейцарии [Kianicka et al., 2006].

«Прорваться сюда было — это как на другую планету. Ну да, это вдвойне ценно было, потому что ты сюда попадаешь, ты попадаешь уже в совершенно другой мир» (дачники).

«Потому что жить здесь очень трудно [из-за изолированности], у нас тут сосновый бор, это само по себе как-то бодрит, много колков березовых, я вообще их люблю... поляны, опушки клубничные, оно, действительно, очень на душу и на состояние физическое действует хорошо» (жительница села).

Бор с его осязаемыми и неосязаемыми ресурсами отчасти компенсирует социальные и экономические проблемы, с которыми сталкиваются местные жители, является своеобразной отдушиной. Жители боровых поселений — совсем не обязательно фанаты бора, однако именно этот тип природного ландшафта в силу его неперемennого фонового присутствия определяет для них чувство «дома».

Несмотря на принципиальное различие формального статуса, глубокая укорененность в пространстве бора, причем в географически различных локациях, для разных категорий пользователей бора — сельских жителей, дачников и туристов-старожилов — является универсальным основанием привязанности к месту, что проявляется в описании своих переживаний в сходных языковых формах.

«Мы дорожим этим местом. Здесь дети выросли. Столько воспоминаний» (туристы-старожилы на берегу Обского водохранилища, опыт пребывания более 30 лет).

«Мы здесь прожили, мы здесь родились, понимаете? Мы выросли, и он [бор] — часть нас» (коренные сельские жители).

«Я вот здесь с года. Выросла тут... У меня бабушка тут с Нижнекамки... нас тут каждый год раньше привозили на каникулы. Потом выросли, детей своих сюда возили» (дачница, владелица базы отдыха в береговом поселении).

Важная отличительная характеристика укорененных туристов — возвращение на одно и то же место, т.е. возникновение привязанности, как у других агентов природопользования, дачников и местных жителей, хотя какой-либо физический якорь в виде недвижимости у них отсутствует.

«Тянет. Сидишь дома зимой и думаешь: скорее бы весна, и чтоб сюда вот поехать на майские, первого мая» (туристы-старожилы, на берегу Обского водохранилища с 1978 года).

Именно этот факт показывает бóльшую эмоциональную привязанность, а режим присутствия является практически дачным:

«Когда перестроечные времена были и работы не было вообще, мы жили здесь, то есть как приезжаешь в мае, так и в сентябре уезжаешь отсюда» (туристы-старожилы, на берегу Обского водохранилища с 1978 года).

Для сельских жителей, в отличие от всех остальных категорий, характерны иррациональные характеристики привязанности, невозможность ее «препарировать», выделить конкретные детерминанты.

«Как родилась, так и живу, съездила отучилась, вернулась... Мне нравится наша деревня, да, у меня тут родители живут, у меня тут брат, сын... Просто мы выросли в этом бору, мы к нему привыкли... Да и для нас это в порядке вещей: есть он и есть» (коренная жительница села).

Иррациональные составляющие привязанности к месту отмечаются и среди дачников, особенно в том случае, когда характер укорененности принимает форму поколенческой связи. Привязанность к памятным местам детства и юности во взрослом возрасте рационализируется через специфические характеристики места и усиливается, приумножается за счет родственных связей.

«Отдаленность от суеты в первую очередь, это уже осознанное, взрослое. А в детстве — куча занятий, вода, лес, мотоциклы... Плюс у меня здесь и дед, и отец похоронены, это у меня уже как родовое гнездо» (дачник из боровой деревни).

В результате можно выделить различные основания для формирования сильной привязанности к месту, которое «тянет» и «не отпускает». Это такие универсальные для любой локации количественные и качественные характеристики опыта места, как длительность пребывания и степень укорененности, исходная точка формирования привязанности. Специфическими для Караканского бора факторами являются его природно-климатические, территориальные особенности, которые на первом этапе более значимы для дачников-горожан, естественным образом сравнивающих бор с другими известными им типами ландшафтов. Сочетание этих факторов обладает кумулятивным эффектом: природные красоты подкрепляются детскими воспоминаниями, «родовое гнездо» является безусловным якорем, вокруг которого организуются сегодняшние рекреационные практики.

Идентификация с местом: «почти местные» дачники

Идентификация с местом из всех компонент чувства места в наибольшей степени вариативна и непредсказуема. В зависимости от категории агента природопользования, его укорененности и статуса по отношению к месту, идентификация с местом может совпадать с локальной территориальной идентичностью, пересекаться с ней или представлять собой частный случай периферийного самоопределения агента природопользования, выражающийся в соотношении себя, своей деятельности с местом.

Крайними точками идентификационного континуума выступают коренные жители караканских сел и деревень, родившиеся и прожившие всю свою сознательную жизнь в конкретном поселении, и туристы выходного дня, разово посещающие бор в рекреационных целях. Шкалы обозначения себя в терминах «своих» и «чужих» сильно варьируются в зависимости от локального сообщества и референтной группы.

Сельская жительница, прожившая в поселении два-три десятка лет, но не родившаяся в нем, не считает себя местной:

«Мы-то сюда приезжие, я с восьмидесятого года пошла здесь в школу. Я-то не родилась здесь, не местный житель, но я всю жизнь, ну, как сказать, прожила» (жительница села).

Одновременно дачник-горожанин, за такой же период освоивший бор и воспитывающий здесь уже второе-третье поколение детей и внуков, однозначно определяет себя как местного, а пространство как свое, и противопоставляет приезжим горожанам. Построение идентификации через оппозицию также отмечается Е. Головневой в рамках исследования сибирской региональной идентичности [Головнева, 2017].

«Местные жители отличаются от городских... Уже у детей мы прививаем трепетное отношение к нашему бору. А городские, конечно, простите меня, очень нехорошо ведут себя, многие, не все, конечно» (дачник из боровой деревни).

Надо отметить, что варьируются не только шкалы идентификации с местом, но и сам пространственный объект соотнесения. Жители сел говорят о населенном пункте, дачники-горожане чаще имеют в виду бор в целом, а туристы-старожилы оперируют локальным обозначением туристической стоянки и отчасти прилежащим освоенным пространством бора. Дифференцированы не только основания идентификации с местом, но и масштаб места (scale of place), что согласуется с исследованиями чувства места, проведенными американскими авторами [Ardoin et al., 2019; Nanzer, 2004].

Спецификой дачных караканских поселений является их официальный статус сельских населенных пунктов, что определяет значимость родственных, поколенческих связей для идентификации с местом. Такая укорененность имеет больший вес как для самоидентификации, так и для вхождения в локальное сельское сообщество, что в целом характерно для российских провинциальных обществ. «Критерием „свойства“ не является только время жизни в общине; главное здесь — признание самой общиной этого человека своим» [Плюснин, 2013: 62]. Длительность пребывания приобретает особую значимость для агентов природопользования, не рассчитывающих на родственную укорененность. Дачники-горожане в своих нарративах проактивно подчеркивают свой стаж природопользования как критерий локального статуса:

«У нас здесь дача уже сколько? Сорок восемь лет. Мне было два с половиной года, когда ее взяли» (дачница из боровой деревни).

Многосоставность местного сообщества, наблюдаемого в границах одного природно-антропогенного объекта, множественность и взаимопересечение

нескольких локальных сообществ (местных жителей, дачников-горожан, горожан-туристов), отличающихся разной длительностью и регулярностью пребывания в бору, наличием предопределяющих связей (преимущественно родственных) с местом, обуславливают множественность норм и правил идентификации с местом, отсутствие единых критериев для определения собственного статуса по отношению к месту.

Зависимость от места: дополнительные доходы и дополнительные расходы

Зависимость от места обнаруживает себя одновременно в позитивной и негативной коннотации деятельностного аспекта чувства места [Резниченко, 2014: 21]. В рамках рассматриваемого эмпирического объекта зависимость от места представлена через конкретные практики: присваивающие неформальные экономические практики сельских жителей и практики горожан и туристов-старожилов по поддержанию рекреационного ресурса в пригодном для эксплуатации состоянии.

Собирательство является массовой практикой сельских жителей в высокий грибной и ягодный сезон и традиционно рассматривается как один из доступных способов получения дополнительного дохода:

«Для себя и на продажу, отдыхающих много, почему бы и не продать, если спрос есть... Летом люди на этом деньги зарабатывают» (сотрудники сельсовета).

Отдельно выделяется достаточно узкая группа профессиональных грибников, для которых доход от продажи дикоросов достигает значений, чувствительных для общего дохода домохозяйства. В таком варианте зависимость от места прямо пропорциональна возможностям получения дополнительного дохода от присваивающей деятельности в бору, которая, в свою очередь, определяется освоенностью и присвоенностью пространства бора, наличием в бору «своих мест» [Лаврусевич, 2023].

Наиболее наглядно зависимость от места в формате практик собирательства можно проследить в нарративах коренных жителей села, вспоминающих свои детские годы. Связь с бором описывается непосредственно в терминах жизнеобеспечения:

«Лес сейчас не кормит [по сравнению с периодом 1950-х годов]» (коренная жительница боровой деревни).

Иной аспект зависимости от места отмечается у дачников-горожан и туристов-старожилов на берегу Обского водохранилища, обслуживающих свои места сезонного проживания — дома в боровых сельских поселениях и самодельную инфраструктуру неформальных долговременных (а в отдельных

случаях и капитальных) туристических стоянок. Основную роль здесь играет поколенческая укорененность агента природопользования, наследование недвижимости в сельском поселении или неформальная передача по наследству присвоенного прибрежного пространства — туристической стоянки. Если для дачников-горожан наследование недвижимости носит не подлежащий отмене характер, то появление на туристической стоянке потомков ее основателей-старожилов вовсе не обязательно:

«Что касается нашего сына, то не ценит. Нет. Они приедут, условия есть, а больше им не надо...» (туристы-старожилы на берегу водохранилища, «хранители» береговых построек).

В этом случае зависимость от места выражается в разнообразных финансовых и временных расходах, обусловленных наличием собственности, в том числе символической, которой является туристическая стоянка. С увеличением укорененности привязанность к месту и зависимость от него тесно переплетаются. Сильные эмоциональные переживания, с одной стороны, возводят в ранг неотвратимости наличие «родового гнезда», несмотря на нестабильную транспортную доступность и удаленность боровых поселений от города. С другой стороны, сами по себе потраченные усилия, их капитализация вносят свой вклад в формирование привязанности:

«Тут все подготовлено. Мы все для себя сделали... Это же годами все делалось для того, чтобы было удобно» (туристы-старожилы, опыт пребывания на берегу более 30 лет).

Деятельностный аспект чувства места является ключевым для легитимации присвоения пространства бора. Соответствие практик природопользования, как хозяйственных, так и рекреационных, конвенциональным нормам экологичного, не хищнического отношения к окружающей среде определяет притязания на право пользования ресурсами бора:

«Потому что мы же в этом лесу выросли... Мы знаем, что можно, а что нельзя. А они пришли со своими какими-то догмами. Мы это не понимаем, почему. Мы дети природы, мы понимаем больше здесь, а вы чего-то нам тут диктуете, по какому праву?» (жители села об ограничениях лесопользования).

Примеры практик, иллюстрирующих зависимость от места профессиональных грибников, дачников-горожан и береговых туристов, показательны с точки зрения соотношения отдельных компонент чувства места. Зависимость от места для собирателей гораздо менее эмоционально нагружена и обусловлена привязанностью к месту, чем у укорененных туристов и дачников-горожан. Однако оба эти случая могут быть измерены через хозяйственную значимость и длительность опыта природопользования, а также

через объем «инвестиций» в место. Кроме того, оценке подлежит характер практик природопользования, степень их соответствия локальной культуре природопользования.

Удовлетворенность местом: прямое функциональное соответствие

Удовлетворенность местом представляется наиболее отрефлексированной и рационализированной составляющей из всех компонент чувства места.

Показательны в данном случае примеры дачников в сельских поселениях и туристов-горожан, поскольку для данных категорий пользователей бора выбор места сезонного проживания/рекреации в большинстве случаев доброволен, и в сам процесс выбора уже заложены достаточно четкие критерии соответствия места конкретным параметрам. Освоению места часто предшествует освоение других локаций и накопление опыта.

Дискурс случайных туристов выходного дня вполне предсказуем. Ценность места определяется исключительно как рекреационная и базируется на функциональном сравнении с другими посещенными локациями:

«Я объехала полмира... Меня на самом деле сюда загнала действительно пандемия. Ну, как бы, почему один раз не посмотреть... ну, прикольно, вода теплая, как ни странно, здесь глубина двенадцать метров, на удивление теплая вода» (туристка на мраморном карьере около д. Абрашино).

Но и для туристов-старожилов, демонстрирующих высокую эмоциональную привязанность, удовлетворенность местом достаточно утилитарна и обусловлена конкретным сравнительным преимуществом:

«Мы купили дачу в черте города, но сюда тянет. Здесь заманчиво: баня и море. Поэтому сюда тянет» (туристы-старожилы, опыт пребывания на берегу более 30 лет).

Дачники-горожане достаточно четко формулируют набор критериев (зачастую внутренне противоречивый) «лучшего места»: относительная нетронутость природы, изолированность, сочетающаяся с возможностью сообщения с большим городом, качество локального сообщества. Все это определяет удовлетворенность местом уставшего от мегаполиса горожанина. Оценки этой категории резидентов бора соединяют в себе эстетику («это самое красивое место в Новосибирской области») и функциональность («здесь все под руками», «здесь комплекс интересов»).

«Видите, я всегда хотел в деревне найти красивый угол, ... попал сюда случайно на охоте, мне тут понравилось, я пошел, походил по лесу,

понюхал воздух, посмотрел речку... здесь мне очень понравилось, потому что... тут так на отшибе немножко, ... люди простые, хорошие» (дачник).

Поиск уединения — мотив выбора места и для туристов-старожилов («сюда приехала — тут глухой лес был вообще»), но и сегодня при обилии туристов выходного дня они стараются сохранять привычный образ жизни на берегу. Удовлетворенность местом может как выступать источником формирования других компонент чувства места, так и быть их следствием. Рациональный выбор подходящего места сезонного проживания влечет привязанность и зависимость от него в будущем, в это же время предзаданная привязанность рационализируется в оценках места как «лучшего».

Заключение

Объединяющей смысловой категорией для всех компонент чувства места резидентов Караканского бора является присвоение пространства в том или ином масштабе: от границ конкретной туристической стоянки до бора как целостного природного объекта. Находясь в положении взаимообусловленности, привязанность к месту, зависимость от места и идентификация с местом приходят к общему знаменателю — восприятию места как «своего» или «нашего». В результате конструируются отношения собственности (принимающей в том числе и символическую форму), которые составляют основу легитимации практик природопользования индивидуального или коллективного агента. Эмоциональная привязанность к бору, идентификация себя как имеющего отношение к данной локации, опыт природопользования, в том числе инвестирования в место, дают агенту природопользования внутреннее моральное право на пользование и присвоение пространства и ресурсов бора.

Структура чувства места как многосоставного конструкта нередко внутренне противоречива. В нем переплетаются рациональные и иррациональные составляющие, добровольность и вынужденность, выбор и отсутствие такового. Эмоциональные переживания от встречи с природными красотами уравниваются, а иногда и подкрепляются бытовыми трудностями, что в итоге приводит к характеристике места как «лучшего».

Опыт места, через который формируются его ценность и отдельные составляющие чувства места, подразделяется на:

- родные места, места происхождения — опыт унифицирующий, опыт без выбора, создающий безусловную ценность, не основанную на сравнении;
- ресурсность места — опыт индивидуализирующий, который определяет прежде всего удовлетворенность местом. Ему предшествует выбор места, сравнение с другими освоенными местами.

Привязанность к родным местам по большому счету не зависит от того, какой тип ландшафта они представляют, в данном случае рационализации

отдельных компонент чувства места предшествует именно аффективная, иррациональная связь, в определенном смысле биологически обусловленная. Такой вариант формирования привязанности скорее универсален. Ресурсность места же специфична для конкретных ландшафтов, что в данном исследовании раскрывается в первую очередь через анализ восприятия биофизических характеристик Караканского бора. Именно личный опыт природопользования, жизни в бору и/или жизни бором представляет собой ту линзу, через которую преломляется индивидуальное восприятие природно-климатических, биофизических свойств ландшафта. Оставаясь формально неизменными, они в конечном итоге формируют индивидуальный мир Караканского бора для различных групп его пользователей.

Чувство места резидентов Караканского бора одновременно локально и глобально. Исторически укорененная изолированность и фронтирность бора и его поселений фокусируют внимание на его характерных особенностях, как территориальных, так и природно-экологических, что выводит на первый план локальную специфику формирования чувства места в контексте неформального природопользования. Множественность агентов природопользования, представляющих социальный ландшафт бора, с их социальными связями и предшествующим опытом определяют структурное разнообразие Караканского бора как пространства мест и вытекающие из него свойства глобальности чувства места [Massey, 1991].

Литература / References

Головнева Е. В. «Чувство места» в Сибири: эмоциональный компонент сибирской идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/28/2> EDN: ZVZEYP

Golovneva E. V. (2017) "Place Attachment" in Siberia: The Emotional Component in the Structure of Siberian Identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedeniye* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]. No. 28. P. 17–26. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/28/2>

Дом и его обитатели: психологическое исследование / Отв. ред. С. К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 2018. EDN: YNOZZZ

Nartova-Bochaver S. K. (ed.) (2018) *Dom i yego obitateli: psikhologicheskoye issledovaniye* [Home and Its Inhabitants: The Psychological Study]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.)

Жердева Ю. А. Чувство места как категория социальной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2. С. 5–11. EDN: VZZUXP

Zherdeva Yu. A. (2015) Sense of Place as a Concept of Social Memory. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Research]. No. 2. P. 5–11. (In Russ.)

Рагулина М. В. Биорегионализм — англо-американская версия синтеза науки и экологического движения // Юг России: экология, развитие. 2007. Т. 2. № 1. С. 110–112. EDN: MBVWWW

Ragulina M. V. (2007) Bioregionalism — Anglo-American Version of the Synthesis of Science and Ecological Movement. *Yug Rossii: ekologiya, razvitiye* [South of Russia: Ecology, Development]. Vol. 2. No. 1. P. 110–112. (In Russ.)

Лаврусевич П. Е. Жить бором или жить в бору: практики собирательства и присвоение пространства (кейс Караканского бора) // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 3. С. 73–94. DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-3-73-94>

Lavrusevich P. (2023) To Live with a Pine Wood or to Live in a Pine Wood: Gathering Practices and Space Appropriation (The Case of Karakansky Pine Wood). *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 24. No. 3. P. 73–79. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-3-73-94>

Плюснин Ю. М. «Свои» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России. 2013. Т. 22. № 3. С. 60–93. EDN: [QCCUBD](https://www.edn.ru/qccubd)

Plyusnin Yu.M. (2013) “Locals” and “Aliens” in Russian Provincial Town. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 22. No. 3. P. 60–93. (In Russ.)

Резниченко С. И. Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 3. С. 15–27. EDN: [SJNSJX](https://www.edn.ru/sjnsjx)

Reznichenko S. I. (2014) Attachment to Place and Sense of Place: Models and Phenomena. *Sotsialnaya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 5. No. 3. P. 15–27. (In Russ.)

Скалабан И. А., Алексеев Т. Д., Лаврусевич П. Е. Социальные миры Караканского бора: перспективы сближения и императивы справедливости // Мир России. 2024. Т. 33. № 1. С. 115–143. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-115-143>

Skalaban I. A., Alekseev T. D., Lavrusevich P. E. (2024) The Social Worlds of the Karakan Pine Forest: Prospects for Rapprochement and Imperatives of Justice. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 33. No. 1. P. 115–143. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-115-143>

Скалабан И. А., Серебрянникова О. А. Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 1. С. 65–74.

Skalaban I. A., Serebryannikova O. A. (2014) Territorial Identity as Factor of Social Participation: Generational Context. *Ideji i idealy* [Ideas and Ideals.]. Vol. 2. No. 1. P. 65–74. (In Russ.)

Филлипов А. Ф. Гетеротопология родных пространств // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 48–62.

Filippov A. F. (2002) Heterotopology of native spaces. *Otechestvennye Zapiski* [Domestic Notes]. No. 6. P. 48–62. (In Russ.)

Ardoin N.M. (2014) Exploring Sense of Place and Environmental Behavior at an Ecoregional Scale in Three Sites. *Human Ecology*. Vol. 42. No. 3. P. 425–441. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10745-014-9652-x>

Ardoin N.M., Gould R.K., Lukacs H., Sponarski C.C., Schuh J.S. (2019) Scale and Sense of Place among Urban Dwellers. *Ecosphere*. Vol. 10. No. 9. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1002/ecs2.2871>

Bott S., Cantrill J.G., Myers O.E. (2003) Place and the Promise of Conservation Psychology. *Human Ecology Review*. Vol. 10. No. 2. P. 100–112

Cuba L., Hummon D. (1993) A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community and Region. *The Sociological Quarterly*. Vol. 1. No. 1. P. 111–131. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1993.tb00133.x>

Eanes F., Robinson P., Silbernagel J. (2018) Effects of Scale and the Biophysical Environment on Sense of Place in Northeastern Wisconsin's Bioregions. *Human Ecology Review*. Vol. 24. No. 1. P. 71–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.22459/HER.24.01.2018.04>

Erfani G. (2022) Reconceptualising Sense of Place: Towards a Conceptual Framework for Investigating Individual-Community-Place Interrelationships. *Journal of Planning Literature*. Vol. 37. No. 3. P. 452–466. DOI: <https://doi.org/10.1177/08854122221081109>

Gallina M., Williams A. (2015) Variations in Sense of Place Across Immigrant Status and Gender in Hamilton, Ontario; Saskatoon, Saskatchewan; and, Charlottetown, Prince Edward Island,

Canada. *Social Indicators Research*. Vol. 121. No. 1. P. 241–252. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0636-4>

Hidalgo M. C., Hernandez B. (2001) Place Attachment: Conceptual and Empirical Question. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 21. No. 3. P. 273–281. DOI: <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0221>

Jorgensen B. S., Stedman R. C. (2001) Sense of Place as an Attitude: Lakeshore Owners Attitudes toward Their Properties. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 21. No. 3. P. 233–248. DOI: <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0226>

Kianicka S., Buchecker M., Hunziker M., Müller-Böker U. (2006) Locals' and Tourists' Sense of Place: A Case Study in a Swiss Alpine Village. *Journal of Mountain Research and Development*. Vol. 26. No. 1. P. 55–63.

Massey D. (1991) A Global Sense of Place. *Marxism Today*. P. 24–29.

Moore R. L., Graefe A. R. (1994) Attachments to Recreation Settings: The Case of Railtrail Users. *Leisure Sciences*. Vol. 16. No. 1. P. 17–31. DOI: <https://doi.org/10.1080/01490409409513214>

Nanzer B. (2004) Measuring Sense of Place: A Scale for Michigan. *Administrative Theory & Praxis*. Vol. 26. No. 3. P. 362–382. DOI: <https://doi.org/10.1080/10841806.2004.11029457>

Pilkington H. (2012) "Vorkuta Is the Capital of the World": People, Place and the Everyday Production of the Local. *The Sociological Review*. Vol. 60. No. 2. P. 267–291. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-954X.2012.02073.x>

Sale K. (2000) *Dwellers in the Land: The Bioregional Vision*. Athens: The University of Georgia Press.

Stedman R. C. (2003) Is It Really Just a Social Construction?: The Contribution of the Physical Environment to Sense of Place. *Society & Natural Resources*. Vol. 16. No. 8. P. 671–685. DOI: <https://doi.org/10.1080/08941920309189>

Stedman R. C. (2003) Sense of Place and Forest Science: Toward a Program of Quantitative Research. *Forest Science*. Vol. 49. No. 6. P. 822–829. DOI: <https://doi.org/10.1093/forest-science/49.6.822>

Tuan Y.F. (1997) *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Williams A., Kitchen P. (2012) Sense of Place and Health in Hamilton, Ontario: A Case Study. *Social Indicators Research*. Vol. 108. P. 257–276. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-012-0065-1>

Williams D.R. (2014) Making Sense of "Place": Reflections on Pluralism and Positionality in Place Research. *Landscape and Urban Planning*. Vol. 131. P. 74–82. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2014.08.002>

Сведения об авторе:

Лавруевич Полина Евгеньевна — старший преподаватель, кафедра общей социологии экономического факультета, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия. **E-mail:** p.lavrusevich@g.nsu.ru. **РИНЦ Author ID:** 504233; **ORCID ID:** 0009-0002-0275-1177; **ResearcherID:** LRC-8099-2024.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

БАК: 5.4.4

.....

“It Is All Mine, Native!”: A Sense of Place in the Context of Informal Nature Management (the Case of Karakansky Pine Wood)⁴

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.2

Polina E. Lavrusevich Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
E-mail: p.lavrusevich@g.nsu.ru

The article reveals the analytical potential of the concept of a sense of place in the annex to such large natural objects as suburban forests. On the data of ethnographic case-study held in 2021–2022 in the Novosibirsk region, shown how the biophysical characteristics of the natural-anthropogenic landscape, refracting through the history of life and individual experience of natural resource management, participate in the formation of place attachment, place dependence, place identity and place satisfaction. The components of a sense of place include both rational and irrational components, voluntariness and necessity, choice and lack thereof. Personal experience of pine wood users — rural residents, summer residents and city tourists — is characterized by different degree of rootedness in the landscape, which qualitatively and quantitatively measured by the duration of permanent and seasonal residence, the presence of generational ties with the place, features of environmental management practices. The experience of place, which shapes the value of the place and through it the components of the sense of place, can be both unifying, creating unconditional value, not based on comparison (native places), and individualizing, creating comparative satisfaction and attachment to place (place resource). Strong emotional experiences of unity with nature are balanced, and often reinforced by economic difficulties, which as a result leads to perception of the place not only as the “best”, but also as “native”, “own”.

Key words: sense of place; place attachment; place dependence; place identity; place satisfaction; informal use of natural resources; Karakansky pine wood

Author Bio:

Polina E. Lavrusevich — Senior Lecturer, Sociology Department, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia. **E-mail:** p.lavrusevich@g.nsu.ru. **RSCI Author ID:** 504233; **ORCID ID:** 0009-0002-0275-1177; **ResearcherID:** LRC-8099-2024.

Received: 10.09.2024

Accepted: 09.12.2024

⁴ The article is based on the results of the project “Informal practices of nature management in the Karakan pine wood: between social appropriation and social cooperation” with the participation of the Khamovniki Social Research Support Fund. Project manager: I. A. Skalaban, participants: P. E. Lavrusevich, T. D. Alekseev, E. A. Grach, A. V. Dubynin.

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.3

EDN: KIGCQM

Сохранение городской исторической среды: через борьбу или кооперацию (на примере городов Урала)¹

Ссылка для цитирования:

Федорова М. С. Сохранение городской исторической среды: через борьбу или кооперацию (на примере городов Урала) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 44–57. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.3> EDN: KIGCQM

For citation:

Fedorova M. S. (2024) Preservation of the Urban Historical Environment: Through Struggle or Cooperation (the Example of the Ural Cities). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 44–57. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.3>

Федорова Мария Сергеевна

Уральский Федеральный Университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

E-mail: m.s.fedorova@urfu.ru

Преобразование городской среды не всегда происходит так, как этого ожидают жители. Желание сохранить исторические здания и объекты часто побуждает горожан к самоорганизации и созданию общественных движений и активистских проектов, которые направлены на защиту объектов культурного наследия и других значимых сооружений, находящихся под угрозой сноса. В данной статье на примере четырех уральских городов (Екатеринбурга, Тюмени, Челябинска и Кургана) анализируется, как по-разному может быть реализована подобная градозащитная деятельность в зависимости от внешних условий и иных факторов. Показано, что сохранение культурного наследия может превратиться в нестихающую борьбу, где каждая сторона считает потери и победы, а может стать городским трендом, в который будут включаться все стейкхолдеры.

Ключевые слова: градозащита; сохранение исторического облика города; объекты культурного наследия; снос зданий; городской активизм

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–78–01060. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-01060/>.

Введение

Тема сохранения объектов культурного наследия не теряет своей актуальности уже не одно десятилетие. В отличие от поэзии, музыки или живописи архитектурные объекты нельзя компактно разместить на полках или сохранить в неизменном виде. Принцип сохранения всего и навсегда неумолимо терпит поражение в силу нереализуемости, отсчет физического износа здания начинается с момента ввода в эксплуатацию, по мере того как здание приобретает форму, архитектура неизбежно начинает разрушаться и деформироваться [Cairns, Jacobs, 2017]. С каждым годом появляются как новые удачные примеры сохранения зданий, так и печальные истории сносов исторической застройки, актуализируются новые вопросы для дискуссии и интерпретации. Порой кажется, что сохранение культурного наследия представляет собой нескончаемый круг неразрешимых дилемм, начиная с того, что именно стоит сохранять, как сохранять, как приспособлять и на какие средства, заканчивая масштабами сохранения и масштабируемостью самих подходов. Реконструкцию, в рамках которой были сохранены фасады исторической застройки, могут назвать как удачной (приспособление устаревшей планировки под современные нужды, удаление лишнего и сохранение ценного), так и варварской (утрата оригинальных материалов, нарушение пропорций исторической среды, утрата объемно-планировочной структуры). Ценность одного и того же здания оказывается предметом дискуссии, и даже в рамках судебной экспертизы могут быть получены разные решения [Макаров, 2020].

Здания, архитектура, исторический ландшафт и физическая форма любого исторического города составляют часть его культурного наследия. На территории Российской Федерации находится 149 532 объекта культурного наследия (ОКН)². Сохранение такого количества объектов, даже просто осмотр требуют серьезной работы управлений и комитетов по охране, а недобросовестное выполнение подобной работы может приводить к утрате значимых объектов [Шульгин, 2013]. Поэтому часть таких работ стали брать на себя неравнодушные горожане, объединения активистов, общественные организации [Брусенкова, 2021: 39]. Общественные градозащитные инициативы рассматриваются как атрибут развития гражданского общества [Демин, Беневаленская, 2020] и как формат гражданского участия, т.е. участия граждан «в общественной жизни местных сообществ» [Певная et al., 2024].

В данной статье предлагается проанализировать особенности деятельности общественных движений и активистских проектов по защите объектов культурного наследия в четырех уральских городах — Екатеринбурге, Тюмени, Челябинске и Кургане. Мы рассмотрим, с какими сложностями они сталкиваются и каким образом выстраивается вектор взаимодействия с государственными организациями и другими акторами. Отправной точкой

² Согласно Государственному докладу о состоянии культуры в Российской Федерации в 2022 году. URL: <https://culture.gov.ru/documents/gosudarstvennyy-doklad-o-sostoyanii-kulturny-v-2022-godu04092023/> (дата обращения: 01.06.2024).

исследования стало предположение о различиях в восприятии ценности городских объектов у различных групп акторов: застройщиков и балансодержателей зданий, представителей власти и представителей общественности [Yung, Chan, 2013], — что в одних случаях может приводить к возникновению коалиций между чиновниками и общественными движениями [Тыканова, Шевцова, Желнина, 2024], а в других — к конфликтам вокруг городских объектов [Uzer, Hammami, 2022]. Опираясь на выявленные различия, мы обозначим характерные стратегии градозащитной деятельности, анализируя их через призму типичных форматов активности групп акторов, обозначенных выше.

Данные и методы

Статья базируется на материалах разведывательного исследования, проведенного в мае — сентябре 2024 года. Автором проведено восемь экспертных интервью с членами общественных организаций Екатеринбурга, Тюмени, Кургана и Челябинска. Все информанты имеют опыт общественной деятельности на протяжении не менее пяти лет, активно участвуют в ведении социальных сетей (как личных, так и страниц сообществ).

Поиск информантов осуществлялся через страницы общественных организаций в социальных сетях. При отборе учитывались: (1) обозначение градозащитной тематики в качестве целевой, (2) наличие реальной деятельности, т.е. проведение очных мероприятий, связанных с сохранением городских объектов (субботников, консерваций, пикетов и т.п.), в том числе в последние три года, и (3) востребованность страницы данной организации (наличие 99 и более подписчиков). Страницы экскурсоводов, занимающихся преимущественно популяризацией наследия, не рассматривались. В ходе отбора были составлены шорт-листы общественных организаций, соответствующих указанным критериям: в Екатеринбурге — 16, в Тюмени — 6, в Челябинске — 3, в Кургане — 3. В дальнейшем путем переговоров с представителями организаций сформировался пул экспертов, готовых принять участие в исследовании и имеющих продолжительный и разнообразный опыт участия в сохранении наследия.

Гайд интервью состоял из следующих тематических блоков: биография информанта и мотивы участия в общественной деятельности; описание текущих и прошлых градозащитных проектов, в том числе проведенных в иных общественных организациях; оценка изменений, которые можно наблюдать в последние годы в градозащитной активности горожан и в сфере градозащиты в целом.

Градозащитная деятельность: стратегия борьбы

Как отмечают Е. Тыканова, И. Шевцова и А. Желнина, «чиновники обращают внимание в основном на конфликты с особенно заметным уровнем мобилизации и общественным резонансом» [Тыканова, Шевцова, Желнина, 2024]. Снос здания обнажает конфликт, который мог длительно, но незаметно для

большинства горожан нарастать вокруг конкретной территории и в результате сделать очевидным разное понимание ценности объекта, ансамбля, места в представлении общественных организаций и собственника [Снегирева, 2020: 488; Федорова, 2023]. В результате актуализация конфликта является основой для стратегии борьбы за сохранение наследия, подразумевающей противостояние активистов и официальных органов, реализующих градостроительную политику. Эта стратегия была обнаружена нами в Екатеринбурге.

Екатеринбург активно растет, застраиваются и меняют свой облик не только пригородные районы, но и центр. На смену малоэтажной застройке приходят многоэтажные жилые дома, в результате город «стал известен на всю страну громкими демонтажами исторических зданий. Их сносят, разбирают по кирпичикам, поджигают» [Кругликова, 2022]. Это послужило стимулом для активных горожан объединяться и совместно противостоять утрате исторических зданий.

Согласно материалам интервью, градозащитный активизм стал развиваться с начала 2000-х годов, когда для сносов, происходивших в городе, был характерен очень схожий сценарий: внезапное для горожан производство работ экскаватором, часто в ночное время, в зимний сезон. Если это обнаруживалось, происходил экстренный выезд представителей общественных организаций для остановки разрушения, привлекались СМИ и правоохранительные органы, инициировалось временное прекращение работ до вынесения решения о включении объекта в перечень выявленных объектов ОКН. При этом общественные организации осуществляли круглосуточные дежурства для того, чтобы остановить продолжение демонтажных работ, но это не всегда удавалось из-за сложности собрать достаточное количество неравнодушных горожан:

«Все сносы идут зимой, в конце зимы, потому что весной выходить на стройку. И зимой очень тяжело протестовать: мало людей ходят по городу, никто ничего не видит» (ж., занимается градозащитной деятельностью более 15 лет, Екатеринбург).

Поэтому финал у большинства историй со сносом был очень похожим: несмотря на усилия общественников-градозащитников, спасти здания от разрушения не удавалось. Об очередных потерях в городской исторической среде рассказывали СМИ, подкрепляя статьи мнениями городских активистов.

Позитивные градозащитные примеры стали появляться в более поздний период. Например, движение по отстаиванию территории городского пруда в 2017 году для сохранения от застройки. Особенностью данного кейса стала консолидация всех действовавших на тот момент общественных организаций и их аудиторий:

«Была совершенно реальная победа, объединялись разные направления: и экология, и история, и наследие» (ж., занимается градозащитной деятельностью более 20 лет, Екатеринбург).

Информанты говорили, что этот результат вдохновил, он был похож на начало новой эпохи, когда к общественным организациям станут прислушиваться, и все станут действовать сообща. Однако вместо этого обострились существующие конфликты между самими активистами, и в результате они вернулись к своим нишевым задачам:

«Все, кто активно участвовал, разошлись по своим локальным проектам. Хватит тушить пожары, это можно бесконечно бегать от очага к очагу, нужно найти свою область и в ней действовать планомерно» (ж., занимается градозащитной деятельностью более 7 лет, Екатеринбург).

В 2018 году горожане активно обсуждали незавидную судьбу другого объекта — городской недостроенной телевизионной башни, которую хотели снести. Казалось, что недавняя победа в отстаивании городского пруда может повториться вновь, но консолидации не произошло, а сам факт того, что не все общественные организации выступили в защиту, стал причиной еще большего разобщения:

«Башня была точкой раздора» (ж., занимается градозащитной деятельностью более 7 лет, Екатеринбург).

В дальнейшем характерной особенностью для большинства общественных организаций в Екатеринбурге становится «закрепление» на определенной локации. Это вынужденный шаг, направленный на эффективное распределение усилий и мониторинг наиболее важных объектов. При этом история сносов екатеринбургских объектов исторической среды (здания ПРОМЭКТа, кинотеатра «Темп», здания аэровокзала Уктус, флигеля дома Поповичевых и других) показывает, что судьба объектов, подлежащих сносу, решается задолго до приезда строительной техники. Снос нельзя остановить, когда строительная техника приезжает на площадку, но это именно тот момент, когда о сносе становится широко известно:

«Вот мы видим, как к дому приезжает экскаватор, на этой стадии практически невозможно остановить снос. А когда нужно останавливать снос? Вот мы видим, что здание выкуплено и согласован по нему проект, и выкуплена земля, это тоже уже поздно. Застройщик вложил, заплатил архитекторам, он уже кучу денег инвестировал, он будет защищать их любыми способами. Тогда откатываемся еще назад. У нас есть генеральный план и правила землепользования и застройки, которые позволяют или не позволяют что-то строить. Его принимают депутаты. Они все определяют» (ж., занимается градозащитной деятельностью более 15 лет, Екатеринбург).

В силу отсутствия необходимых ресурсов для реставрации или восстановления объекта (за исключением «Том Сойер Феста»³) в большинстве случаев общественные организации концентрируют свои усилия на популяризации самого объекта, непосредственно влияя на его восприятие в коллективной памяти горожан. Сами градозащитники признают:

«Общественные организации не имеют достаточно инструментов, мы можем реально только бегать и орать... Есть уровень, на котором принимают решения, и нас туда не пускают» (ж., занимается градозащитной деятельностью более 15 лет, Екатеринбург).

Можно сказать, что это формат не прямой борьбы: вместо открытого конфликта борьба реализуется через формирование общественного мнения, т.е. символически «присваивая» тот или иной городской объект, представляя свой взгляд на его ценность, активисты стремятся предотвратить внезапный снос. Благодаря экскурсиям, квестам, субботникам, выставкам, иницируемым общественными градозащитниками, заброшенный сад, особняк или усадьба становятся частью городских маршрутов и рассказов, вплетаются в городскую жизнь. К сожалению, эти старания могут оказаться напрасными, если собственник объекта изменит решение, и многолетние усилия активистов могут быть обнулены за несколько дней работы строительной техники.

Отмечу, что каждая новая история поражений (и в меньшей мере побед) побуждала новых участников — тех горожан, чьи интересы, чувства или воспоминания так или иначе оказались затронуты прошедшими или не состоявшимися сносами, — присоединяться к градозащитным инициативам. Тем не менее информантам было сложно оценить количество организаций и горожан, которые занимаются сохранением исторической среды и объектов культурного наследия в настоящее время, поскольку не все из них регистрируются официально, многие образуются стихийно как локальные активистские проекты и так же внезапно угасают. И само количество активистов-организаторов, которые создают общественный резонанс, организуют мероприятия и акции, по мнению информантов, не превышает 10 человек на весь город. Большинство из них являются руководителями общественных организаций, в которых около 15–20 человек регулярно участвуют в ключевых мероприятиях. Остальных можно назвать умеренно активными участниками: до 30–100 человек присоединяются на разовые акции и еще несколько тысяч наблюдают за новостями, подписываются и оставляют реакции в социальных сетях.

Подтверждая то, что выявленная нами стратегия деятельности градозащитников в Екатеринбурге является именно стратегией борьбы, противостояния, информанты постоянно рассуждали в рамках дихотомии «мы и они»: у «них» (органов власти) есть право на решающее слово в судьбе объекта, а «нас» могут игнорировать. Это усугубляется еще и уменьшением возможностей

³ Фестиваль восстановления исторической среды силами волонтеров на средства спонсоров // Том Сойер Фест. 2018 г. URL: http://tsfest_ekb.tilda.ws/ (дата обращения: 15.07.2024).

для диалога, так как процедура публичных слушаний с 2018 года⁴ заменена на формальные общественные обсуждения.

За прошедшие два десятилетия в Екатеринбурге сформировалась как история градозащитных движений в целом, так и своя история для каждой организации в отдельности. Реже это опыт побед, успешная подача заявлений на внесение в перечень выявленных объектов, чаще — опыт поражений, когда каждый новый конфликт завершается утратой исторической застройки.

Градозащитная деятельность: стратегия кооперации

Тюмень, основанная в 1586 году, из четырех рассматриваемых нами городов имеет самую продолжительную историю. Историческая городская среда включает деревянные жилые дома, которые формируют «красные линии исторических кварталов и приносят неповторимый колорит в застройку Тюмени, формируя силуэт и панорамы улиц старинного сибирского города» [Пухлякова, Ситникова, 2018]. Городские СМИ регулярно пишут о новых проектах реконструкции и реставрации исторических зданий, а на охране состоит 161 объект культурного наследия, что примерно в пять раз меньше, чем в Екатеринбурге.

Проведенные интервью показывают, что отношения между общественными градозащитниками и другими акторами могут развиваться не только в формате борьбы. Информанты рассказывают, что в 2013 году в городе планировали снести круглую баню, созданную в стиле конструктивизма, и далеко не всем горожанам была понятна ее ценность. Помимо здания бани, широкое общественное обсуждение развернулось вокруг уездного училища, которое не удалось спасти от сноса в 2021 году. Но эти и другие примеры дискуссий вокруг тюменских исторических зданий упоминаются активистами с ремаркой, что они относятся к прошлому:

«Когда-то было время, когда объекты терялись, горели каждый год» (ж., занимается градозащитной деятельностью более 10 лет, Тюмень).

«Крапивинская Тюмень была еще 10 лет назад, сейчас ее не осталось от слова совсем» (м., занимается градозащитной деятельностью более 11 лет, Тюмень).

Отличительной особенностью текущей градозащитной ситуации в Тюмени является то, что защита наследия, популяризация реконструкции и сохранения зданий стала активно поддерживаться местными властями. На круглом столе, проходившем в рамках VII Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие» (Тюмень, июнь 2024 года), инвесторы делились

---

⁴ Хватит тут ходить: в Екатеринбурге публичные слушания заменят на общественные обсуждения в интернете // Екатеринбург онлайн. 2018 г. URL: <https://www.e1.ru/text/realty/2018/06/20/62740451/> (дата обращения: 25.08.2024).

опытом участия в проектах восстановления и приспособления ОКН и отмечали, что привлекательность объекта культурного наследия во многом зависит от прозрачности работы и поддержки со стороны администрации. Администрация города Тюмени получила золотой диплом данного фестиваля в номинации «Региональные или муниципальные программы, направленные на сохранение объектов архитектурного и ландшафтного наследия», отличившись своей региональной программой «Привлечение частных инвестиций в сохранение объектов культурного наследия». Активисты также отмечают, что данный результат был достигнут благодаря согласованным действиям градозащитников, застройщиков, регионального органа охраны ОКН, администрации города:

«Администрации стало самим видно, насколько город больше привлекает внимания, когда сохраняет наследие, а не городит что-то новое напыщенное. <...> Стали не просто реставрировать, но и инвестиционный вопрос поднимать, появились компании, которые создают объект как инвестлоты. Это своего рода девелопмент» (ж., занимается градозащитной деятельностью более 10 лет, Тюмень).

В результате сохранение исторического наследия стало объектом интереса не только активистов, но и девелоперов. Иными словами, самым простым и эффективным способом спасения объекта от сноса стал поиск заинтересованного инвестора:

«Много застройщиков стали включаться в процесс» (ж., занимается градозащитной деятельностью более 10 лет, Тюмень).

Таким образом, наследие в Тюмени стало городским брендом, ресурсом для развития туризма и формирования идентичности. Возможно, при меньшей концентрации самих объектов и при более компактных размерах самих зданий (по сравнению с конструктивистским наследием Екатеринбурга), найти инвесторов для сохранения застройки оказывается проще. Участие администрации в вопросах сохранения наследия велико, и уже видны ощутимые результаты. С 2018 года в Тюмени проводятся аукционы по продаже ОКН, изъятых у собственников по причине бесхозного содержания. В 2015 году за счет частных инвестиций было отреставрировано 8 объектов, с 2016 по 2020 год — еще 27. По данным 2023 года нашли инвесторов для трех зданий, в 2024 году частные инвестиции были задействованы в восстановлении более 10 зданий. С 2021 года в Тюмени работает муниципальная программа «Развитие культуры и искусства в городе Тюмени на 2021–2026 годы»⁵, по данным 2022 года объем финансовых затрат составил 1 100 273 тыс. рублей. Одной из задач программы

⁵ Об утверждении муниципальной программы «Развитие культуры и искусства в городе Тюмени на 2021–2026 годы» и о признании утратившими силу некоторых распоряжений Администрации города Тюмени. 2024 // Кодекс — Профессиональные справочные системы. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571033714> (дата обращения 18.11.2024).

является популяризация объектов культурного наследия. Рост объема инвестиций в ремонтно-реставрационные работы заметен и по годовым отчетам об исполнении бюджета Тюмени: в 2023 году на ремонтно-реставрационные работы на объектах культурного наследия было израсходовано 105 029 тыс. рублей, в 2022—79 905 тыс. рублей, в 2021—8 349 тыс. рублей.

Стратегия кооперации базируется на равном участии всех заинтересованных сторон в сохранении наследия. У общественных организаций реже возникает необходимость в кооперации для отстаивания отдельных зданий и сооружений, хотя нельзя говорить о том, что подобных случаев нет вовсе (дом на ул. Пристанской был снесен в 2023 году, хотя, по мнению горожан, представлял ценность, здания бывшего уездного училища город лишился в 2021 году, несмотря на то, что под петицией против сноса подписалось 2 089 человек). В Екатеринбурге борьба за сохранение концентрируется вокруг исторических зданий, по определенным причинам не имеющим статуса объекта культурного наследия, и правовая возможность сохранения этих зданий зависит от шансов на внесение в перечень выявленных объектов. В Тюмени же усилия администрации, регионального органа охраны ОКН, инвесторов и градозащитников преследуют общую цель — улучшение состояния объектов культурного наследия.

Несформировавшиеся стратегии

Еще в двух городах — Челябинске и Кургане — мы увидели ситуацию, которую можно охарактеризовать как несформировавшуюся стратегию градозащиты. В этих городах обнаружены и низкая активность общественных градозащитников, и низкая вовлеченность горожан в тематику сохранения наследия.

Несмотря на различный исторический багаж этих городов, нарративы активистов были весьма похожими. Челябинские градозащитники видели причины низкой вовлеченности горожан в тематику сохранения наследия в практически полном отсутствии значимых, запоминающихся объектов:

«Челябинская область в общем-то бедная интересными и исключительными объектами. Назовите здание, которое было бы жалко, таких единицы» (м., занимается градозащитной деятельностью более 12 лет, Челябинск).

В Кургане, несмотря на наличие интересных и хорошо сохранившихся дореволюционных объектов, лишь у малой доли горожан исторические здания вызывают интерес в силу того, что многие переехали в город уже в советское время (после Гражданской или Великой Отечественной войны):

«У большинства горожан Кургана нет привязки к дореволюционному времени, потому что в малых городах после Гражданской войны и революции население сменилось на 80%. Почти ни один горожанин не может сказать, что его предки жили в Кургане в конце XIX века» (м., занимается градозащитной деятельностью более 14 лет, Курган).

В результате и в Челябинске, и в Кургане количество градозащитных общественных организаций невелико, скорее, можно говорить об отдельных личностях-активистах:

«У нас был общественный совет по охране культурного наследия при соответствующем управлении, но приказом губернатора четыре года назад закрыт» (м., занимается градозащитной деятельностью более 12 лет, Курган).

Однако оба города принимали участие в уже упоминавшемся фестивале «Том Соьер Фест» (в его рамках в Челябинске было отреставрировано 3 дома), также с каждым годом активнее развивается городская экскурсионная инфраструктура.

Поисковый характер градозащитной деятельности в Челябинске проявляется в том, что начинают развиваться проекты, посвященные повседневным соседским инициативам. Например, в 2024 году прошел фестиваль городских сообществ «Соседи снизу»,⁶ на котором реставраторы, экскурсоводы, общественники, градозащитники делились своим опытом в улучшении города — сохранении его чистоты, озеленении — и рассказывали о возможности совместных добрых дел на благо города.

В отсутствии сформировавшейся стратегии весь потенциал общественно-го участия рассеивается между разрозненными проектами, малозаметными в масштабах данных городов. А главной угрозой для исторической среды становится новое строительство, разворачивающееся в центральных районах. Челябинск активно застраивается новыми жилыми домами: в 2023 году введено 546,1 тыс. кв. м жилья⁷. Эта цифра в три раза выше официальных данных по Кургану, где введено 181,5 тыс. кв. м жилых площадей⁸. С учетом стабильного роста темпов строительства можно предположить, что вероятность сохранения исторической среды в Кургане гораздо выше.

Одной из важных функций, выполняемых общественными организациями, является формирование и подача заявлений для включения в перечень выявленных объектов культурного наследия. Согласно официальным данным региональных органов охраны объектов культурного наследия, за последние три года на общественное обсуждение не было вынесено ни одного заключения государственной историко-культурной экспертизы в целях обоснования целесообразности включения в единый реестр ОКН в городе Кургане, в то время как в Челябинской области ситуация иная: за четыре года список ОКН пополнился на 234 объекта, только за 2022 год принято 146 положительных

⁶ Сообщество «Соседи снизу ~ Фестиваль городских сообществ» // ВКонтакте URL: https://vk.com/sosedi_chlb (дата обращения: 18.11.2024).

⁷ Доклад о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления города Челябинска за 2023 год и их планируемых значениях на трехлетний период // Администрация города Челябинска URL: <https://cheladmin.ru/cheladmin/overview/Rukovodstvo/glava/doklad%20eff/27042024.htm> (дата обращения: 18.11.2024).

⁸ Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления за 2023 год // Муниципальное образование город Курган. 2024. 26 апреля. URL: <https://www.kurgan-city.ru/about/effect/1198550/> (дата обращения: 17.11.2024).

заклучений о включении объектов в единый реестр, половина объектов находится в Челябинске.

При несформировавшейся стратегии, когда общественность однозначно не выражает протестов относительно сноса исторической застройки, а от общественных организаций поступает в разы меньше обращений о включении здания или сооружения в перечень выявленных объектов культурного наследия, ведущую роль может взять на себя региональный орган охраны ОКН, как, например, в Челябинске. В Кургане же в отсутствие значительных угроз основная деятельность регионального органа направлена на восстановление и ремонт существующих ОКН, а не на популяризацию.

Дискуссия

Наследие распределено по городам неравномерно: тысячи объектов в Москве и Санкт-Петербурге, сотни в крупнейших городах, десятки в крупных и больших, единицы в малых. И грубая количественная оценка не может ответить на вопрос о ценности этого списка, приблизить к пониманию значимости тех или иных зданий самими горожанами. Решение о том, что необходимо сохранять, может измениться завтра, а то, что кажется типичным и неинтересным сейчас, может стать объектом культурного наследия. Опыт прошлых лет подсказывает, что «время сильнее экспертизы» [Лежава, 2015]. Глобальная цель сохранения культурного наследия — дать возможность и будущим поколениям увидеть здания и сооружения, созданные зодчими прошлых столетий, но при этом сама общественная значимость объектов сегодня не рассматривается как критерий ценности.

Наше исследование показывает, что вовлеченность горожан в сохранение наследия во многом зависит от самого наследия (его разнообразия, состояния, истории, включенности в жизнь города), а также напрямую связана с угрозами, которые над этим наследием нависают. Многолетняя борьба за сохранение объекта, время, проведенное в архивах, подготовка заявлений, еженедельные уборки или ежегодные субботники могут быть незаметными для большинства горожан, но реальная угроза сноса здания становится информационным поводом, который привлекает внимание большого количества людей и к объекту, и к активистам [Еремеева, 2021].

В Тюмени можно увидеть пример того, как бизнес, администрация и горожане смогли договориться и объединить усилия по градозащите. В Екатеринбурге отмечается противостояние между различными акторами, застройщики сносят и застраивают те территории, которые представляли ценность для горожан, а горожане пытаются сопротивляться происходящему, участвуя в различных акциях или, по крайней мере, поддерживая активистов в онлайн-сообществах. В Челябинске и Кургане общественная позиция представлена не так активно, чтобы влиять на принятие решений о защите тех или иных зданий.

В целом потенциальные выгоды от участия активистов и общественных организаций в сохранении объектов культурного наследия велики, однако на текущий момент большая часть потенциала рассеивается при преодолении бюрократических преград, бессилия от невозможности что-то изменить или быть услышанным.

Литература / References

Брусенкова А. А. Сохранение культурного наследия региона путем формирования общественных организаций // Современная индустрия досуга: векторы модернизации. С. 38–43. М.: МГИК, 2021. EDN: [ISDSYW](#)

Brusenokova A. A. (2021) Sohranenie kulturnogo nasledija regiona putem formirovanija obshhestvennyh organizacij [Preservation of Cultural Heritage Through the Formation of Public Organizations]. *Sovremennaja industrija dosuga: vektory modernizacii* [Modern Leisure Industry: Modernization Vectors]. Moscow: MGIK. P. 38–43.

Демин М. А., Беневаденская Е. Н. Проблема сохранения историко-культурного наследия в практиках общественных организаций Алтайского края (середина 1960-х — 1991 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 1. С. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-1-112-124> EDN: [JUIDWT](#)

Demin M. A., Benevalenskaja E. N. (2020) Problem of Preservation of Historical and Cultural Heritage in Practices of Public Organizations of the Altai Territory (Mid-1960S — 1991). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija* [Vestnik NSU. Series: History and Philology]. Vol. 19. No. 1. P. 112–124. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-1-112-124>

Еремеева С. А. Память: поле битвы или поле жатвы? М.: РАНХиГС, 2021.

Eremeeva S. A. (2021) *Pamjat: pole bitvy ili pole zhatvy?* [Memory: The Battlefield or the Harvest Field?]. Moscow: RANHiGS. (In Russ.)

Кругликова Г. А. Исторический облик г. Екатеринбурга как фактор сохранения исторической памяти // Региональные культурные стратегии в современном мире. П.: Пермский государственный институт культуры, 2022. С. 594–598. EDN: [ONYNMW](#)

Kruglikova G. A. (2022). Istoricheskij oblik g. Ekaterinburga kak faktor sohraneniya istoricheskoy pamjati [The Historical Look of Yekaterinburg as A Factor of Historical Memory Preservation]. *Regionalnye kulturnye strategii v sovremennom mire* [Regional Cultural Strategies in the Modern World]. Perm: Permskij gosudarstvennyj institut kultury. P. 594–598. (In Russ.)

Лежава И. Г. Жизнь памятника в городе // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 3. С. 13–28. EDN: [UUYBDB](#)

Lezhava I. G. (2015) The Life of a Monument in the City. *Academia. Arhitektura i stroitelstvo* [Academia. Architecture and Construction]. No. 3. P. 13–28. (In Russ.)

Макаров С. В. Итоги 10-летнего опыта применения Положения о государственной историко-культурной экспертизе // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62–3. С. 79–83. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-06-2020-68> EDN: [QSQWCS](#)

Makarov S. V. (2020). The Results of 10 Years of Experience in Applying the Regulations on State Historical and Cultural Expertise. *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija* [Trends in the Development of Science and Education] No. 62–3. P. 79–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-06-2020-68>

Певная М. В., Банных Г. А., Гурченко Н. Н., Тарасова А. Н., Телепаева Д. Ф., Федорова М. С., Шуклина Е. А. Гражданское участие и самоорганизация местных сообществ: учебное пособие. Е.: Издательство Уральского университета, 2024. EDN: [OSYFRS](#)

Pevnaja M. V., Bannyh G. A., Gurchenok N. N., Tarasova A. N., Telepaeva D. F., Fedorova M. S., Shuklina E. A. (2024) *Grazhdanskoe uchastie i samoorganizacija mestnyh soobshhestv: uchebnoe pocobie* [Civil Participation and Self-Regulation of Local Communities: A General Meeting]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.)

Пухлякова М. Ю., Ситникова Е. В. Деревянная архитектура Тюмени конца XIX — начала XX в // Вестник ТГАСУ. 2018. Т. 20. № 1. С. 32–46. EDN: [YPMQCG](#)

Pukhlyakova M. Yu., Sitnikova E. V. (2018) Wooden Architecture of Tyumen Late in the 19th and Early 20th Centuries. *Vestnik TGASU* [Vestnik of Tomsk State University of Architecture and Building]. Vol. 20. No. 1. P. 32–46. (In Russ.)

Снегирева М. В. Коллективная эффективность: диалог граждан и власти // Публичное/частное в современной цивилизации. Е.: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2020. С. 488–492. EDN [VTAKVB](#)

Snegireva M. V. (2020) Kollektivnaya effektivnost: dialog grazhdan i vlasti [Collective Effectiveness: A Dialogue between Citizens and Authorities]. *Publichnoe/chastnoe v sovremennoj civilizacii* [Public/Private in Modern Civilization]. Ekaterinburg: Avtonomnaja nekommercheskaja organizacija vysshego obrazovanija "Gumanitarnyj universitet". P. 488–492. (In Russ.)

Тыканова Е., Шевцова И., Желнина А. Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 90–111. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-90-119> EDN: [LQRTMF](#)

Tukanova E., Shevtsova I., Zhelnina A. (2024) Alliances between Authorities and Activists in Urban Local Conflicts. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 23. No. 2. P. 90–111. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-90-119>

Федорова М. С. Участие краеведческих организаций в сохранении объектов культурного наследия // Сборник по результатам конференции. Н.Н.: Сормовский ресурсный культурно-просветительский центр, 2024.

Fedorova M. S. (2024) Uchastie kraevedcheskih organizacij v sohranении obektov kulturnogo nasledija [Participation of Local History Organizations in the Preservation of Heritage]. *Sbornik po rezultatam konferencii* [Collection of Conference Results]. Nizhniy Novgorod: Sormovskij resursnyj kulturno-prosvetitel'skij centr. (In Russ.)

Шульгин П. М. Культурное наследие Российской Федерации: первый ежегодный государственный доклад // Россия и современный мир. 2013. Т. 3. № 80. С. 197–208. EDN: [RCSIDL](#)

Shulgin P. M. (2013) The Preservation of the Cultural Heritage in Russia: The First Annual State Report. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Contemporary World]. Vol. 3. No. 80. P. 197–208. (In Russ.)

Cairns S., Jacobs J. M. (2017) *Buildings Must Die: A Perverse View of Architecture*. Cambridge: MIT Press. DOI: <https://doi.org/10.5860/choice.186673>

Uzer E., Hamami F. (2022) Methodological Insights Within the Intersection of Heritage and Resistance Research. *Theorizing Heritage through Non-Violent Resistance*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 231–256. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-77708-1_11

Yung E. H. K., Chan E. H. W. (2013) Evaluation for the Conservation of Historic Buildings: Differences Between the Laymen, Professionals and Policy Makers. *Facilities*. Vol. 31. No. 11/12. P. 542–564. DOI: <https://doi.org/10.1108/F-03-2012-0023>

Сведения об авторе:

Федорова Мария Сергеевна — кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры, Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. **E-mail:** m.s.fedorova@urfu.ru. **РИНЦ Author ID:** [617129](#); **ORCID ID:** [0000-0002-1993-9056](#).

Статья поступила в редакцию: 02.10.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

БАК: 5.4.4

Preservation of the Urban Historical Environment: Through Struggle or Cooperation (the Example of the Ural Cities)⁹

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.3

Maria S. Fedorova *Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*
E-mail: m.s.fedorova@urfu.ru

The article examines the contemporary role of public organizations in preserving the historical urban environment on the example of four cities, Yekaterinburg, Tyumen, Chelyabinsk and Kurgan. Active changes in the urban environment are causing the emergence of social movements seeking to preserve not only cultural heritage sites, but also those buildings that have signs of a cultural heritage site and are under threat of demolition. Using the example of four cities, it reveals how the activities of public organizations can be organized differently depending on external conditions and attitudes to the urban environment.

Keywords: urban protection; preservation of historical appearance; cultural heritage sites; demolition; urban activism

Author Bio:

Maria S. Fedorova — Candidate of Architecture, Associate Professor, Department of Architecture, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. **E-mail:** m.s.fedorova@urfu.ru. **RSCI Author ID:** [617129](#); **ORCID ID:** [0000-0002-1993-9056](#).

Received: 02.10.2024

Accepted: 09.12.2024

⁹ The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-78-01060. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-01060/>.

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.4

EDN: MHBVFI

Любительское литературное творчество мужчин как вид самотерапии

Ссылка для цитирования:

Котельников М. П. Любительское литературное творчество мужчин как вид самотерапии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 58–77. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.4> EDN: MHBVFI

For citation:

Kotelnikov M. P. (2024) Amateur Literary Creativity of Men as a Form of Self-Psychotherapy. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 58–77. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.4>

Котельников Максим Павлович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: maximant13@yandex.ru

В рамках статьи любительское литературное творчество (письмо) рассматривается как самотерапевтическая практика. На основе 11 глубинных интервью, проведенных с мужчинами, автор демонстрирует, что любительское литературное творчество может быть как способом решения жизненных проблем, так и средством, помогающим изменить отношение к ним. Выделяется несколько базовых функций любительского художественного письма: выплеск эмоций, эстетизация тяжелого повседневного опыта, имплицитное общение с людьми посредством текста. Отмечается ряд сложностей, сопряженных с реализацией этой практики. Например, писателям-мужчинам (особенно в юном возрасте) часто говорят, что «писательство — не мужское дело». Информанты указывают на то, что их увлечение письмом не воспринимается близкими как значимое, если оно не приносит дохода и успеха. Помимо этого, информанты, получившие отказ в публикации, сталкиваются с дилеммой: подстроить свое творчество под вкусы издателей (тем самым лишившись письма как практики самотерапии) либо продолжать писать так, чтобы письмо

выполняло терапевтическую функцию, но отказаться от обнародования произведений.

Ключевые слова: художественное письмо; гендер; терапевтическая культура; поле литературы

Введение

Почему люди пишут художественные тексты? На этот вопрос существует ряд конвенциональных ответов. Пожалуй, наиболее социологически фундированным выглядит тезис Бурдьё о том, что поле литературы (наряду с другими полями, будь то политика, наука и т.д.) помогает актерам достичь признания и/или экономического успеха, и письмо — средство для занятия в поле доминирующей (или, как минимум, выгодной) позиции, с высокой долей вероятности гарантирующей успех [Бурдьё, 2000]. Однако такая логика рассуждения приводит к редукционизму по отношению к мотивациям акторов и самим художественным текстам. Зачастую в оптике Бурдьё акторы представляются как стремящиеся к каким-либо выгодам, предоставляемым полем, при этом эмоциональный компонент, связанный с чтением и письмом, практически игнорируется. Также этот исследовательский фокус оставляет в слепой зоне людей, не занимающихся литературой профессионально¹. Для заполнения существующей лакуны культурсоциологи обратились к опыту «простых» читателей, не обремененных филологическим образованием и не являющихся литературными критиками [Vana, 2020]. К примеру, Тумала Олаве на основе глубинных интервью с читательницами выделила четыре наиболее распространенных функции, которые чтение может выполнять в повседневной жизни. К ним относятся получение удовольствия, изучение себя, рефлексия по поводу этических норм и забота о себе [Thumala Olave, 2022].

Признавая важность «поворота к читателю», все же необходимо отметить, что он вряд ли повлиял на доминирующее в социологии представление о письме. Социологи все еще склонны воспринимать его в бурдьёвистском ключе: как борьбу за место под литературным солнцем. В рамках этой работы мы хотим обратить внимание на то, что письмо является частью повседневных практик не только состоявшихся писателей, но и акторов, не связанных с литературой профессионально. Для писателей-любителей письмо может выполнять функции, во многом схожие с теми, которые Тумала Олаве описывает

¹ Отметим, что профессиональный писатель явно претендует на признание относительно широкого круга коллег и лично не знакомых с ним читателей. Кроме того, профессиональный писатель, как правило, включен в обширную сеть взаимодействия с другими агентами, принадлежащими полю литературы: все теми же издателями, редакторами, корректорами и переводчиками. Любитель же пишет в основном для себя или узкого круга читателей, многих из которых, вероятно, он знает лично. Можно сказать, что у любителя нет стремления к достижениям в литературном поле, однако это не значит, что со временем они не могут появиться (например, при получении признания в узком кругу автор может захотеть опубликоваться; отчасти об этом будет сказано в эмпирической части работы).

в исследовании читательниц. Однако письмо и чтение — не идентичные феномены, и поэтому нам представляется важным обсудить любительскую литературу отдельно².

Художественное письмо в контексте «терапевтической культуры»

Наша работа может быть рассмотрена как вклад в исследования, объединенные зонтичным термином «исследования терапевтической культуры». Данные работы характеризуются вниманием к развившимся в конце XX — начале XXI века практикам психологической (и психиатрической) помощи, включающим в себя употребление различных препаратов, посещение психологов, чтение книг и просмотр лекций по популярной психологии, а также использование «альтернативных» методов, будь то медитации, практики осознанности и т.д. [Madsen, 2018]. Широкое обращение к подобного рода практикам формирует у людей «особое психологизированное мировоззрение» [Симонова, 2024: 8], становясь для их пользователей «инструментом управления собственной субъектностью» [Симонова, 2024: 8]. Согласно базовым идеям, заложенным терапевтической культурой, человек сам ответствен за то, как складывается его жизнь; вопрос о том, что различного рода социальные обстоятельства могут детерминировать те или иные стратегии действия и делать некоторые человеческие проблемы неизбежными, в данном случае (намеренно?) остается без внимания [Rimke, 2000]. Тем самым терапевтическими могут оказаться практики, обычно не рассматривающиеся в рамках «терапевтических» исследований, например письмо.

Следует учесть, что наши данные обладают гендерной спецификой (выборка состоит только из мужчин), что влияет на характер получаемых результатов и саму постановку проблемы. Во-первых, мужчины в значительно меньшей степени склонны обращаться за профессиональной психологической помощью, нежели женщины [Seidler et al., 2016]. Во многом такое положение вещей обусловлено патриархальными установками, гласящими, что «настоящий мужчина» должен сам справляться со своими проблемами [Connell, 1995; Emslie et al., 2006]. Вероятно, из-за того, что женщины намного чаще прибегают к терапевтическим практикам, большинство исследователей, изучающих селф-хелп культуру, выбирают в качестве объекта изучения их. В ряде работ подчеркивается, что вместо терапии (например, в случае депрессии) мужчины предпочитают либо не замечать проблему и отвлекаться (уходят с головой в работу и т.д.), либо прибегать к «помощи» психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков и проч.) [Addis, 2008; Glukhova, 2024].

Не утверждая, что практики письма широко распространены, мы, однако, полагаем, что письмо можно рассматривать как средство самопомощи, которое могут использовать мужчины для преодоления жизненных трудностей

² См. также исследования фэндомов, приобретших значительную популярность с распространением интернета [Busse, 2017; Самутина, 2013; Самутина, 2019].

без вреда для собственного здоровья и без активного вовлечения других людей. Это важно, поскольку, согласно исследованиям (и нашим данным), обращение за чьей-либо помощью (иногда даже близких друзей) мужчины могут воспринимать как удар по собственной независимости [Cleary, 2012]. Также письмо, пожалуй, самый доступный вид терапии в экономическом отношении³, поскольку не требует ничего, кроме средства для письма, коим в наши дни обладает любой человек.

Методология исследования

Статья базируется на материалах авторского разведывательного исследования. Проведено 11 глубинных интервью с мужчинами 18–32 лет, которые являются писателями-любителями. Никого из наших информантов нельзя назвать неопитом в мире литературы. На момент проведения интервью один информант обучался в Литературном институте им. Горького, двое — на филологическом факультете других вузов. Один информант посещал курсы журналистики (своего рода лаборатория по творческому письму). Еще один состоял в литературном кружке, члены которого обсуждали как произведения известных авторов, так и собственные. Остальные шестеро увлекались чтением художественной литературы еще со школьного возраста.

Вероятно, чтобы получать удовольствие от написания прозы, необходимо обладать определенным объемом культурного капитала, который, в свою очередь, делает возможным не только само письмо, но и соответствующее к нему отношение [Bourdieu, 1996]. Однако мы полагаем, что для использования письма как своего рода терапии не обязательно иметь *глубокие* познания в художественной литературе, критике или филологии. Единственным обязательным условием для превращения письма в терапию, по-видимому, является любовь к литературе, а не энциклопедические познания в ней. Так как мы исследуем именно любительские практики письма, то важно отметить, что всех наших информантов объединяет, с одной стороны, достаточно богатый опыт написания текстов, с другой — отсутствие печатных публикаций и известности в широких писательских и читательских кругах.

Функции и парадоксы любительского литературного творчества

Опишем функции терапевтического письма, а также парадоксы, с которыми сталкиваются писатели-любители, старающиеся при помощи письма справиться с жизненными трудностями. Так как наше исследование носит разведывательный характер, то выделяемые функции и парадоксы предложены

³ Однако оно может требовать значительного культурного капитала, о чем будет сказано в эмпирической части работы.

в формате первичной аналитики, т.е. не являются окончательными и подлежат дальнейшему расширению и уточнению.

Функция 1. Выплеск эмоций

Наиболее распространенная «точка входа» в письмо для наших информантов — переживание какого-либо эмоционального опыта, потребовавшего «выговориться». В девяти из 11 взятых нами интервью выплеск эмоций (именно с помощью такого словосочетания или в близких выражениях, будь то «разрядка», «снятие напряжение» и т.д.) упоминался как важная функция письма, более того — пять информантов утверждали, что начали писать, чтобы справиться с невыносимыми жизненными обстоятельствами, которые они (по их мнению) не могли изменить. Как правило, негативно заряженные события ставят под сомнение привычный уклад жизни, профессиональную идентичность или отношения с близкими. Предоставим слово одному из наших информантов:

«В первый раз я, если так можно выразиться, взялся за перо лет в 16, когда расстался с девушкой. Ну, на тот момент это были такие своего рода платонические отношения [смеется]. Я сейчас уже точно не помню, что тогда чувствовал, но у нас была прям очень сильная привязанность друг к другу, наверное, даже в большей степени привязанность, чем любовь. Мы постоянно ссорились, удаляли друг друга из друзей ВКонтакте, потом опять добавлялись, и все это длилось в таком режиме, наверное, года два. А потом я узнал, что она состоит в отношениях, нет, “типа отношениях” [показывает пальцами кавычки] с чуваком, который намного старше ее, он был ее репетитором по математике. Ну, я об этом узнал, мы поговорили, посрались, опять друг друга удалили из друзей, все как обычно, но в тот раз мое это было просто раздавлено. Я после нашего с ней разговора пришел домой и просто разрыдался, все домашние были в шоке, потому что я даже в детстве особо никогда не плакал, просто не умею плакать, а тогда из меня прям ручьем полилось... Я сейчас пропускаю день полного мрака, разговоры с матерью, она, понятное дело, пыталась как-то меня там утешить, но ты, думаю, понимаешь, что в 16 лет, когда от тебя девушка уходит к мужику старше тебя, это просто мрак. Ну то есть реально чувствуешь себя лепешкой на асфальте. И вот день я отлеживался, а на следующий начал писать. Что это был за текст? Сюжет был максимально простой, рассказ коротенький, буквально на три странички. Мотель, Америка, муж застаёт свою молодую жену в постели с каким-то жирным дельцом. Это первая страница, а на остальных двух он их жестоко убивает. Так я, очевидно, пытался, выместить свою злость. Это был очень импульсивный акт письма, но, когда я перечитал, я сам удивился тому, что мне понравилось» (м., 22).

В данном случае разрыв с партнершей стал триггером для акта творчества, при этом письмо было попыткой не осмысления, а именно «выплескивания» переполнявших автора чувств. Важно отметить, что письмо позволяет информанту разрешить ситуацию так, как это невозможно в реальном мире (убийство девушки и любовника), т.е. речь идет не столько о рефлексии, сколько о сублимации. Интересно отметить, что сюжет, рассказанный информантом, предлагает не только альтернативную реальной развязку, но и несколько иные обстоятельства, в которых разворачивается действие: мотель в Америке. Когда я спросил у автора, почему он выбрал именно такую локацию, я получил следующий ответ:

«Тяжело сказать однозначно. Наверное, это откуда-то из массовой культуры образ. Сейчас вот на ум фильм “Психо” пришел. Согласись, что всякого рода насилие в этих придорожных отелях — довольно расхожий образ, поэтому, вероятно, как-то бессознательно я его воспроизвел. Ну и плюс к этому, мне не нравилась идея какого-то абсолютного биографического письма. Не хотелось писать что-то в духе “дорогой дневник, меня бросила девушка, сейчас я буду плакаться”, — такой сразу розовый вайб у всего этого появляется» (м., 22).

Конечно, невозможно с высокой степенью надежности установить, почему автор решил выбрать именно такое место действия (его интерпретация, разумеется, интересна, особенно в контексте разговора о влиянии массовой культуры на репертуары воображения людей [Swidler, 1986], однако эта интерпретация отделена от акта письма шестилетним промежутком. Но здесь важно другое: информант отмечает свое нежелание буквально воспроизводить фактические обстоятельства разрыва. На мой взгляд, это отсылает нас к гендерным стереотипам о том, как мужчинам следует реагировать на разрыв: вместо обсуждения причин разрыва и длительных внутренних рефлексий мужчины склонны уходить в работу и/или демонстративно преувеличивать незначимость прошлого романтического опыта и дистанцированность от него [Иллуз, 2024]. Чрезмерно автобиографическое письмо было бы сродни дневнику, что, по мнению информанта, является скорее женским способом реагирования на жизненные трудности («розовый вайб»). В этом контексте и сам способ разрешения конфликта (насилие) обретает гендерную окраску: информант не пытается рефлексировать по поводу случившегося или разыграть вымышленный диалог с бывшей партнеркой, вместо этого он предпочитает физическое уничтожение любовников⁴. Здесь не следует видеть морализаторского замечания: мы вовсе не утверждаем, что воображаемое убийство любовников является менее предпочтительным и морально предосудительным способом поиска эмоциональной разрядки, нежели погружение в рефлексию по поводу расставания. Как подчеркнул

⁴ Нам удалось ознакомиться с сочинением, о котором идет речь: в нем действительно почти отсутствуют диалоги, большая часть текста посвящена подробному описанию убийства любовников при помощи различных подручных вещей.

информант, акт письма был именно способом выплеснуть эмоции, а не найти какое-либо долгосрочное решение для создавшейся ситуации. Впрочем, что интересно, по словам информанта, письмо стало первым и крайне значимым шагом на пути к «исцелению» от неудачных отношений.

Обратимся к словам еще одного информанта, также подчеркивающего важность письма как средства для эмоциональной разрядки:

«Это были времена ковида. Лето. Одни мои друзья вернулись из Москвы в наш родной город, другие сидели где-то на дачах, третьи еще где-то... Короче, почти два с половиной месяца я сидел один в пустой съемной квартире в Москве. Знаешь, я никогда особо не задумывался об одиночестве, наверное, потому что никогда не был долго один. Но вот тогда меня конкретно так накрыло. Понятно, что я созванивался с людьми по зуму, переписывался, звонил, но вот эта физическая изоляция, плюс еще мысль о том, что где-то там все вместе тысяч, а ты тут один, — это было очень... неприятно... окей, даже больно, можно сказать. В один из вечеров мне буквально захотелось выйти на балкон и орать во весь голос. Я бы выпил, конечно, но чтоб ты понимал, к тому моменту я уже и так пил практически каждый вечер, у меня уже постоянно болела голова и, короче, становилось только хуже... И вот чтобы не сойти с ума, выплеснуть все это накопившееся говно, я открыл ноут и начал писать... Вообще, это был не первый мой опыт, когда я пытался что-то сочинить, но обычно это были стихи, а тут вышла проза... Содержательно это была некая мистерия о том, как ко мне в гости приходит некая девушка, мы пьем, говорим, пьем, говорим, а потом жестко трахаемся... Но нет, это была не какая-то конкретная женщина из моего прошлого... Мне не хотелось удоставить такой чести своих бывших... Вообще, там был такой сюжет, хотя я сейчас уже не супер хорошо помню, что она приходит ко мне как к некоему гуру, что ли, чтобы пройти какую-то инициацию, короче, роль там у меня в этом тексте была довольно менторская. Но секс был отличный, и потом после секса уже, мы как будто поменялись ролями, и я начал плакаться ей о своей жизни, а она — меня утешать [смеется]» (м., 25).

Этот нарратив имеет несколько общих черт с предыдущим. Во-первых, как и в предыдущем случае, толчком к написанию текста послужил переизбыток эмоций, только на этот раз — тоски от одиночества и, вероятно, зависти по отношению к знакомым информанта, которые, в отличие от него, не были вынуждены проводить «ковидное» лето в одиночестве. Во-вторых, в данном нарративе, как и в обсуждавшемся выше, фигурирует образ женщины, однако контекст заметно отличается. С одной стороны, информант в своем письме следует типичной патриархальной стратегии, заключающейся в утверждении доминирующего положения мужчины над женщиной, однако после полового акта герои рассказа как будто обмениваются ролями. Мы не имеем

возможности в рамках этого текста обсуждать этот кейс более подробно (особенно учитывая риски «ухода» в психоаналитические интерпретации), однако важно подчеркнуть гендерно маркированный характер текста, о котором рассказывает информант: он отдельно выделяет то обстоятельство, что описываемая женщина не является конкретной партнершей из его прошлого. Здесь мы снова видим маскулинную стратегию дистанцирования от прошлых романтических отношений, о которой говорилось в анализе предыдущего нарратива: бывшие партнерши не достойны того, чтобы стать героинями прозы, а вымышленная женщина сначала появляется в роли внимательной «слушательницы» просвещенного гуру. Учитывая, что интервью бралось мною (мужчиной), не исключено, что перед лицом другого мужчины информант старался не показаться слабовольным, излишне нежным, романтичным, скупающим по бывшим отношениям человеком — в общем, обладателем любого предиката, не соответствующего представлениям о гегемонной маскулинности. Только лишь в конце повествования появляется замечание о том, что роли информанта и воображаемой посетительницы приобретают инверсивный характер, однако, когда я попросил развить эту мысль, информант увел разговор в другую сторону, из чего можно сделать вывод, что ему было некомфортно говорить о той части сюжета написанного им текста, где он «плакался» своей гостье (по-видимому, художественный вымысел является для информанта (и не только для него одного) местом, где можно дать волю чувствам в большей степени, чем в реальном мире. В целом представления о маскулинности могут быть глубоко интернализированными: оказываясь в пространстве вымысла, писатель-мужчина не получает мгновенного «освобождения» от тех стереотипов, которые могут определять его стратегии действия в повседневной жизни, во многом потому, что эти стереотипы воспринимаются не как навязанные и соблюдающиеся исключительно «для галочки», а как неотъемлемая часть своей субъектности (и при такой трактовке эти представления и практики вовсе не воспринимаются как стереотипы; более того, они становятся настолько привычными и рутинными, что для их носителей они в какой-то степени невидимы и неосознаваемы).

Функция 2. Эстетизация тяжелого повседневного опыта

«Где-то на третьем курсе лита [Литературный институт им. Горького. — Прим. автора] я устроился на работу в Мак. Мне тогда надоело брать деньги у родителей на съем квартиры, и я решил справиться с этим вопросом самостоятельно, тем более что на третьем курсе пар стало меньше, и я подумал, что смогу совмещать работу с учебой без серьезной потери качества... Учился я хорошо, много читал, все, что задавали, тем более что я в плане чтения довольно всеядный человек, поэтому, в отличие от многих — да что там многих — почти всех [смеется] моих однокурсников, мне реально нравилось читать то, что нам задавали. Но вот что касается творчества, а я посещал семинары прозы, то все шло как-то не очень. Мне кажется, меня можно было

назвать усидчивым, но довольно бесталанным студентом [смеется]. Я говорю так, потому что есть ребята, которые довольно безответственно относятся к чтению, к изучению языков, к такой учебной рутине, но они пишут реально классные тексты, и к ним, мне кажется, отношение чуть получше, чем к таким трудягам, как я [смеется]. Ну, оно и понятно, потому что это все-таки творческий вуз, тут как бы учат писать, мы не филологи, и поэтому прежде всего ценится умение писать [...]. Так, немного отвлекся. На момент, когда я устроился в Мак, я что-то писал, но это были средние тексты, мне самому они не нравились. И вот где-то спустя недели три работы в Маке я начал так уставать, что это стало практически невыносимым. Целый день бегаешь туда-сюда, если что, я работал на кухне, к концу смены в глазах двоится, руки трясутся, весь потный, и, что самое главное, я выходил с работы ужасно злой, ненавидящий весь мир... И чтобы как-то совладать с эмоциями, я стал после работы писать своего рода рабочие заметки, я там немного преувеличивал степень кринжа, которая со мной происходила на работе, но я просто развлекался. В какой-то момент у меня накопилось страниц 20 таких заметок, и я подумал, а почему бы не показать их на семинаре? И это был просто фурор. Всем очень понравилось, и из-за этого мне стала даже нравиться моя работа. Ну, не прям нравится, а я стал относиться к ней более терпимо — как к опыту, который можно пережить и классно описать, то есть найти в нем материал для письма, для творчества. Оказалось, что этот ужас фастфудной жизни может быть по-своему красив, а еще я стал воспринимать себя практически таким рабочим поэтом по типу Маяковского. Вот я как истинный мужик-пролетарий хожу на условный завод, а потом пишу о тяготах этого труда. Настоящий борец» (м., 29).

Данный нарратив имеет как минимум одну общую черту с предыдущими — здесь акт письма также имеет своей целью снять напряжение после переживания стрессовой ситуации (снова речь идет о необходимости совладения с эмоциями). Однако в данном случае стресс, переживаемый информантом, почти ежедневный, и разовый выплеск эмоций посредством письма вряд ли оказался бы действенным. Регулярное письмо после работы помогает не столько разрядиться, сколько найти в рабочих буднях своего рода красоту и отнестись к собственному положению терпимее, сделать привычное непривычным и потому удивительным и захватывающим [Шкловский, 1929]. Кроме того, информант с удивлением для себя обнаруживает, что тексты, первоначально не претендовавшие на статус чего-либо серьезного, заслуживающего демонстрации (относительно) широкой публике, оказываются значительно успешнее в глазах сокурсников и преподавателей, чем все, что он до сих пор писал в процессе обучения. Одно из общих мест в обучении писательскому мастерству — рекомендация писать о том, «в чем разбираешься», или «что тебе близко» (см., например, [Бротиган, 2021: 126]. Как отмечал информант в другой части интервью, первоначально он старался «придумывать» истории, из-за чего они выглядели несколько «карикатурно»,

так как он не был достаточно погружен в фактологические детали того, что описывал, а жизненный опыт, по его собственному признанию, был довольно скудным, поскольку большую часть времени он проводил за чтением книг и в узком кругу друзей. Обращение к собственному опыту работы оказалось выигрышной стратегией (хотя и реализуемой не вполне осознанно), поскольку теперь информант писал о том, что переживал каждый вечер. Кроме того, необходимость выплеснуть эмоции превращает письмо не столько в рациональный акт производства текста, написание которого преследует определенные цели (признание в среде Литературного института), сколько в импульсивный порыв, тем самым снижая потенциал для самокритики, который, в свою очередь, нередко становится препятствием для письма.

Информант отмечает, что при попытке эстетизировать свой опыт работы в ресторане быстрого питания он мысленно сравнивал себя с рабочими поэтами: использовались такие выражения, как «мужик-пролетарий» и «настоящий борец». В другой части своего рассказа информант особо выделяет опыт преодоления тяжелых условий труда (что действительно во многом созвучно многим образцам пролетарской поэзии [Стейнберг, 2022]), в то время как факт того, что он работал в сфере услуг, напротив, отодвигается на второй план. Такая расстановка акцентов гендерно окрашена: информант как «истинный мужчина» физическим трудом добивается выживания в суровой реальности — и именно это оказывается главным, а не то, что порой приходится использовать деланную вежливость, чтобы угодить очередному недовольному клиенту, что, конечно, уже не столь гладко встраивается в бесшовный дискурс о мужской борьбе за выживание:

«Ну да, иногда приходится лебезить перед этими людьми, которым там соус не доложили или что-то такое <...>. Понятное дело, что я такие моменты ненавижу, и они хуже всего. Что я с этим делаю? Ничего. Тупо забиваю» (м. 29).

Рассмотрим еще один нарратив, в котором имеет место эстетизация повседневности:

«Я тогда учился в маге [магистратуре. — Прим. автора], пар не было, нигде не работал, потому что была приличная стипендия и жилье снимать не было нужно. Был ковид, я сидел дома, выползал в подпольные бары с друзьями раз в неделю-две. Было довольно тошно. Я пил по образу и подобию Буковски. Разве что на ставках на лошадей не играл и подержанный фольксваген не водил. Естественно, начинающий автор бессознательно будет имитировать своих кумиров, в особенности тех, кого читаешь сейчас. Я к тому моменту прочитал уже почти всего Буковски, но оставалась пара сборничков — вот их я тогда и дочитывал. По-моему, “Музыку горячей воды” и “Из блокнота в винных пятнах”. Я писал от нечего делать. Я писал, потому что, если описывать опыт такого идиотского, невыносимого для самого себя пьянства, которым я занимался, оно обретает

смысл. Становится красивым. Не потому, что ты его красиво описываешь. Не очень понимаю, как можно красиво описать, как ты блюешь в тазик с утра. Если хочешь красивых описаний, тогда просто не описывай такие детали. Но я их описывал, потому что это было честно. Только так картина будет полной, как Чарльз [Буковски] завещал. Красивой эта мерзость становится, потому что зафиксированная она становится частью истории. Если повезет — прочтут. Если нет — частью твоей истории. В противоречивости есть красота. В том, что это осталось во времени. Проза Буковски никогда не казалась мне отвратительной. Другое дело, условная Вуртцель. Я понимаю, что это какая-то гендерная ***, но я могу спокойно читать о том, как спивается мужик, но когда спивается женщина — мне то ли жалко ее, то ли мерзко. К мужчинам у меня обычно нет ни жалости, ни отвращения» (м., 25).

Как и другой наш информант, оказавшись в «ковидной ловушке», рассказчик сталкивается с проблемой изоляции, подкрепленной (впрочем, добровольной) безработицей. Как уже говорилось выше, многие мужчины пытаются «решить» свои проблемы посредством употребления алкоголя. Однако в данном случае выпивание совмещается с письменным фиксированием обстоятельств пьянства. Письмо имеет своей целью эстетизацию, которая, в свою очередь, наделяет акт выпивания смыслом. Информант признается, что пил «идиотски», «невыносимо для самого себя», но письмо превращало этот безыдейный процесс поглощения спиртного в творчество. Резонно задаться вопросом: можно ли говорить, что в данном случае письмо выполняет акт самопсихотерапии, если оно не способствует прекращению пьянства, а, быть может, и до некоторой степени закрепляет подобную стратегию действия, придавая ей эстетический и экзистенциальный смысл? В нашей трактовке в рассматриваемом случае все-таки имеет место терапевтический эффект, так как сам информант утверждает, что письмо помогало ему справляться с вынужденной изоляцией (вероятно, информант мог бы пить еще больше, если бы не писал).

Этот нарратив представляется менее гендерно специфичным, нежели предыдущие, за исключением последних реплик. Информант отдает себе отчет в том, что его оценка (как кажется, противоречащая его стремлению к отказу от навешивания моральных ярлыков) прозы Вуртцель, внешне похожей на работы Буковски⁵, является следствием установки, что женское пьянство хуже

⁵ Мы говорим лишь о внешней схожести прозы Буковски и Вуртцель, поскольку в обоих случаях описывается опыт обильного употребления психоактивных веществ (в случае Буковски — зачастую алкоголя, в случае Вуртцель — в большей степени наркотиков, однако алкоголь также фигурирует в ее прозе), но отношение у авторов к этому опыту принципиально разное. Буковски практически не рефлексирует о своем выпивании, а если и делает это, то чаще в шутливой или в возвышающей алкоголь манере. Вуртцель же, напротив, много рассуждает о негативном влиянии наркотиков на собственную субъектность. Рискнем предположить, что, быть может, отвращение информанта к прозе Вуртцель связано не только с тем, что речь идет о женском алкоголизме, который в его восприятии выглядит значительно хуже мужского, сколько с тем, что проза Вуртцель крайне открыта и заиклена на ней самой. Как показало другое наше исследование, некоторым мужчинам довольно тяжело дается чтение крайне эмоциональной прозы (или она им попросту неинтересна).

мужского. Это обстоятельство заставляет еще раз задуматься о том, насколько глубоко интернализуются те или иные гендерно маркированные модели оценки и действия, что даже при наличии понимания у актора социально сконструированного характера такого восприятия информант все же не может преодолеть своего отвращения (и жалости) к произведениям Вуртцель.

Функция 3. ИмPLICITное общение с людьми посредством текста

«Мы с моей тогдашней женщиной ходили в один и тот же кружок журналистики. На самом деле это был скорее кружок по интересам, потому что журналистикой как таковой мы там почти не занимались, потому что у нас был очень странный препод, который когда-то в молодости писал какие-то репортажи, а потом ушел в художку. Опубликовал, кстати, несколько околосторических книг, такой нон-фикшн, я ни одной не читал, но их даже можно было купить на Озоне, но не суть. Суть в том, что мы с моей женщиной конфликтовали тогда по какому-то поводу, думаю, сейчас это не принципиально. И у меня был такой затык: с ней было очень тяжело разговаривать в такие моменты. Я не хочу [сказать], что проблема была в ней. Скорее во мне. Мне было тяжело как-то аккумулировать свои мысли и сказать ей то, что я действительно хочу сказать. Это и проблема коммуникации в целом, и того, что я не особо умею говорить всякие приятные трогательные вещи, из меня это не идет. Не буду сейчас уходить во всю эту психологию, суть просто в том, что донести до нее мысль мне было тяжело. И тогда я решил пойти ва-банк и написать небольшой текст как бы о наших отношениях. По содержанию это был монолог мужчины, который только что развелся с женой и как бы вспоминает об их проблемах в отношениях и жалеет о том, что все так получилось. И там было много нежных штук, не свойственных мне в обычной речи. Забыл сказать: у нас была такая фишка, что мы обычно зачитывали друг другу свои тексты вслух, благо они обычно были небольшие. И я попросил Л. [имя тогдашней партнерши информанта] прочитать текст, который я написал. Это была своего рода подстава, потому что, с одной стороны, он был извинительный, с другой — там довольно подробно описывались наши отношения. Понятное дело, что никто в аудитории об этом не знал, но она знала. В этом и была фишка. Но это был риск — я не знал, как она отреагирует. И вот она, ничего не подозревая, начинает вслух зачитывать этот текст [смеется]. И чем дальше она читала, тем больше ее лицо становилось... Даже не знаю, как сказать. Какая-то помесь злости и умиления. Если такое в принципе возможно. Ближе к концу текста она практически заплакала, и все это заметили. Короче, когда она зачитала, то бросила листы на стол и буквально выбежала из кабинета. Я остался сидеть, чтобы послушать реакцию людей. Я помню, Х. [фамилия преподавателя. — Прим. автора] тогда

еще сказал: какая эмоциональная вещь, Елена явно впечатлена <...>. Потом у нас состоялся довольно эмоциональный разговор, но по итогу мы обнялись» (м., 21).

Эта история — яркая иллюстрация того, что мужчины могут испытывать серьезные трудности с выражением своих глубоко личных эмоций в эксплицитной форме, что подчеркивается во многих исследованиях гендера [Connell, 2000; Kindlon, Thompson, 1999]. Зачастую такое положение вещей связывается с особенностями мужской социализации, в ходе которой мужчинам прививается соответствующая гегемонной маскулинности установка на сокрытие глубинных эмоций. Конечно, здесь стоит быть аккуратным в интерпретациях. Не стоит путать неумение демонстрировать эмоции и нежелание это делать ввиду неформальных или формальных санкций со стороны других акторов. Однако неумение может быть прямым следствием запрета и/или осуждения выражения эмоций. Мы недостаточно знаем биографию информанта, чтобы однозначно сказать, что стало причиной его сложностей с экспликацией своих чувств в процессе разговоров с партнершей, однако важно, что именно письмо оказалось способом преодоления этой трудности. Возникает резонный вопрос: почему нельзя было проделать приблизительно то же самое, допустим, в формате текстового сообщения в мессенджере? По нашей гипотезе, ответом на этот вопрос могут стать два соображения. Во-первых, в этом, как и в других случаях, обсуждавшихся выше, художественное письмо создает дистанцию между автором и тем, что он описывает, т.е. возникает некое расцепление между текстом и его автором, что может служить своего рода «психологической защитой» от собственного опыта и от его оценки со стороны других. В литературоведении распространен тезис о том, что текст не является прямым результатом авторского замысла, а представляет собой ассамбляж различного рода факторов, и роль авторской интенции далеко не главная. Кроме того, сами авторы нередко просят не отождествлять их личности с производимыми ими текстами и тем более с персонажами, в них описываемыми. Во-вторых, информант, вероятно, хотел не только разрешить конфликт с партнершей⁶, но и получить признание публики: оказываясь внутри литературного поля (пускай и узкого), актер начинает иметь в виду хоть и скромные, но все же ставки, которые могут быть в нем разыграны.

Несмотря на то что художественное письмо может быть для мужчин терапевтической практикой, нельзя не упомянуть и о сложностях, возникающих у тех, кто пытается прибегнуть к писательству как способу совладания с жизненными трудностями.

---

⁶ В целом желание впечатлить женщину — распространенная причина, почему мужчины берутся за написание художественных текстов. К примеру, известно, что один из самых значимых и объемных романов XX века, «Бесконечная шутка», был написан в надежде завоевать внимание тогдашней возлюбленной Фостера Уоллеса — поэтессы Мэри Карр (эта попытка не увенчалась успехом).

Парадокс 1. Сочинять истории — не мужское дело

«Я тогда был в глубоком кризисе. Отношений не было уже больше двух лет, в работе тоже вдохновения не было, общение с друзьями как-то приелось, и я все чаще сливался с общих тусовок, чтобы просто посидеть дома и поиграть в плейку или посмотреть теннис. Летом на каникулах я уехал домой к предкам. Я так практически никогда не делал, в обычное, более-менее благополучное время я приезжал максимум на недели две в конце августа, а тут решил прям конкретно на все лето .....ть, чтобы, так сказать, изъять себя от этой за...шей столичной атмосферы, ну и плюс от необходимости с кем-то тусоваться... Большую часть времени я спал, а когда не спал, то писал что-то типа автобиографии, ну, это скорее был автофикшн, потому что писать дословный пересказ собственной жизни мне было не особо интересно, а совмещение фактов с вымышленными деталями позволяло посмотреть на события собственной жизни под несколько другим углом. Не знаю, ты смотрел фильм “Эффект бабочки?” Вот что-то типа такого: а что если так, а что если сяк, а что если эдак? Все это не так интересно — интересно другое. Как на это реагировал мой дорогой отец. Постоянно подходил и за...л меня: что ты там строчишь? Плохо? Иди спортом займись, запишись в зал, в бассейн, смотри, как уже заплыл весь. Или прогуляйся. В общем, такие типичные деятельно-мужские советы, он бы мне еще предложил там ремонт сделать, полку прибить, что-то в таком духе. Помогло ли мне это? Слушай, понятно, что проблем как таковых это не решило, но во всяком случае убило, нет, не убило, лучше сказать — заняло время» (м., 28).

В этом нарративе присутствует мысль о том, что письмо — не вполне «мужское дело». Отец информанта настойчиво предлагает переживающему тяжелый период сыну заняться другими делами, требующими физической вовлеченности, большего вовлечения в «реальный мир». Эта установка согласуется с выводами ряда гендерных работ, в которых подчеркивается, что типичной чертой маскулинности является стремление к деятельному преобразованию внешнего мира и активное вовлечение в различного рода коллективные практики [Моссе, 2023]. Увлеченное чтение, которому могут предаваться мальчики, часто рассматривается как нечто негативное, не соответствующее «мужской» логике поведения, так как оно требует уединения и в глазах читающего может оказываться более ценным, чем, к примеру, подвижные игры со сверстниками во дворе [Sanderson, 1995: 152–167]. Несмотря на то что в последнее время все активнее звучит тезис о том, что чтение художественной литературы может быть не только банальным способом побега от житейских проблем, но и может служить как познанию себя, так и окружающего мира [Thumala Olave, 2022], эта мысль является скорее вызывающей и провокационной, нежели очевидной. Когда речь идет о чтении художественной литературы или о творческом письме, возможно, не следует

понимать «пользу» от занятий литературой как некие дивиденды, обладание которыми становится возможным в ближайшем будущем и которые имеют легкодоступный для внешнего наблюдателя характер. К примеру, в данном случае информант говорит, что письмо позволило ему обрести внутреннее спокойствие, которое, в свою очередь, через несколько месяцев поспособствовало его активному возвращению к работе. Но этот эффект был отложенным.

Парадокс 2. Письмо должно иметь результат: либо доход, либо признание

Далеко не всегда перед пишущими мужчинами стоит задача «обоснования» [Болтански, Лоран, 2013] собственных действий перед другими, однако когда такая необходимость возникает, как становится ясно из приводимого ниже нарратива, «оправдывающийся» может столкнуться с непониманием даже со стороны близких людей:

«Кажется, что в глазах людей писательство является до сих пор чем-то странным, чудаковатым, местечковым и даже придурочным. И это при том, что большинство великих писателей — мужчины!⁷ Вот, допустим, мне нужно хотя бы четыре вечера в неделю писать, чтобы чувствовать себя нормально. По-моему, у многих писателей, сейчас точно не вспомню у кого, присутствует мысль о том, что нужно писать, чтобы не сойти с ума. Вот у меня похожая история. Но К. [девушка, проживающая с информантом. — Прим. автора] постоянно по вечерам, когда я пытаюсь писать, пилит мне мозг <...>. Мы живем в однушке-студии, и мне просто некуда от нее деться. Я надеваю наушники, чтобы ее не слышать, но это бесполезно... И знаешь, какие у нее упрёки? Первый, и самый очевидный, что я не уделяю ей достаточно времени. Ну, это классика. Хотя в свое оправдание могу сказать, что в выходные мы проводим время вместе, и я никакими серьезными делами не занимаюсь. Но второй ее загон меня просто убивает: мол, если уж ты так любишь писать, то публикуйся, ***! Давай тут сразу поясним — я не к тому, что она алчная. Она не из тех дам, которые постоянно требуют каких-то неадекватных дорогих штук и вообще сидят на шее, я с такой быть и жить не стал. Понятно, что всегда хочется больше денег, но в нашем случае это не проблема, именно по поводу финансов у нас никогда не было ссор. Но — и это большое НО — для нее это выглядит так: если я пишу и трачу на это много, хочу отметить, по ее мнению, много времени, то должен быть так называемый результат. То есть я постоянно слышу «ну так отдай в издательство, если тебе это так нравится». Там проскальзывают шуточки вроде «хоть деньги на этом заработаешь», но это скорее прикол, а не серьезный

⁷ Здесь стоит отметить, что такой перекоп в сторону доминирующего положения в литературном поле текстов, написанных мужчинами, обусловлен в первую очередь тем, что вплоть до недавнего времени (приблизительно до конца XX века) женщины в большинстве своем не имели возможности активно писать и продвигать свои тексты на рынке в силу целого ряда гендерно обусловленных дисбалансов.

тейк. Для нее просто должна быть конвертация деятельности в результат. И как ей объяснить, что здесь нет результата, кроме моего кайфа, расслабления, отдушины и всего такого? То есть ей часами залипать на какие-то фиготины в Wildberries можно, а мне писать нельзя? К слову, она там просто залипает, почти никогда ничего не покупает, а если заказывает, то часто возвращает» (м., 30).

В этом нарративе, во-первых, снова подчеркивается конфликт интересов: письмо требует уединения, и, как следствие, информант не может уделять вечернее время своей партнерше. Здесь важно отметить, что любительское письмо практикуется в основном дома в свободное время, т.е. в пространстве и во времени, которые потенциально могли бы быть доступны для взаимодействия с членами домохозяйства. Во-вторых, примечательным кажется отношение партнерши информанта к его творческой активности. Она не настаивает на том, чтобы его увлечение конвертировалось в экономические дивиденды для их пары, но не понимает, зачем тратить столько времени на то, что не приносит наблюдаемого результата. При этом, как отмечает информант, сама девушка тратит время на довольно бессмысленное с его точки зрения занятие, а именно — просмотр вещей на Wildberries, однако письмо — это то, что потенциально может быть конвертировано в публикации, которые, в свою очередь, могут принести известность и доход. Возможность преобразования любительской практики в профессиональную деятельность нередко оказывается бременем как в глазах самих информантов (невозможность творческого успеха по ряду причин), так и в глазах их ближайшего окружения (зачем тратить время на странное хобби, которое можно превратить в профессию?). Таким образом, письмо блокирует возможность уделять время другим, но при этом не приносит никакой внешне наблюдаемой выгоды, что делает его нежелательной (непонимаемой) активностью с точки зрения сторонних наблюдателей. Впрочем, результат письма очевиден самому информанту: эмоциональное благополучие. В этой части интервью и в других частях беседы информант нередко отмечал, что письмо является для него насущной необходимостью. Невозможность писать становится равнозначной сумасшествию. Здесь возникает резонный вопрос: не превращается ли в таком случае терапевтическая практика в своего рода зависимость? Большинство исследователей сходятся во мнении, что зависимость обычно имеет негативные последствия для зависимого и для его социального окружения. Если письмо и может стать своего рода зависимостью, то, вероятно, не стоит ожидать, что такая зависимость будет иметь разрушительный характер для личности пишущего.

Парадокс 3. Дилемма: между самовыражением и успехом

Во введении мы упоминали, что специфика любительского письма не подразумевает ярко выраженного стремления к достижениям в литературном поле. Однако чем дольше пишет автор, тем выше вероятность, что такое стремление сформируется. Приводимый ниже нарратив представляет собой пример именно такого случая.

«Проблемы возникли, когда у меня накопилось приличное количество материала, и я начал пробовать подавать тексты в разные литературные журналы. В одном мне ответили отказом, в двух других просто не ответили. Я читал тексты из тех изданий, куда отправлял свои. И у меня не было ощущения, что мои как-то сильно хуже по качеству. Возможно, здесь имеют вес какие-то связи, статус, опыт публикаций и так далее. Но знаешь, я не бросил писать, наоборот, стал писать даже больше, ответственнее, дисциплинированнее, если так можно сказать, по несколько часов в день, без оправданий. И в какой-то момент я поймал себя на мысли, что я не только перестал получать от этого удовольствие, но что у меня развился какой-то невроз, я постоянно думал: а как это будет воспринято, а это как, а здесь как написать? Я стал плохо спать, я постоянно нервничал из-за того, что что-то делаю не так. Так продолжалось где-то полгода, я предпринял еще несколько попыток отправить тексты в журналы, но результат не изменился. Потом я сказал себе, что не надо превращать эту отдушину в работу. Нет — так нет. Идите ***. Я не хотел писать каким-то определенным образом, чтобы это было принято. Многие ныне известные авторы долгое время получали отказы, потому что их тексты были слишком искренними, слишком личными, неудобными, непрофессиональными по чьему-то говенному мнению. Так что ничего — пишем и работаем дальше» (м., 24).

Письмо, первоначально являвшееся хобби и терапией, в данном случае само становится поводом для стресса, поскольку оно не обретает признания в литературном поле. Информант подчеркивает (нас не интересует справедливость его высказывания), что отказы связаны не с качеством текста, а с тем, что они слишком *личные* и *эмоциональные*. Перед пишущим возникает своего рода дилемма: изменить стиль письма или продолжать писать так, чтобы текст сохранял свою терапевтическую функцию, однако при этом, по-видимому, придется пожертвовать успехом. Информант выбирает последнюю стратегию, потому что для него письмо — в первую очередь терапия, а не работа (хотя он подчеркивает, что стал писать еще усерднее; возможно, в будущем он еще предпримет попытки опубликоваться).

Заключение

Мы выделили и описали терапевтические функции художественного письма: выплеск эмоций, эстетизация тяжелого повседневного опыта, имплицитное общение с людьми посредством текста. Однако выделение этих функций — лишь первый шаг на пути к более детальному изучению мужского любительского письма в целом и его терапевтических аспектов в частности. Кроме того, сами по себе эти функции едва ли имеют жесткую привязку к гендеру. Мы не исключаем, что изучение женского непрофессионального письма приведет к выведению схожего функционала. Пользуясь хорошо известной социологам парой «формы» и «содержания», введенной в социологический

обиход Георгом Зиммелем, мы рискнули бы предположить, что функции представляют собой некую форму (возможно, гендерно нейтральную), в то время как нарративы информантов, детально описывающих механизмы работы этих функций, явно гендерно маркированы и часто (хотя и не всегда) следуют логике гегемонной маскулинности. Помимо терапевтических функций письма, мы обнаружили ряд сложностей и парадоксов, сопряженных с этой творческой деятельностью и зачастую имеющих гендерный характер. Прежде всего это негативное восприятие окружающими: либо оценка увлечения письмом как несоответствующего «легитимному» занятию для мужчины, либо непонимание того, почему эта деятельность не трансформируется в профессиональную деятельность. Также мы описали проблематичность перехода от любительского письма к профессиональному: со временем целеполагание может трансформироваться, и желание писать «для себя» уступит место желанию публиковаться.

Более подробный анализ и возможная систематизация полученных нарративов уже не в функциональной, а в иных логиках — задача будущих работ.

Литература / References

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии городов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Boltanski L., Teveno L. (2013) *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Oчерki sociologii gradov* [Critique and Justification of Justice: Essays on the Sociology of Cities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Бротиган Р. Уиллард и его кегебальные призы. М.: Эксмо, 2021.

Brautigan R. (2021) *Uillard i ego kegebalnnye prizy* [Willard and His Bowling Trophies]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Бурдьё П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.

Bourdieu P. (2000) The Literary Field. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. No. 45. P. 22–87. (In Russ.)

Иллуз Е. Почему любовь уходит? М., Б.: Директмедиа Паблишинг, 2024. EDN: TSTTHE

Illouz E. (2024) *Pochemu lyubov uhodit?* [Unloving]. Moscow, Berlin: Direktmedia Publishing. (In Russ.)

Моссе Д. Образ мужчины. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.

Mosse J. (2023) *Obraz muzhchiny* [The Image of Man]. SPb.: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Самутина Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 137–194. EDN: RWXZMF

Samutina N. (2013) The Great Female Readers: Fan Fiction as a Literary Experience. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 12. No. 3. P. 137–194.

Самутина Н. Японские комиксы манга в России: введение в проблематику чтения // Новое литературное обозрение. 2019. № 160. С. 307–321. EDN: ZRLGPL

Samutina N. (2019) Japanese Manga in Russia: Introduction to Research on Reading Practices. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. No. 160. P. 307–321.

Симонова О. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идейные противоречия и линии анализа // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 7–24. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24>

Simonova O. (2024) The “Emotional Markup” of Psychotherapeutic Culture: Imperatives, Ideational Contradictions, and Lines of Analysis. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 22. No. 1. P. 7–24. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24>

- Шкловский В. О теории прозы. М.: Издательство «Федерация», 1929.
- Shklovsky V. (1929) *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Izdatelstvo "Federaciya". (In Russ.)
- Addis M. (2008) Gender and Depression in Men. *Clinical Psychology: Science and Practice*. Vol. 15. No. 3. P. 153–168. DOI: <https://doi.org/10.1111/J.1468-2850.2008.00125.X>
- Bourdieu P. (1996) *Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Busse K. (2017) *Framing Fan Fiction: Literary and Social Practices in Fan Fiction Communities*. Iowa City: University of Iowa Press.
- Cleary A. (2012) Suicidal Action, Emotional Expression, and the Performance of Masculinities. *Social Science and Medicine*. No. 74. P. 498–505. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2011.08.002>
- Connell R. (1995) *Masculinities*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
- Connell R. (2000) *The Men and the Boys*. Cambridge: Polity Press.
- Emslie C., Ridge D., Ziebland S., Hunt K. (2006) Men's Accounts of Depression: Reconstructing or Resisting Hegemonic Masculinity?. *Social Science & Medicine*. No. 62. P. 2246–2257. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.10.017>
- Glukhova M. (2024) Two Generations of Depression: Discourses of Emotions. Autobiographical Texts by in Russian Men's. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 22. No. 1. P. 43–58. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-43-58>
- Kindlon D., Thompson M. (1999) *Raising Cain*. New York: Ballantine Books.
- Madsen O.J. (2018) *The Psychologization of Society: On the Unfolding of the Therapeutic in Norway*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.12901>
- Rimke H.M. (2000) Governing Citizens through Self-Help Literature. *Cultural Studies*. Vol. 14. No. 1. P. 61–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/095023800334986>
- Sanderson G. (1995) Being "Cool" and a Reader. In: R. Browne, R. Fletcher (eds.) *Boys in Schools*. Sydney: Finch Publishing. P. 152–167.
- Seidler Z., Dawes A., Rice S., Oliffe J., Dhillon H. (2016) The Role of Masculinity in Men's Help-seeking for Depression: A Systematic Review. *Clinical Psychology Review*. No. 49. P. 106–118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2016.09.002>
- Swidler A. (1986) Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*. Vol. 51. No. 2. P. 273–286. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095521>
- Thumala Olave M. A. (2022) Reading Matters: Toward a Cultural Sociology of Reading. *The Cultural Sociology of Reading*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 19–62. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-017-0034-x>
- Vana J. (2020) Theorizing the Social through Literary Fiction: For a New Sociology of Literature. *Cultural Sociology*. Vol. 14. No. 2. P. 180–200. DOI: <https://doi.org/10.1177/1749975520922469>

Сведения об авторе:

Котельников Максим Павлович — магистр социологии, аспирант факультета социальных наук, стажер-исследователь Центра социологии культуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; преподаватель, МВШСЭН, Москва, Россия. **E-mail:** maximant13@yandex.ru. **ORCID ID:** 0000-0003-3946-6636.

Статья поступила в редакцию: 07.10.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

БАК: 5.4.6

Amateur Literary Creativity of Men as a Form of Self-Psychotherapy

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.4

Maksim P. Kotelnikov HSE University, Moscow, Russia
E-mail: maximant13@yandex.ru

In this article, we propose to look at amateur literary creativity (writing) as a self-therapeutic practice. Based on 11 in-depth interviews with male amateur writers, we demonstrate that writing can be both a way to solve life's problems and a means of helping to change one's attitude towards them. We highlight several basic functions of artistic writing (in addition to the struggle for cultural and economic recognition in the literary field, which were already discussed by Bourdieu): an outburst of emotions, aestheticization of difficult everyday experience, implicit communication with people through text. However, despite the fact that writing can have a positive effect on the well-being and action strategies of informants, we also note a number of difficulties associated with the implementation of this practice. The study demonstrates that sometimes male writers (especially at a young age) face the reproach that "writing is not a man's business". In particular, informants point out that their passion for writing is not perceived (by partners, friends, relatives, etc.) as significant or even existential for their lives if it does not bring income and success. Finally, the last difficulty associated with amateur writing is the dilemma that arises when trying to publish their manuscripts. Informants who have been rejected are faced with the problem of making their work "convenient" for the needs of publishers (thereby depriving themselves of writing as a practice of self-therapy), or continuing to write in such a way that writing continues to perform a therapeutic function, but agreeing to obscurity.

Keywords: literary writing; gender; therapeutic culture; literary field

Author Bio:

Maksim P. Kotelnikov — MA in Sociology, Graduate Student, Faculty of Social Sciences, Trainee-Researcher, Center for Cultural Sociology, HSE University; Teacher, MSSSES, Moscow, Russia. **E-mail:** maximant13@yandex.ru. **ORCID ID:** 0000-0003-3946-6636.

Received: 07.10.2024

Accepted: 09.12.2024

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.5

EDN: MYGPYR

*Мы с новостями в абьюзивных отношениях,
потому что я их люблю, а они меня заставляют себя читать.*

(ж., 22 года)

Эмоциональный опыт думскроллинга: как справиться с негативными новостями?¹

Ссылка для цитирования:

Казун А.Д., Малыгина Н.С. Эмоциональный опыт думскроллинга: как справиться с негативными новостями? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 78–95. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.5> EDN: MYGPYR

For citation:

Kazun A.D., Malygina N.S. (2024) Coping with Negative News: Emotional Experience of Doomscrolling *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 78–95. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.5>

Казун Анастасия Дмитриевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: adkazun@hse.ru

Малыгина Наталия Сергеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: nsmalygina_1@edu.hse.ru

Большая часть новостей, с которыми мы сталкиваемся в медиaproстранстве, являются негативными. При этом поток информации в современном мире все увеличивается, а серия сменяющих друг друга кризисов подталкивает людей уделять внимание такому контенту. Возникает

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

такое явление, как думскроллинг — тенденция потреблять большое количество негативных новостей, несмотря на вызываемые ими эмоции. В данном исследовании мы анализируем, как думскроллеры описывают свой эмоциональный опыт потребления новостей и каковы их способы управления негативными переживаниями. Эмпирической базой исследования стали 47 интервью с думскроллерами, проведенные в конце 2022 — начале 2023 года. Информанты связывают с потреблением информационного контента следующие эмоции: тревогу (эготропную и социотропную), бессилие/беспомощность (низкую внешнюю политическую эффективность и невозможность контролировать собственную жизнь) и апатию, злость. Эмоциональный опыт часто описывается с использованием медикализованной и психотерапевтической лексики. Думскроллеры говорят о своем состоянии как о болезни: употребляют специализированные термины, упоминают об опыте обращения за помощью к медицинским работникам и акцентируют физические последствия для здоровья от потребления новостей. Способы совладания с эмоциями разнообразны. Информанты могут предпринимать попытки изменить стиль медиапотребления, ограничивая внимание к информационному контенту. При этом думскроллеры, которые сохраняют высокий уровень потребления новостей, прибегают к активному обсуждению и коллективному проживанию эмоций, а также могут переключать свое внимание на другие повседневные активности. Впрочем, практики думскроллеров и смыслы, которые они приписывают своим переживаниям, очень вариативны и разнообразны.

Ключевые слова: думскроллинг; потребление новостей; медиапотребление; эмоциональный опыт; психотерапевтическая культура

Введение

Многочисленные исследования показывают, что негативная информация воздействует на людей сильнее, чем позитивная [Baumeister et al., 2001; Soroka, McAdams, 2015]. Такую закономерность можно объяснить, опираясь на эволюционную теорию, согласно которой внимание к угрозам выступает необходимым условием выживания [Bebbington et al., 2017; Shoemaker, 1996]. Логично, что аудитория часто предъявляет спрос именно на негативный информационный контент [Trussler, Soroka, 2014] и считает вызывающие страх новости более важными [Young, 2003]. Отвечая на внимание к негативным новостям со стороны населения, медиаресурсы также фокусируются на такой информации [Leung, Lee, 2015], и трагические события получают непропорционально большое освещение [van der Meer et al., 2019].

Вместе с тем негативные новости повышают тревогу людей в отношении обсуждаемых событий [Andersen et al., 2024; Toff, Nielsen, 2022], а избыточное потребление информационного контента может неблагоприятно сказываться на благополучии человека [Максименко и др., 2022; Boukes, Vliementhart, 2017;

McLaughlin et al., 2022; Price et al., 2022; Satıcı et al., 2023]. Этот эффект представляется особенно важным в свете того, что люди с более пессимистичными взглядами выбирают для просмотра более негативные новости [van der Meer, Hameleers, 2022]. Таким образом, тревожное или депрессивное эмоциональное состояние, которое формируется под влиянием медиаконтента, в дальнейшем способствует выбору более негативных новостей, что продолжает сказываться на благополучии человека. Возникает петля обратной связи.

Проблема воздействия негативных новостей на эмоциональное состояние индивидов обостряется во время кризисных ситуаций и в контексте медиасреды с большим выбором источников информации [Van Aelst et al., 2017; Moe et al., 2024; Van Aelst et al., 2021]. В ситуации кризиса формируются новые практики потребления контента: люди пытаются сориентироваться [Matthes, 2006] и более активно ищут информацию [Johansson et al., 2023; Westlund, Ghersetti, 2015]. В условиях (практически) неограниченного доступа к медиаресурсам это способствует возникновению думскроллинга (doomscrolling), понимаемого как активный просмотр плохих новостей несмотря на эмоции, которые они вызывают [Ytre-Arne, Мое, 2021]. Именно думскроллеры испытывают наибольшее влияние негативного информационного потока.

Дополнительную актуальность исследованию придает тот факт, что в последние годы общество столкнулось с серией серьезных кризисов — эпидемиями, вооруженными конфликтами в разных частях мира, терактами и т.д. Драматические события следуют одно за другим. Следовательно, думскроллинг, возникающий в ответ на трагическое событие, оказывается уже не единичным актом, а повторяющейся моделью поведения. Даже если большая часть думскроллеров относительно быстро возвращается к «нормальному» потреблению новостей, новые потрясения могут подтолкнуть их возобновить чрезмерно активный мониторинг информационного потока. В таких условиях важно понимать, что испытывает наиболее вовлеченная аудитория и насколько успешно она с этим справляется.

Эмпирическая база исследования

Статья опирается на материалы исследования, реализованного авторами и включающего 47 полуструктурированных интервью, проведенных в период с 20 ноября 2022 по 30 марта 2023 года с россиянами, идентифицирующими себя как думскроллеры. Для участия в исследовании рекрутировались информанты, которые оценивали свое потребление новостей как болезненно-избыточное. Поскольку термин *думскроллинг* (как и его аналоги, предлагаемые в академической литературе, — проблемное или избыточное потребление новостей) является эмоционально нагруженным и негативно окрашенным, он не использовался ни при установлении контакта с информантами, ни в ходе беседы. С целью контроля соответствия субъективных оценок объективной ситуации в начале разговора задавались также вопросы о частоте просмотра новостей и примерном времени, затрачиваемом на такую деятельность.

В большинстве случаев такие оценки не противоречили друг другу. Если в процессе разговора с информантом выявлялись какие-либо причины, не позволяющие отнести его к категории думскроллеров (например, избыточное потребление новостей было кратковременным и уже давно прекратилось), беседа доводилась до конца, но не включалась в базу данных как интервью с думскроллером. Впрочем, такие кейсы были единичными.

Стили потребления новостей [Antunovic et al., 2018; Bengtsson, Johansson, 2021] и способы описания эмоциональных переживаний [Глухова, 2024] имеют поколенческие различия. Соответственно, было необходимо включить в выборку представителей различных возрастных групп, чтобы получить широкий спектр интерпретаций эмоционального опыта думскроллинга. Гендерные различия в отношении к риску [Booth et al., 2014; Wängnerud et al., 2019] и во внимании к информационному контенту [Benesch, 2012; Toff, Palmer, 2019] делают важным также балансирование выборки по полу. В итоге интервью были проведены с 21 мужчиной и 26 женщинами. Возраст информантов варьируется от 18 до 74 лет.

Гайд интервью включал вопросы о практиках потребления информации, обоснованиях думскроллинга, эмоциональных и социальных аспектах просмотра новостей. При проектировании гайда мы учитывали тенденцию описывать свои эмоции в общем виде (например, *тревога, страх*). Для того чтобы избежать подобных несодержательных ответов, широко использовались уточняющие вопросы («Что именно Вас тревожит?», «Как проявляется Ваша тревога?»). Это позволило получить насыщенные нарративы, описывающие как эмоциональный опыт потребления новостей, так и способы управления своими эмоциями. Обработка интервью производилась методом тематического анализа.

Мы не ограничивали интервьюируемых в трактовках того, какая именно кризисная ситуация привела к интенсификации потребления новостей. Однако период проведения полевого этапа исследования в значительной степени определял данный аспект. Хотя в единичных интервью упоминался опыт чрезмерно активного потребления новостей в контексте пандемии COVID-19, наиболее часто говорилось о внимании к новостям, связанным со Специальной военной операцией (СВО) (началась 24 февраля 2022 года), частичной мобилизацией (объявлена 21 сентября 2022 года) и, хотя и несколько реже, подрывом Крымского моста (8 октября 2022 года).

В данном исследовании мы не сводили феномен думскроллинга к просмотру новостей в социальных сетях, как это делается в некоторых публикациях [Shabahang et al., 2023]. В 2022 году, после начала СВО, телевизионные каналы значительно увеличили число информационных передач, позволив своей аудитории существенно повысить объем потребления соответствующего контента. Некоторые информанты, получавшие новости преимущественно из телевизионных программ, рассказывали, что подобная деятельность занимает у них более 4 часов в сутки. Такие временные затраты на потребление информационного контента близки к тому, чтобы ассоциироваться с негативным воздействием на ментальное и физическое здоровье [Holman et al., 2014; Silver et al., 2013]. Соответственно, исключение данной группы информантов

из анализа представляется неправильным. Тем не менее большая часть интервьюируемых рассказывала о потреблении новостей в интернете, особенно через телеграм-каналы.

Результаты исследования

Эмоциональные состояния

Информанты преимущественно выделяли негативные эмоциональные состояния, связанные с потреблением новостей и характеризующиеся высокой интенсивностью. Чаще всего эмоциональный опыт просмотра информационного контента формулировался в терминах *тревожности, беспомощности/бессилия/апатии* или *злости*.

Чувство тревоги имеет два уровня, связанных: (1) с положением информанта и его ближайшего окружения и (2) с общей ситуацией в стране и мире. Информанты преимущественно фокусируются на индивидуальных рисках. Даже рассуждая об угрозах для общества в целом, люди уделяют внимание тому, как они могут отразиться на них самих или их близких. В частности, отсутствие гарантий безопасности или четко определенной траектории развития той или иной ситуации ассоциируется с невозможностью долгосрочного планирования или повышенными рисками для членов семьи. Соответственно, можно говорить о существовании как эготропной (*egotropic/egocentric*), так и социотропной (*sociotropic*) тревоги [Andersen et al., 2024], которые нередко переплетаются в одних нарративах. При этом информанты обычно рассуждают о своей обеспокоенности в экзистенциальном ключе, как о проблеме безопасности. Экономическое положение (как индивидуальное, так и в стране в целом) практически не обсуждается как основание для тревоги.

«Тревожность... Ну как бы когда что-то подобное читаешь... Короче, когда читаешь новости на определенную тему, ты ненароком думаешь о том, что „я не чувствую себя в безопасности ни в какой степени, совершенно“, и ты думаешь, что сейчас что-то случится, сейчас случится что-то страшное, что помешает мне, помешает моим родным» (ж., 18 лет).

«Я говорю: горизонт планирования — десять минут, и продуктивность твоя и твое планирование своей жизни, своего будущего из этого вытекают. И задачи на неделю, задачи на день, какие-то вещи просто базовые, не касающиеся... Постирать одежду — и то даже это не получается сделать. Пусть там, не знаю, просто покушать, поспать. Любые такие вещи сложно планировать, когда у тебя неопределенность очень большая» (ж., 21 год).

Чувство беспомощности, на которое указывают ряд информантов, также имеет два уровня. С одной стороны, оно может приписываться низкой внешней политической эффективности (*external political efficacy*) — воспринимаемой

невозможности влиять на государственную политику и процессы в обществе [Boulianne et al., 2023]. С другой, беспомощность может связываться с ограниченными возможностями контроля над индивидуальной жизнью, в том числе долгосрочного планирования. Утрата агентности приводит к возникновению апатии, когда контроль над ситуацией начинает восприниматься как недоступный не из-за внешних причин, а из-за отсутствия у информанта внутренних сил на созидательную деятельность²:

«Забывал есть, позавтракать, забывал голову помыть...» (м., 20 лет).

Таким образом, хотя бессилие и апатия интерпретируются как родственные переживания и даже упоминаются в интервью совместно, через запятую, они все же имеют различное содержательное наполнение. Говоря о бессилии, информанты в первую очередь подразумевают невозможность что-либо противопоставить внешним ограничениям, тогда как апатия — это внутреннее состояние, когда неспособность управлять своей жизнью ассоциируется с отсутствием сил для этого.

«Ты сидишь, читаешь новости, которые какие-то тебе нравятся, какие-то не нравятся, или те новости, на которые ты не можешь вообще никак повлиять, и вот это вгоняет в такое чувство апатии, что все, я ничего не хочу, я буду просто лежать с утра до ночи, листать новости, и все» (ж., 22 года).

«У нас никто не мог работать целую неделю. Эмоциональное состояние не очень было у всех. Обновляли новости, новые инициативы выходили, новые цифры, планы. Совсем не работали в это время. Продуктивность точно в минус уходит» (м., 29 лет).

Переживаемая злость преимущественно связывалась с конкретной ситуацией или событием, освещаемым в новостях. Впрочем, в некоторых случаях злость могла иметь объектный характер, возникая в отношении конкретных лиц, структур и организаций:

«...условно, злость на определенных людей, на конкретных политиков, с которыми просто оказалось не по пути» (м., 21 год).

При этом на фоне тревоги и апатии, которые интерпретируются как препятствующие продуктивной деятельности и ведению полноценной жизни, злость

² Вместе с тем, в некоторых случаях наблюдается противоположная тенденция: информанты указывают, что чтение негативных новостей способствует восстановлению чувства контроля и переутверждению субъектности через возможность непрерывного наблюдения за происходящими событиями. Предполагается, что поддержание информированности о кризисных событиях позволяет обезопасить себя и свое ближайшее окружение, а также обеспечивает возможность принятия быстрых и эффективных решений в случае необходимости. Однако мы не можем быть уверены, отражают подобные нарративы реальную ситуацию или представляют собой рационализацию аффективного или аддиктивного потребления новостей. Подробнее об этом в статье [Казун, 2024].

может трактоваться практически как желательное состояние, выполняющее мобилизирующую функцию:

«Я понимаю, что если начать предаваться какому-нибудь отчаянию или печали, то ничего из этого не выйдет. Так я только больше загоню себя в какую-то яму, а на злости можно как-то работать» (м., 22 года).

Информанты подчеркивают динамический характер переживаемых эмоций. Тревогу и злость сменяют беспомощность и апатия, также происходит снижение интенсивности переживаний с течением времени. Потребление негативных новостей рутинизируется:

«Все равно как зубы почистить — плохую новость прочитать» (ж., 21 год).

Эмоции начинают описываться в терминах *грусти, усталости, смирения* или *равнодушия*. Повестка дня, наблюдение за которой велось ранее, переходит в область «фона» и начинает восприниматься как слабо влияющая на повседневность информанта. Активные эмоции, которые могли быть функциональными с точки зрения мобилизации к действию, трансформируются в пассивные — менее острые, однако не помогающие адаптироваться к рискам и угрозам. Такая динамика может интерпретироваться информантами как адаптация к ситуации (позитивное изменение) или как очерствение, противоречащее морали и императиву сострадания (негативное изменение) [Симонова, 2021].

«И как бы это ужасно не звучало, как будто уже привык читать, а подобные новости про какие-то смерти людей, бомбежки и так далее. И ты просто живешь с этим каждый день» (ж., 21 год).

«Когда-нибудь ты просто перегоришь, и у тебя не останется вообще ничего, никаких эмоций. И вот этого я, наверное, больше всего боюсь. Что когда-нибудь весь этот окружающий нас ужас настолько станет для нас привычным, что мы просто будем воспринимать это как должное» (м., 22 года).

Психотерапевтическая лексика в описании эмоционального состояния

Описывая свой эмоциональный опыт просмотра новостей, информанты оперируют как обыденной (*тревога, страх, беспокойство, раздражение, разочарование, опустошение*), так и медикализированной или психотерапевтической лексикой. В частности, в интервью активно используются такие термины, как *психика* (как самостоятельный термин или в сочетании со словами *здоровье, дискомфорт*), *психологический* (в сочетании с терминами *благополучие, состояние, отклонение*), *тревожность, травмирующий опыт, стресс, ментальное здоровье, апатия, триггер*. Кроме того, свое отношение к новостям информанты раскрывают через метафору *абьюза*. Эмоции могут

описываться в диагностическом ключе, как указание на определенные симптомы и расстройства, — *панические атаки, депрессия*. Впрочем, последний термин скорее использовался информантами для нормализации собственного состояния через указание на отсутствие серьезных негативных последствий думскроллинга: «*в депрессию не впадаю*» (м., 55 лет), «*опустошенность, но опустошенность не в смысле какая-то депрессивность...*» (м., 19 лет). Даже отсутствие острой эмоциональной реакции на новости тоже могло интерпретироваться с медицинской точки зрения:

«Каких-то прямо изменений не заметил, но, возможно, это следствие того, что я достаточно длительное время принимаю антидепрессанты, и это могло корректировать, соответственно, мое настроение. То есть оно действовало как некоторая такая... нейтрализация всего. Просто настроение — никак. Настроение окей» (м., 19 лет).

Сама ситуация потребления новостей и вызываемые ею эмоциональные состояния описываются как болезнь. Это проявляется различным образом: (1) использование соответствующей лексики (*здоровье, болезнь, организм*), (2) указание на опыт обращения к медицинским специалистам («*проконсультировалась с врачом*» (ж., 22 года)), (3) акцентирование негативных физических последствий (*бессонница, отсутствие аппетита, ухудшение зрения из-за чрезмерного потребления медиаконтента*). В отдельных случаях медицинская терминология используется и при описании попыток регулирования эмоционального состояния — *детокс* (ж., 20 лет) и *дозирование* (ж., 20 лет).

Неблагоприятное влияние новостей на эмоциональное благополучие информанты фиксируют, отталкиваясь от динамики своего состояния: ухудшение после просмотра новостей или улучшение по итогам временного ограничения их потребления. Соответственно, можно говорить о том, что реакция вызвана именно опытом потребления информационного контента, а не процессами в обществе как таковыми³.

«Вроде бы ты вышел из дома, настроенный на прекрасный день, потом прочитал новости, и все, уже не хочется разговаривать, не хочется вообще взаимодействовать с другими людьми. Хочется закрыться в себе и как-то переваривать эту информацию, переживать ее» (ж., 20 лет).

Регулирование эмоциональных состояний

Переживание думскроллерами негативных эмоций подразумевает поиск способов их преодоления. Одной из тактик, направленных на достижение этой цели, может считаться сокращение времени просмотра негативных

³ Это хорошо соотносится с конструктивистским пониманием социальных проблем как результата коллективного определения. Само по себе наличие дисфункционального явления не делает его проблемой, такой статус оно приобретает в ходе обсуждения на публичных аренах, к которым относятся, в числе прочего, и медиаресурсы.

новостей до определенного количества времени или же отказ от их потребления в целом. Обосновываются такие попытки корректировки стиля медиапотребления стремлением к сохранению или поддержанию физического и ментального здоровья.

«Я уже стараюсь не углубляться в каждую новость, только по своим интересам. Если мне что-то интересно, то вот тогда я начинаю смотреть по другим источникам. Вот, и поэтому для меня вот сейчас в приоритете именно мое здоровье» (ж., 24 года).

Однако, поскольку у информантов есть широкий спектр обоснований необходимости активного просмотра новостей [Казун, 2024], ограничение их потребления часто не рассматривается как способ регулирования своего состояния. Думскроллеры указывают, что они не хотели бы отказываться от информационного контента, даже если осознают его негативное влияние на эмоциональное или физическое здоровье. Соответственно, возникает необходимость в поиске других способов саморегуляции. Медикализованное осмысление эмоционального опыта думскроллинга вполне закономерно должно проявляться обсуждением способов *лечения*, которые предполагают разную степень активности со стороны *заболевшего*. Это может быть психологическое консультирование (*«обращалась по этому поводу к психологу»* (ж., 24 года)), взаимная поддержка в социальных сетях (*«оказывать друг другу какую-то иногда психологическую поддержку»* (ж., 19 лет)), эскапизм и переключение внимания на другие активности и т.д. Следует отметить, что наблюдается высокая вариативность подобных практик.

Так, одним из способов саморегуляции становится коллективное обсуждение новостей и совместное переживание эмоций. При этом информант не всегда рассчитывает встретить или встречает позитивный отклик в ответ на запрос на разговор о событиях повестки дня. Тем не менее, обсуждение новостей в межличностной коммуникации обладает некоторой принудительной силой, вынуждая даже тех, кто не заинтересован в поддержании дискуссии по подобным темам, участвовать в них для сохранения теплых отношений с социальным окружением [Казун, 2023]. Соответственно, думскроллер, испытывающий потребность в коллективном проживании эмоций, имеет все шансы найти собеседника. Однако, в соответствии с нарративами информантов, помогает в регулировании эмоциональных состояний только коммуникация с людьми, имеющими сходные взгляды и близкий уровень вовлеченности в новости. Обсуждение повестки дня с идеологическими оппонентами рискует привести к увеличению эмоционального напряжения и конфликтам, а люди, избегающие новостей, не в состоянии выступать поддерживающими собеседниками, поскольку недостаточно погружены в контекст.

«Просто если бы не их [друзей] поддержка по первому времени, я бы не знаю, что со мной было в целом. Но из-за того, что они были, из-за того, что мы вместе это проживали и мы читали каждую

новость — изначально вообще все вместе — и вместе обсуждали, и из-за этого мне как будто бы было полегче» (ж., 20 лет).

Хотя думскроллинг тесно вплетен в социальные отношения, в некоторых случаях активное чтение негативных новостей может способствовать возникновению стремления к полной изоляции от социума и переживанию эмоций в одиночестве. Информанты говорят об отказе от коммуникации и социальных взаимодействий. В нарративах используются метафоры, указывающие на возведение барьера между думскроллером и окружающим его миром. Наравне с психотерапевтической лексикой метафоры помогают людям вербализовать эмоциональные переживания, которые им было бы сложно выразить в иной форме [Ortony, Fainsilber, 1987]. В целом ограничение коммуникации с социальным окружением может объясняться неблагоприятным эмоциональным состоянием и апатией информанта, а может быть сознательным решением, попыткой избежать актуализации переживаний в ходе общения.

«Знаешь, мне иногда хочется вот просто вот в раковину какую-то залезть, как улитка, и вообще не высовываться оттуда, вот в домике... Я стала уходить вообще от людей, от толпы, от общения» (ж., 62 года).

«Я уже не злюсь, наверное, и уже не грущу особо. То есть это просто у меня где-то откладывается, что я почитала. И потом уже, например, когда я рассказываю это родным, у меня появляются эмоции какие-то. Но для себя я уже никаких эмоций не проявляю, когда я читаю новости» (ж., 20 лет).

Другим способом справиться с негативными эмоциями, вызываемыми просмотром новостей, становится переключение внимания на другие повседневные активности. В частности, информанты неоднократно упоминали, что отвлечься от информационного контента им помогали рабочие задачи.

«Значит, как раз работа лечит. Работа... Ты отключаешься, ты забываешь, ты работаешь, то есть уже энергию направляешь в другое русло свою» (ж., 20 лет).

Вместе с тем смыслы, которыми наделяются привычные действия, могут принципиально различаться. Наиболее ярко это проявляется на примере нарративов о прослушивании музыки в контексте изменений эмоциональных состояний, связанных с потреблением информации по повестке дня. Так, для некоторых информантов музыка оказывается способом отвлечься от новостей, таким же, как работа или решение каких-либо повседневных задач:

«Иногда хочется не слушать ничего из политических новостей, а послушать о футболе, например. Или музыку какую-то послушать, абстрагироваться» (м., 29 лет).

Другие отмечают, что такая форма досуга не соответствует их эмоциональному состоянию и исключается из повседневных практик:

«Я раньше просто без нее [музыки] не могла, я включала музыку, но я уже вот почти год не слушаю ничего, я просто отказалась от этого, я не могу» (ж., 62 года).

Заключение

Таким образом, периоды активного просмотра негативной информации могут проживаться различным образом. С одной стороны, интенсивное потребление новостей может сменяться усталостью [Богомякова, Попова, 2021] и по мере рутинизации кризисной ситуации постепенно снижаться, приходя в норму [Dahl, Ytre-Arne, 2023; Groot Kormelink, Klein Gunnewiek, 2022; Ytre-Arne, Мое, 2021]. Ограничение просмотров информационного контента в данном случае следует интерпретировать как самозаботу и способ поддержания эмоционального благополучия [Mannell, Meese, 2022]. С другой стороны, людям не всегда легко ограничить свое потребление новостей, особенно если соответствующие практики уже стали для них привычными [Edgerly, 2023].

Основные эмоции, ассоциируемые с активным потреблением негативных новостей, — тревожность, бессилие/апатия, злость. При этом тревожность и бессилие существуют на двух уровнях, которые можно условно обозначить как индивидуальный и социальный. В первом случае речь идет об эготропной тревоге (переживании за себя и близких) и/или утрате агентности (невозможности контролировать свою жизнь). Во втором случае подчеркивается социотропная тревога (за страну или мир в целом) и/или низкая внешняя политическая эффективность (отсутствие возможности влиять на государственную политику и процессы в обществе). Тревожность и бессилие ассоциируются с невозможностью вести полноценную жизнь и эффективно решать разнообразные задачи: от мытья головы до долгосрочного планирования. На этом фоне злость оказывается предпочтительным эмоциональным состоянием, поскольку не воспринимается как препятствие для продуктивной деятельности, а в некоторых случаях наделяется мотивирующей функцией. Информанты отмечают, что со временем переживания, связанные с потреблением новостей, рутинизируются и становятся менее острыми. Такая динамика может описываться в позитивном ключе, как адаптация к ситуации, либо проблематизироваться как противоречащая «императиву сострадания» [Симонова, 2021].

Информанты активно используют медиализированную и психотерапевтическую лексику. Эмоциональные состояния при этом дискурсивно конструируются как болезнь посредством использования соответствующих терминов, указания на опыт обращения к врачам для получения помощи, акцентирования физических последствий думскроллинга для здоровья.

Соответственно, можно говорить о медиализации проблемы [Congrad, Schneider, 1992], начавшейся на институциональном уровне и закрепившейся впоследствии на индивидуальном. Так, например, горе и печаль трансформировались в требующие лечения отклонения — расстройство затяжного горя (*prolonged grief disorder*) [Lund, 2021] и депрессивное расстройство [Horwitz, Wakefield, 2007]. В дальнейшем соответствующий способ описания эмоциональных состояний распространился благодаря публичному обсуждению, а также ресурсам и книгам, посвященным саморегуляции, самопомощи и осознанности [Kołodziejaska, Paliński, 2023]. Такой способ осмысления эмоционального опыта оказался востребован в обществе. Люди часто испытывают трудности с выражением и описанием эмоций, а использование метафор (*залезть в раковину*) и ставшей привычной (по крайней мере для некоторых социальных групп) психотерапевтической лексики позволяет упростить перевод субъективных ощущений в слова.

Информанты описывают свой опыт в духе психотерапевтической культуры [Симонова, 2024] как регулирование эмоций для достижения психологической устойчивости (и повышения индивидуальной эффективности впоследствии). Можно выделить несколько подходов к управлению эмоциями. Первая развилка, с которой сталкиваются активные потребители негативного контента, связана с решением о том, сохранять ли высокое внимание к новостям после осознания их негативного влияния на индивидуальное ментальное состояние. Мы предполагаем, что отказ от думскроллинга следует рассматривать как копинговую стратегию, ориентированную на проблему (*problem-focused coping*) [Knobloch-Westerwick et al., 2009], тогда как регулирование эмоций без ограничения потребления негативного контента представляет собой скорее копинг, ориентированный на эмоции (*emotion-focused coping*). Исходя из воспринимаемых эмоциональных издержек думскроллинга и его предполагаемой полезности, информанты принимают решение об ограничении потребления информации по повестке дня или отказе от пересмотра своего медиарепертуара. Во втором случае думскроллеры сталкиваются с необходимостью поиска способов управления эмоциями при сохранении высокого уровня потребления новостей. Решением может стать активное обсуждение информации с социальным окружением и коллективное проживание эмоций или переключение внимания на другие повседневные активности, которое представляет собой своего рода эскапизм. Вместе с тем среди думскроллеров встречаются и противоположные практики — стремление к социальной изоляции и отказ от привычных форм досуга, которые могут быть обусловлены эмоциональным состоянием информантов.

Следует подчеркнуть, что эмоциональный опыт думскроллинга очень разнороден. Думскролинг может восприниматься как функциональное, желательное с морально-этической точки зрения или неизбежное поведение [Казун, 2024] и становиться относительно устойчивой моделью потребления информации. Так как осведомленность о новостях дает людям чувство контроля [Wahl-Jorgensen, Hanitzsch, 2009], а тревога может выполнять адаптивную функцию, позволяя подготовиться к будущим угрозам [Clayton,

2020], в некоторых случаях вовлеченность в чтение новостей не является дисфункциональной и может не становиться предметом ограничения и саморегуляции.

Активное потребление негативных новостей может как создавать, так и разрушать чувство контроля над ситуацией; как провоцировать делиться своими переживаниями, так и заставлять дистанцироваться от социального окружения; как подталкивать к переключению внимания на другие активности (например, прослушивание музыки), так и убеждать в неуместности таких активностей в сложившейся ситуации. Даже сами проживаемые эмоции оцениваются по-разному. Например, злость, связанная с просмотром новостей, может трактоваться как неприятное переживание или как мобилизующий фактор, позволяющий действовать. Разнообразие практик думскроллеров, вероятно, объясняется их различной природой: некоторые действия являются эмоционально обусловленными, тогда как другие представляют собой мотивированные и целенаправленные попытки регулирования эмоционального состояния. Например, когда указание на невозможность слушать музыку формулируется как *не могу*, речь идет о неспособности к каким-то действиям во время стресса, тогда как использование музыки для намеренного переключения собственного внимания представляет собой способ саморегуляции. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении взаимодействия с социальным окружением: информанты могли неосознанно или целенаправленно обращаться к своим близким за эмоциональной поддержкой, сознательно избегать такого общения, чтобы не актуализировать свои переживания, или не находить в себе сил для коммуникации.

Литература / References

Богомягкова Е. С., Попова Е. Е. «Усталость сострадать» в практиках медиапотребления (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19) // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 46–56. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250012269-8> EDN: TJOCFI

Bogomiagkova E. S., Popova E. E. (2021) The Effect of "Compassion Fatigue" in Practices of Media Consumption (The Case of the Attitude to the COVID-19 Problematization). *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6. P. 46–56. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250012269-8>

Глухова М. Два поколения депрессии: Дискурсы об эмоциях в автобиографических текстах российских мужчин // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 43–58. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-43-58>

Glukhova M. (2024) Two Generations of Depression: Discourses on Emotions Autobiographical Texts by in Russian Men's. *Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 22. No. 1. P. 43–58. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-43-58>

Максименко А. А., Дейнека О. С., Мортикова И. А. Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 129–136. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20> EDN: BOBTPA

Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Mortikova I. A. (2022) Infodemic Doomscrolling and the Psychological Well-Being of Russians. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. No. 12. P. 129–136. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20>

Казун А. Д. «Они все равно меня находят»: медиапотребление людей, избегающих новостей // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 3. С. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2023.325> EDN: NIPMIQ

Kazun A. D. (2023) "It Finds Me Anyway": Media Consumption of News Avoiders. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika]. No. 3. P. 3–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2023.325>

Казун А. Д. «Обложиться информацией, чтобы хоть что-то понимать»: Индивидуальные и социальные основания думскроллинга // Мир России. 2024. Т. 33. № 2. С. 77–94. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-77-94>

Kazun A. D. (2024) "Surround Myself with Information to Understand at Least Something": Individual and Social Reasons for Doomscrolling. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 33. No. 2. P. 77–94. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-77-94>

Симонова О. А. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идейные противоречия и линии анализа // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 7–24. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24>

Simonova O. A. (2024) The "Emotional Markup" of Psychotherapeutic Culture: Imperatives, Ideational Contradictions, and Lines of Analysis. *Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 22. No. 1. P. 7–24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24>

Симонова О. А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 25–45. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8084>

Simonova O. A. (2021) Emotional Imperatives of Late Modern Society and Their Possible Social Consequences. *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 27. No. 2. P. 25–45. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8084>

Andersen K., Djerf-Pierre M., Shehata A. (2024) The Scary World Syndrome: News Orientations, Negativity Bias, and the Cultivation of Anxiety. *Mass Communication and Society*. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/15205436.2023.2297829>

Antunovic D., Parsons P., Cooke T. R. (2018) "Checking" and Googling: Stages of News Consumption Among Young Adults. *Journalism*. Vol. 19. No. 5. P. 632–648. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884916663625>

Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. (2001) Bad is Stronger than Good. *Review of General Psychology*. Vol. 5. No. 4. P. 323–370. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.4.323>

Bebbington K., MacLeod C., Ellison T. M., Fay N. (2017) The Sky Is Falling: Evidence of a Negativity Bias in the Social Transmission of Information. *Evolution and Human Behavior*. Vol. 38. No. 1. P. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2016.07.004>

Benesch C. (2012) An Empirical Analysis of the Gender Gap in News Consumption. *Journal of Media Economics*. Vol. 25. No. 3. P. 147–167. DOI: <https://doi.org/10.1080/08997764.2012.700976>

Bengtsson S., Johansson S. (2021) A Phenomenology of News: Understanding News in Digital Culture. *Journalism*. Vol. 22. No. 11. P. 2873–2889. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884919901194>

Booth A., Cardona-Sosa L., Nolen P. (2014) Gender Differences in Risk Aversion: Do Single-sex Environments Affect Their Development? *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 99. P. 126–154. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2013.12.017>

Boukes M., Vliegthart R. (2017) News Consumption and Its Unpleasant Side Effect: Studying the Effect of Hard and Soft News Exposure on Mental Well-being Over Time. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*. Vol. 29. P. 137–147. DOI: <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000224>

Boulianne S., Oser J., Hoffmann C. P. (2023) Powerless in the Digital Age? A Systematic Review and Meta-analysis of Political Efficacy and Digital Media Use. *New Media & Society*. Vol. 25. No. 9. P. 2512–2536. DOI: <https://doi.org/10.1177/14614448231176519>

- Clayton S. (2020) Climate Anxiety: Psychological Responses to Climate Change. *Journal of Anxiety Disorders*. Vol. 74. P. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102263>
- Conrad P., Schneider J.W. (1992) *Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness*. Philadelphia: Temple University Press.
- Dahl J.M.R., Ytre-Arne B. (2023) Monitoring the Infection Rate: Explaining the Meaning of Metrics in Pandemic News Experiences. *Journalism*. Vol. 24. No. 12. P. 2705–2722. DOI: <https://doi.org/10.1177/14648849221149599>
- Ederly S. (2023) Avoiding News is Hard Work or Is It? A Closer Look at the Work of News Avoidance among Frequent and Infrequent Consumers of News. *Journalism Studies*. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2293834>
- Groot Kormelink T., Klein Gunnewiek A. (2022) From “Far Away” to “Shock” to “Fatigue” to “Back to Normal”: How Young People Experienced News During the First Wave of the COVID-19 Pandemic. *Journalism Studies*. Vol. 23. No. 5–6. P. 669–686. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1932560>
- Holman E. A., Garfin D. R., Silver R. C. (2014) Media’s Role in Broadcasting Acute Stress Following the Boston Marathon Bombings. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 111. No. 1. P. 93–98. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1316265110>
- Horwitz A.V., Wakefield J.C. (2007) *The Loss of Sadness: How Psychiatry Transformed Normal Sorrow into Depressive Disorder*. Oxford: Oxford University Press.
- Johansson S., Johansson B., Johansson J. (2023) The Dynamics of Information-Seeking Repertoires: A Cross-Sectional Latent Class Analysis of Information-Seeking During the COVID-19 Pandemic. *Mass Communication and Society*. Vol. 27. No. 4. P. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.1080/15205436.2023.2258863>
- Knobloch-Westerwick S., Hastall M.R., Rossmann M. (2009) Coping or Escaping?: Effects of Life Dissatisfaction on Selective Exposure. *Communication Research*. Vol. 36. No. 2. P. 207–228. DOI: <https://doi.org/10.1177/0093650208330252>
- Kołodziejska M., Paliński M. (2023) “Train Your Mind for a Healthy Life”. The Medicalization of Mediatized Mindfulness in the West. *Current Psychology*. Vol. 42. No. 18. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02814-8>
- Leung D.K.K., Lee F.L.F. (2015) How Journalists Value Positive News. *Journalism Studies*. Vol. 16. No. 2. P. 289–304. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2013.869062>
- Lund P.C. (2021) Deconstructing Grief: A Sociological Analysis of Prolonged Grief Disorder. *Social Theory & Health*. Vol. 19. No. 2. P. 186–200. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41285-020-00135-z>
- Mannell K., Meese J. (2022) From Doom-Scrolling to News Avoidance: Limiting News as a Well-being Strategy During COVID Lockdown. *Journalism Studies*. Vol. 23. No. 3. P. 302–319. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.2021105>
- Matthes J. (2006) The Need for Orientation Towards News Media: Revising and Validating a Classic Concept. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 18. No. 4. P. 422–444. DOI: <https://doi.org/10.1093/ijpor/edh118>
- McLaughlin B., Gotlieb M.R., Mills D.J. (2022) Caught in a Dangerous World: Problematic News Consumption and Its Relationship to Mental and Physical Ill-Being. *Health Communication*. Vol. 38. No. 12. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1080/10410236.2022.2106086>
- Moe H., Nærland T.U., Ytre-Arne B. (2024) Ritual Check-in, Shocked Immersion, Regained Stability: A Sequential Typology of News Experiences in Crisis Situations. *Media, Culture & Society*. Vol. 46. No. 2. P. 425–435. DOI: <https://doi.org/10.1177/01634437231187967>
- Ortony A., Fainsilber L. (1987) The Role of Metaphors in Descriptions of Emotions. *Theoretical Issues in Natural Language Processing*. Urbana-Champaign: University of Illinois. P. 181–184.
- Price M., Legrand A.C., Brier Z.M.F., Van Stolk-Cooke K., Peck K., Dodds P.S., Danforth C.M., Adams Z.W. (2022) Doomscrolling During COVID-19: The Negative Association between Daily Social and Traditional Media Consumption and Mental Health Symptoms During the COVID-19

Pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. Vol. 14. No. 8. P. 1338–1346. DOI: <https://doi.org/10.1037/tra0001202>

Satici S. A., Gocet Tekin E., Deniz M. E., Satici B. (2023) Doomscrolling Scale: Its Association with Personality Traits, Psychological Distress, Social Media Use, and Wellbeing. *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 18. No. 2. P. 833–847. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11482-022-10110-7>

Shabahang R., Kim S., Hosseinkhanzadeh A. A., Aruguete M. S., Kakabaraee K. (2023) "Give Your Thumb a Break" from Surfing Tragic Posts: Potential Corrosive Consequences of Social Media Users' Doomscrolling. *Media Psychology*. Vol. 26. No. 4. P. 460–479. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213269.2022.2157287>

Shoemaker P. J. (1996) Hardwired for News: Using Biological and Cultural Evolution to Explain the Surveillance Function. *Journal of Communication*. Vol. 46. No. 3. P. 32–47. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1996.tb01487.x>

Silver R. C., Holman E. A., Andersen J. P., Poulin M., McIntosh D. N., Gil-Rivas V. (2013) Mental- and Physical-Health Effects of Acute Exposure to Media Images of the September 11, 2001, Attacks and the Iraq War. *Psychological Science*. Vol. 24. No. 9. P. 1623–1634. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797612460406>

Soroka S., McAdams S. (2015) News, Politics, and Negativity. *Political Communication*. Vol. 32. No. 1. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2014.881942>

Toff B., Nielsen R. K. (2022) How News Feels: Anticipated Anxiety as a Factor in News Avoidance and a Barrier to Political Engagement. *Political Communication*. Vol. 39. No. 6. P. 697–714. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2022.2123073>

Toff B., Palmer R. A. (2019) Explaining the Gender Gap in News Avoidance: "News-Is-for-Men" Perceptions and the Burdens of Caretaking. *Journalism Studies*. Vol. 20. No. 11. P. 1563–1579. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2018.1528882>

Trussler M., Soroka S. (2014) Consumer Demand for Cynical and Negative News Frames. *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 19. No. 3. P. 360–379. DOI: <https://doi.org/10.1177/1940161214524832>

Van Aelst P., Strömbäck J., Aalberg T., Esser F., de Vreese C., Matthes J., Hopmann D., Salgado S., Hubé N., Stępińska A., Papathanassopoulos S., Berganza R., Legnante G., Reinemann C., Sheafer T., Stanyer J. (2017) Political Communication in a High-choice Media Environment: A Challenge for Democracy? *Annals of the International Communication Association*. Vol. 41. No. 1. P. 3–27. DOI: <https://doi.org/10.1080/23808985.2017.1288551>

Van Aelst P., Toth F., Castro L., Štětka V., Vreese C. de, Aalberg T., Cardenal A. S., Corbu N., Esser F., Hopmann D. N., Koc-Michalska K., Matthes J., Schemer C., Sheafer T., Splendore S., Stanyer J., Stępińska A., Strömbäck J., Theocharis Y. (2021) Does a Crisis Change News Habits? A Comparative Study of the Effects of COVID-19 on News Media Use in 17 European Countries. *Digital Journalism*. Vol. 9. No. 9. P. 1208–1238. DOI: <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.1943481>

van der Meer T. G. L. A., Hameleers M. (2022) I Knew It, the World is Falling Apart! Combatting a Confirmatory Negativity Bias in Audiences' News Selection Through News Media Literacy Interventions. *Digital Journalism*. Vol. 10. No. 3. P. 473–492. DOI: <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.2019074>

van der Meer T. G. L. A., Kroon A. C., Verhoeven P., Jonkman J. (2019) Mediatization and the Disproportionate Attention to Negative News: The Case of Airplane Crashes. *Journalism Studies*. Vol. 20. No. 6. P. 783–803. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2018.1423632>

Wahl-Jorgensen K., Hanitzsch T. (2009) *The Handbook of Journalism Studies*. New York; London: Routledge.

Wängnerud L., Solevid M., Djerf-Pierre M. (2019) Moving beyond Categorical Gender in Studies of Risk Aversion and Anxiety. *Politics & Gender*. Vol. 15. No. 4. P. 826–850. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1743923X18000648>

Westlund O., Gherseti M. (2015) Modelling News Media Use: Positing and Applying the GC/MC Model to the Analysis of Media Use in Everyday Life and Crisis Situations. *Journalism Studies*. Vol. 16. No. 2. P. 133–151. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2013.868139>

Young J. R. (2003) The Role of Fear in Agenda Setting by Television News. *American Behavioral Scientist*. Vol. 46. No. 12. P. 1673–1695. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764203254622>

Ytre-Arne B., Moe H. (2021) Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown. *Journalism Studies*. Vol. 22. No. 13. P. 1739–1755. DOI: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1952475>

Сведения об авторах:

Казун Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория экономико-социологических исследований, доцент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** adkazun@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 822971; **ORCID ID:** 0000-0002-9633-2776; **ResearcherID:** K-6835-2015.

Малыгина Наталия Сергеевна — студентка, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** nsmalygina_1@edu.hse.ru.

Статья поступила в редакцию: 03.05.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

БАК: 5.4.4

.....

Coping with Negative News: Emotional Experience of Doomscrolling⁴

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.5

Anastasia D. Kazun HSE University, Moscow, Russia
E-mail: adkazun@hse.ru

Natalia S. Malygina HSE University, Moscow, Russia
E-mail: nsmalygina_1@edu.hse.ru

The majority of news encountered in media spaces tends to be negative. At the same time, the flow of information in the modern world is increasing, and series of successive crises prompting heightened attention to such content. There is such a phenomenon as doomscrolling. This study explores how doomscrollers describe their emotional experience of consuming news and strategies for managing negative emotions. Drawing upon empirical data from 47 interviews with doomscrollers conducted between late 2022 and early 2023. Informants associate negative

⁴ The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University)

news consumption with emotions such as anxiety (egotropic and sociotropic), helplessness/powerlessness (low external political efficacy and inability to control one's own life), apathy, and anger. Emotional experiences are often described using medicalized and psychotherapeutic vocabulary. Doomscrollers refer to their emotions as a form of illness, manifesting in the use of specialized terms, references to attempts at regulation with the help of healthcare professionals, and emphasis on the physical health consequences of news consumption. The coping strategies for dealing with these emotions are diverse. Informants may attempt to change their media consumption style by limiting their attention to negative news. At the same time, doomscrollers who maintain a high level of news consumption engage in active discussion and collective emotional experiences and may shift their attention to other daily activities. However, the practices of doomscrollers and the meanings they ascribe to their experiences are highly variable and diverse.

Keywords: doomscrolling; news consumption; media consumption; emotional experience; psychotherapeutic culture

Authors Bio:

Anastasia D. Kazun — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology; Associate Professor, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** adkazun@hse.ru. **RSCI Author ID:** 822971; **ORCID ID:** 0000-0002-9633-2776; **ResearcherID:** K-6835-2015.

Natalia S. Malygina — Student, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** nsmalygina_1@edu.hse.ru.

Received: 03.05.2024

Accepted: 09.12.2024

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.6
EDN: RTVNHW

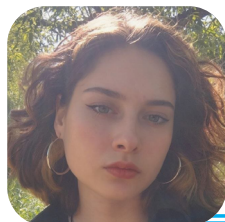
Свидетели травли: что побуждает школьников вмешиваться или оставаться в стороне

Ссылка для цитирования:

Букина А. А., Елисеева Е. В., Петрова Е. И., Титкова В. В. Свидетели травли: что побуждает школьников вмешиваться или оставаться в стороне // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 96–112. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.6> EDN: RTVNHW

For citation:

Bukina A. A., Eliseeva E. V., Petrova E. I., Titkova V. V. (2024) Bystanders of Bullying: What Motivates Students to Intervene or Stay on the Sidelines. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 96–112. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.6>

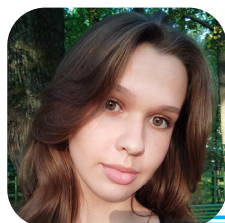
Букина Арина Алексеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: bukinaarina505@gmail.com

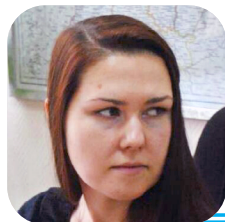
Елисеева Елизавета Вячеславовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: eliseevaeliza6@gmail.com

Петрова Елизавета Игоревна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: petrova693elizaveta@gmail.com

Титкова Вера Викторовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: vtitkova@hse.ru

В статье рассматриваются причины (не)вмешательства свидетелей в защиту жертв школьной травли. Мы исследуем феномен отчуждения моральной ответственности среди школьников 8–10 классов из двух школ Санкт-Петербурга. Анализ 42 интервью показал, что невмешательство сопровождается страхом, равнодушием, убеждением в заслуженности травли. Страх ухудшения своего положения в иерархии группы и боязнь стать следующей жертвой травли являются сдерживающими факторами, из-за которых учащиеся остаются пассивными наблюдателями. Равнодушие среди школьников часто объясняется сосредоточенностью на собственных проблемах, дистанцированием от трудностей других. Обвинение жертв делает вмешательство социально нежелательным действием.

Вмешательство и помощь жертвам мотивируется наличием дружеских отношений с жертвой, чувством моральной ответственности за благополучие окружающих, личным опытом пережитых издевательств.

Результаты исследования важны для разработки антибуллинговых программ и создания благополучной школьной среды. Работая с причинами невмешательства, можно научить школьников быть социально ответственными за свое поведение и поведение окружающих.

Ключевые слова: школьный буллинг; свидетели буллинга; отчуждение моральной ответственности; школьники

Введение

Школьная среда — это место, где дети общаются и учатся социальным нормам. Однако в этой среде распространены случаи буллинга (травли). Чтобы определить, является ли какое-либо действие травлей, необходимо учитывать три компонента: 1) это агрессивное поведение, которое используется с намерением причинить вред другому человеку; 2) агрессия имеет повторяющийся характер; 3) существует дисбаланс сил между жертвой и агрессором, при этом агрессор занимает доминирующее положение по отношению к жертве [Olweus, 1991; Hymel, Swearer, 2015].

Травля может проявляться в различных формах: в физической, вербальной, социальной, которая также называется реляционной, и в форме кибертравли — через интернет, сообщения и социальные сети [Wang et al., 2009; Harbin et al., 2018]. Физическая травля чаще встречается среди мальчиков, в то время как словесная и социальная травля наиболее распространены среди девочек [Donoghue, Raia-Nawrylak, 2016]. Но в то же время физическая агрессия является наименее распространенной по сравнению с другими видами травли [Wang et al., 2009]. Также было отмечено, что девочки проявляют агрессию в основном по отношению к девочкам, в то время как мальчики могут проявлять ее как по отношению к мальчикам, так и по отношению к девочкам [Carrera et al., 2011].

Если рассматривать международные исследования, то примерно 20–25% учащихся вовлечены в школьный буллинг либо в качестве агрессора, либо

в качестве жертвы, либо в сочетании обеих ролей (bully-victim) [Juvonen, Graham, 2014; Pat et al., 2019]. Межнациональное исследование, которое было проведено среди детей в возрасте 13–15 лет из 31 страны, показало, что 33% из 218 104 детей были вовлечены в буллинг [Due et al., 2008].

Российские исследования также подтверждают распространенность буллинга среди школьников. Так, согласно данным исследования PISA, проведенного в 2018 году с участием 7 608 российских школьников в возрасте 15 лет, 37% детей подвергаются издевательствам несколько раз в месяц [OECD, 2020]. Анализ, проведенный среди 18 433 учащихся 6–9 классов Калужской области, показал, что жертвами буллинга в школах стали 15,3% детей [Ivaniushina et al., 2021]. В одном из исследований, которое было проведено среди 6–11 классов, травле подвергались от 30 до 60% школьников, наиболее распространенными оказались вербальный и социальный буллинг. Кроме того, 29–39% учащихся чаще всего являлись свидетелями ситуаций травли [Новикова и др., 2021].

Издевательства негативно влияют на психосоциальное и академическое состояние учащихся. В частности, буллинг становится причиной депрессии и тревожности, приводит к увеличению случаев социального отвержения среди сверстников и ухудшению успеваемости [Halliday et al., 2021]. Более того, травля может иметь долговременные последствия, такие как низкая самооценка, чувство стыда, расстройства пищевого поведения, проблемы с дисциплиной и трудности в межличностных отношениях [deLara, 2022].

Свидетели могут способствовать прекращению издевательства и улучшению состояния жертвы посредством эмоциональной поддержки или обращения за помощью к учителям или другим взрослым [Bauman et al., 2020]. Однако часто свидетели выбирают пассивное наблюдение и не вмешиваются в происходящее. Понимание причин, по которым свидетели буллинга принимают решение вмешаться или не вмешиваться, имеет ключевое значение для предотвращения этого явления.

Отчуждение моральной ответственности в ситуациях буллинга

Отчуждение моральной ответственности — это психологический процесс, при котором человек оправдывает свои аморальные или антисоциальные поступки, снимая с себя чувство вины и ответственности за них, не испытывая при этом значительного психологического дискомфорта [Bandura, 2002]. Люди с высоким уровнем отчуждения моральной ответственности чаще проявляют агрессивное поведение и участвуют в актах буллинга [Perren et al., 2012]. Кроме того, отчуждение моральной ответственности имеет отрицательную связь с просоциальным поведением, которое включает в себя действия, направленные на помощь и поддержку других людей [Bandura, 2002] (вмешательство в ситуацию травли, защиту и поддержку жертв).

Альберт Бандура выделяет механизмы, которые позволяют людям оправдывать аморальные действия, минимизируя внутренний конфликт и чувство вины

[Bandura, 2002]. Они связаны с буллингом среди школьников [Thornberg et al., 2023] и в данной статье рассматриваются как объясняющий механизм поведения детей в ситуациях травли.

Одной из групп механизмов является когнитивная реструктуризация, при которой аморальное поведение переосмысливается с использованием аргументов, изображающих антиобщественные действия как рациональные. Ключевым механизмом здесь выступает моральное оправдание, посредством которого индивиды воспринимают свои аморальные поступки как приемлемые, если они убеждены, что их действия служат высшей цели или общему благу. Другой важный механизм в этой группе — эвфемистическое маркирование, когда аморальные действия описываются мягкими или нейтральными терминами, что позволяет снизить их моральное бремя. Важную роль также играет механизм сравнения с худшими действиями, при котором люди сравнивают свои поступки с еще более аморальными действиями других [Bandura, 2002].

Когнитивная реструктуризация имеет связь с травлей во всех возрастных и гендерных группах среди школьников [Thornberg et al., 2023]. К тому же данная группа механизмов выполняет посредническую роль между виктимизацией и последующим буллингом, поскольку некоторые подвергшиеся виктимизации подростки могут формировать искаженную интерпретацию своего опыта, рассматривая издевательства как норму, преуменьшая их значимость и переосмысливая их как нормативный аспект взаимоотношений со сверстниками, что может способствовать их переходу к агрессивному поведению в будущем [Falla et al., 2022]. Было установлено, что среди учеников начальных классов те, кто подвергался буллингу, становились менее чувствительными к нему и реже следовали моральным нормам, что приводило к снижению вмешательства со стороны свидетелей, так как дети становились более пассивными в данных ситуациях [Jiang et al., 2020].

А. Бандура также пишет о механизме, который заключается в игнорировании, минимизации или искажении последствий, возникающих вследствие аморального поведения [Bandura, 2002]. В контексте буллинга данный механизм может проследиваться у агрессоров, действия которых причиняют вред жертве [Runions et al., 2019].

Существует группа механизмов, которые связаны с отказом от личной ответственности за совершенные действия. Перемещение ответственности позволяет людям перекладывать вину за свои действия на других. Кроме того, важным механизмом является рассеивание ответственности, когда аморальные действия совершаются группой, и каждый участник ощущает меньшую личную ответственность [Bandura, 2002].

Последняя из выделенных Бандурой групп механизмов связана с восприятием жертв аморального поведения. В данном контексте действует механизм дегуманизации, при котором жертвы аморальных действий воспринимаются как лишенные человеческих качеств и недостойные сострадания. Еще одним механизмом является возложение вины на жертву, когда люди обвиняют жертв в их собственных страданиях, что позволяет оправдывать свои аморальные поступки [Bandura, 2002].

Поведение наблюдателей, поддерживающих буллинг, может обуславливаться рассеиванием ответственности и возложением вины на жертву [Bjärehed et al., 2020], в то время как защитники относятся к данным механизмам негативно [Thornberg, Jungert, 2014].

Важную роль в определении поведения наблюдателей травли, наряду с отчуждением моральной ответственности, играет самоэффективность. Это относится к вере подростка в свою способность совершать действия, которые влияют на результат, и в их значимость для жертвы, например, вмешательство в ситуации школьного буллинга [Bandura, 1997]. Более высокая самоэффективность в защитном поведении коррелирует с активным вмешательством стороннего наблюдателя. Например, ученики с высокой самоэффективностью с большей вероятностью поддержат жертв, а не останутся пассивными наблюдателями или встанут на сторону агрессора [Thornberg et al., 2020]. Люди с более низким уровнем отчуждения моральной ответственности и более высокой самоэффективностью с большей вероятностью будут активно защищать жертв [Yang, Gao, 2023]. Тем не менее самоэффективности самой по себе может быть недостаточно для защиты жертв, и другие факторы могут помешать учащимся помогать жертвам травли.

Данные и методы

Статья базируется на данных, собранных в рамках исследовательского проекта «Школьный буллинг и его профилактика» научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2024 году. Командой проекта было собрано 82 полуструктурированных интервью. Выборка респондентов включала учеников с 8 по 10 классы двух школ города Санкт-Петербурга. Ученики 11 класса не были включены в выборку, поскольку в период проведения исследования они готовились к Единому государственному экзамену. В исследовании участвовали учащиеся, достигшие возраста 14 лет.

Гайд состоял из двух разделов: общей информации о классе респондента и отдельного раздела вопросов, касающихся травли. Первый раздел включал вопросы о структуре общения в классе, наличии групп и принципах их формирования. Второй раздел был направлен на выявление случаев буллинга в классе, форм его проявления и поведения учащихся в ситуациях травли. В начале интервью интервьюеры просили учащегося нарисовать схему класса в соответствии с его представлениями о нем. Информантам предоставлялись разъяснения относительно оформления схемы. Например, предлагалось обозначать девочек треугольниками, а мальчиков — кружочками. Далее вопросы задавались с опорой на эту схему. Это позволило более детально изучить группы внутри класса, их взаимодействие и расспросить о людях, с которыми никто не общается, так как они потенциально могут являться жертвами буллинга.

Для дальнейшего анализа были отобраны 42 из 82 интервью, из которых 22 были проведены с девочками и 20 — с мальчиками. В ходе тематического кодирования были определены типы травли (физическая, вербальная и социальная), а также типы сторонних наблюдателей и причины их вмешательства или невмешательства в ситуации травли.

Восприятие буллинга: результаты исследования

В исследовании особое внимание уделялось восприятию школьниками буллинга и тому, как они описывают свой личный опыт и опыт своих сверстников, столкнувшихся с этим явлением. Во всех проанализированных интервью дети рассказывали о случаях травли.

На основе данных интервью можно выделить несколько форм поведения, которые воспринимаются школьниками как буллинг. К ним относятся вербальная агрессия, проявляющаяся в обидных шутках; физическая травля, которая связана с порчей имущества жертвы; социальный буллинг, выражающийся в избегании или игнорировании человека.

«Просто начала насмехаться надо мной, призывала всех к этому. И по итогу начали все как-то надо мной шутить, обзывать» (ж., 8 класс).

«Они положили рядом с рюкзаком мальчика, сына библиотекаря, стержень ручки, и там разлилось и испачкалось все» (ж., 10 класс).

«Ну, и ее начали избегать, как-то смеяться с нее» (ж., 8 класс).

Также школьники рассказывали о стратегиях поведения, которые используют они сами или другие одноклассники, когда становятся свидетелями травли. Данные стратегии можно разделить на две основные категории: вмешательство и невмешательство в ситуации травли.

Причины невмешательства в ситуации буллинга

Невмешательство в ситуации буллинга среди школьников может быть обусловлено страхом за собственное положение, равнодушием и убеждением в заслуженности наказания. Эти причины связаны с различными механизмами отчуждения моральной ответственности, которые помогают школьникам оправдывать свое бездействие и избегать чувства вины за это.

Страх перед последствиями

Многие учащиеся называли страх перед возможными последствиями как одну из причин невмешательства в ситуации буллинга. Этот страх может быть разделен на несколько категорий, одной из которых является потеря авторитета.

Одна из школьниц предполагает, что ее сверстники не вмешивались в школьную травлю, потому что боялись, что это может негативно сказаться на их положении в социальной иерархии группы. Страх потерять уважение и авторитет среди сверстников мешал им предпринять какие-либо действия для защиты жертвы травли.

«Все боялись за нее заступаться, потому что ты нарушишь свой авторитет» (ж., 8 класс).

В контексте школьного буллинга властные отношения и социальные иерархии часто играют значительную роль во взаимоотношениях между сверстниками [Evans, Smokowski, 2016]. В этом случае воспринимаемые риски являются мощным сдерживающим фактором для вмешательства, так как подростки могут отдавать приоритет поддержанию своего социального положения и избеганию потенциальных социальных последствий защиты жертв травли. В этом прослеживается один из механизмов отчуждения моральной ответственности — моральное оправдание. Школьники не вмешиваются в агрессию, так как они убеждены, что, поступая таким образом, они не нарушают сложившуюся в их социальной среде иерархию и не ухудшают свое положение в ней. Однако, когда существует значительная разница в статусе и влиянии среди одноклассников, создаются условия для более частых случаев травли [Garandeanu, Salmivalli, 2014].

Прошлый опыт жертвы тоже может привести к страху вмешательства в ситуацию буллинга. В одном из интервью школьница рассказала о случае из прошлого, когда она попыталась защитить кого-то и сама стала жертвой травли, что сделало ее менее склонной к вмешательству в аналогичных ситуациях.

«Я как-то один раз заступилась, а потом сама попала под горячую руку. Поэтому сейчас никто особо не это [заступается]» (ж., 8 класс).

Школьники, которые не указывали, что ранее были жертвами травли, также говорили о страхе. Подростки выражали беспокойство по поводу возможных последствий вмешательства в ситуацию буллинга, среди которых они выделяли страх стать следующей жертвой травли.

«Скорее всего боялись сами попасть под эту волну буллинга» (м., 10 класс).

Некоторые подростки, описывая свой страх вмешаться в ситуацию травли, указывают вид буллинга, жертвами которого боятся стать. В одном из случаев девочка из 10 класса говорила о вербальном буллинге, когда кого-то дразнят или высмеивают.

«Я отмалчивалась просто. В какие-то моменты я тоже говорила, что ненормально так шутить. Но обычно я просто молчу... Во-первых, мне страшно, что меня начнут знобить тоже» (ж., 10 класс).

В данной цитате буллинг описывается как шутка, что является более мягким термином. В этом прослеживается механизм эвфемистического маркирования, и действия, которые причиняют вред человеку, кажутся более безобидными, что способствует отчуждению моральной ответственности и невмешательству.

В подростковой социальной динамике принятие среди сверстников играет важную роль [Blakemore, 2018]. Для школьников страх личных и социальных последствий действует как мощный сдерживающий фактор, влияя на процессы принятия решений о том, вмешиваться или оставаться пассивными наблюдателями.

Отстраненность и равнодушие

Равнодушие также является причиной того, почему дети не защищают других в ситуациях буллинга. Оно может возникать по разным причинам, включая сосредоточенность на своих собственных приоритетах или отстраненность от проблем других членов школьного сообщества. В двух цитатах ниже учащиеся прямо заявляют о своем безразличии к другим.

«Мне, честно, на других все равно. Меня не касается, и все» (м., 9 класс).

Школьники избегают участия в вопросах, которые не влияют непосредственно на их благополучие. Одна из учениц говорит о том, что одноклассники не хотят быть вовлечены в проблемы, которые связаны с другими, поэтому они не вмешиваются в ситуации буллинга.

«А всем остальным проблемы лишние не нужны» (ж., 10 класс).

В данном случае может действовать механизм отчуждения моральной ответственности, который связан с игнорированием последствий аморального поведения. Поскольку в школьной среде дети проводят большое количество времени вместе, они могут замечать, как страдают жертвы буллинга, но игнорировать из-за равнодушия к другим. Этот механизм позволяет им не чувствовать моральной ответственности за происходящее, поэтому они не вмешиваются и не защищают жертв.

Вмешиваясь в ситуации травли, школьники занимают определенную позицию: поддержка агрессора или поддержка жертвы. Этот выбор, который накладывает на них определенные моральные и социальные обязательства, влияет на их отношения с обеими сторонами конфликта и формирует их дальнейшее поведение в этой среде: поддержка агрессора может укрепить его позицию и усугубить ситуацию для жертвы, в то время как поддержка жертвы может помочь ей почувствовать себя защищенной, но также может привлечь негативное внимание агрессора к защитнику. Некоторые школьники пытаются оградить себя от принятия решений и вмешательства в ситуации буллинга, поэтому ведут себя отстраненно и остаются пассивными наблюдателями. Они выбирают нейтральную позицию, стараясь не привлекать к себе внимания, избегая возможных негативных последствий вмешательства.

«Я на самом деле старалась ни на чью сторону не переходить, но при этом... немного отстраненно себя вести, чтобы меня это не касалось. Но, конечно, мы взаимодействовали со взрослым, если что-то случилось особое, и помогли детям отдельно» (ж., 9 класс).

Несмотря на общую отстраненность, некоторые школьники признают важность обращения за помощью в случае серьезных обстоятельств. Они могут избегать личного вмешательства в конфликты, но готовы обратиться к взрослым. Данные действия могут способствовать прекращению буллинга в будущем и смягчить последствия травли для жертвы [Bauman et al., 2020].

Заслуженность

Некоторые школьники говорят о том, что невмешательство в ситуацию буллинга связано с убеждением, что жертва заслужила такое отношение к себе со стороны одноклассников.

«Все ополчились на эту девочку, которая всем неприятна, потому что она плохо себя вела, если так можно сказать. Ну, потому что так и есть. И в целом там было все заслуженно» (м., 9 класс).

Такие убеждения создают иллюзию справедливости происходящего, что является моральным оправданием своего бездействия, в то время как действия агрессоров воспринимаются свидетелями как рациональные и служащие общему благу — наказанию человека, поведение которого многим не нравится. В их глазах агрессоры воспринимаются не как нарушители норм, а как люди, поддерживающие порядок в существующей социальной среде [Thornberg et al., 2020].

В данном случае также действует механизм отчуждения моральной ответственности — обвинение жертвы, когда агрессоры и свидетели перекладывают вину за буллинг на саму жертву, считая, что ее поведение или черты характера провоцируют агрессию. Это позволяет им избежать чувства вины и ответственности за травлю и невмешательство.

Причины вмешательства в ситуации буллинга

Мотивы, побуждающие школьников вмешиваться в травлю и поддерживать жертв буллинга, можно охарактеризовать как социальные, моральные и эмоциональные. Решение вмешаться в ситуацию травли также зависит от веры подростков в свои силы и от понимания того, что они могут оказать помощь и защитить жертву [Wachs et al., 2020].

Защита друга

Довольно часто школьники рассказывали об оскорбительных «шутках», которые относятся к вербальному буллингу. Некоторые респонденты подчеркивали, что эти инциденты касались их близких друзей. Например, один

из респондентов описал, как он заступился за друга, в результате чего агрессор извинился перед жертвой.

«У меня друг, и над ним пошутили неприятно. Что-то сказали, я точно не помню, но ему что-то сказали обидное. Он как бы сильно не обиделся, но по нему видно было, что его эта шутка настораживает, ему стало неприятно. Я подошел после этого к человеку, который так пошутил, сказал то, что он, может, извинится. Он спокойно извинился» (м., 10 класс).

В данном случае респондент использовал эвфемистическое маркирование, называя оскорбление «шуткой». Однако, несмотря на использование смягчающих выражений, респондент осознает, что данные действия агрессора не являются правильными.

Также интересно отметить, что в случаях вербального буллинга дети указывали на важную роль гендера жертвы. По словам одного из респондентов, если жертва является девочкой, ее друзья с большей вероятностью встанут на ее защиту. В то время как мальчики имеют менее сплоченные группы и реже защищают друг друга.

«Если скажут про какую-нибудь из девочек, все заступятся. Мне кажется, там компания. Как-то более дружеские отношения у девочек, чем у мальчиков» (ж., 10 класс).

В исследованиях роли гендера в буллинге также упоминается, что девочки более склонны к защите жертв травли [Nickerson et al., 2008; Bistrong et al., 2019]. Однако существуют противоположные выводы, где роль защитника чаще принимают мальчики [Nickerson, Mele-Taylor, 2014]. Различия в результатах исследований о роли гендера в защите жертв травли могут быть объяснены социальным контекстом и нормами, которые варьируются в зависимости от школьного климата и социальных норм в школах.

Некоторые школьники отметили, что они заступаются только за своих друзей, но они не станут заступаться за людей вне своего социального круга, поскольку не чувствуют личной связи или обязательства по отношению к ним.

«Я защищаю, потому что это мои друзья. Я не защищаю тех, кто не мои друзья, и я к ним никакого отношения не имею. Я не прям человек, у которого огромное, большое доброе сердце. Но если идет речь про моих друзей, то да. Я говорю: „Какого черта?“». (м., 10 класс).

В этом случае действуют механизмы перемещения и рассеивания ответственности. Свидетели травли считают, что кто-то другой должен помочь жертве, например, ее друзья или другие очевидцы, поэтому сами не вмешиваются в ситуацию буллинга.

В контексте травли наличие социального капитала является важным фактором вмешательства. Жертвы буллинга достаточно часто не имеют социальных

связей со своими одноклассниками, что является одной из причин агрессивного поведения по отношению к ним и отсутствия защиты со стороны сверстников [Evans, Smokowski, 2016].

Однако были ситуации, когда респонденты упоминали, что они могли бы заступиться за человека, которого знают не так давно.

«Потому что мы с этим человеком уже десять лет знакомы. Конечно, есть новенькие, но они тоже как будто прижились, и поэтому как-то будет странно не помочь ему в такой ситуации» (ж., 10 класс).

Это говорит о том, что решение вмешаться зависит не только от наличия дружеских отношений, но также может быть обусловлено личными убеждениями человека и школьным климатом. В таких случаях восприятие общих ценностей и взаимного уважения могут побудить учащихся защищать своих сверстников от буллинга [Evans, Smokowski, 2016].

Моральные принципы

Решение вмешаться в ситуацию буллинга может быть связано с моральными принципами, которые формируют понимание правильного и неправильного и помогают противостоять несправедливому или аморальному поведению. Респонденты говорили о чувстве совести, чести, правды, справедливости как о моральной основе, которая помогает определять, что является плохими действиями.

«Потому что у некоторых из них есть такое чувство совести, чести, правды, что они, можно сказать, видят, что плохо, что нельзя» (ж., 10 класс).

Один из респондентов отметил, что решение вмешаться в ситуацию буллинга во многом определяется воспитанием, которое человек получил.

«Потому что у людей есть голова на плечах. Потому что воспитание правильное. Потому что придерживаются каких-то моральных норм и ценностей» (м., 9 класс).

Эта точка зрения подчеркивает важность роли семьи в формировании моральных принципов у человека. Наличие конфликтов в семье, отсутствие поддержки родителей и использование насилия как модели решения семейных проблем увеличивают вероятность положительного отношения подростков к буллингу [Moral, Ovejero, 2021].

Некоторые школьники принимают во внимание последствия буллинга и рассматривают его как неприемлемое явление. Они понимают, что это может иметь серьезные негативные последствия для жертв, и считают необходимым вмешиваться для их предотвращения.

«Я лично заступаюсь за людей, потому что считаю буллинг неправильным в любом его проявлении. Если у человека болит, значит, это нужно срочно останавливать, потому что могут быть абсолютно разные и, скорее всего, плохие последствия» (м., 10 класс).

Базовая моральная чувствительность играет ключевую роль в таком поведении. Это способность человека распознавать моральные нарушения и их негативные последствия для окружающих, которая сопровождается такими эмоциями, как эмпатия, сочувствие и чувство вины [Thornberg, Jungert, 2013]. Школьники с более развитой моральной чувствительностью демонстрируют меньше склонности к агрессии и чаще становятся защитниками жертв травли [Sjögren et al., 2024].

Опыт жертвы

Для некоторых школьников причиной вмешательства в ситуацию травли становится прошлый опыт жертвы. Пережив такое отношение на себе, они заступаются за других и поддерживают жертв буллинга.

«Потому что у меня был свой негативный опыт. Я сменил много школ. И в пятом классе меня очень сильно травлили тоже, и я знаю, каково это, когда травят человека, и тоже заступался где-то, когда уже грань переходили. То есть я заступался, говорил, что не надо так делать, человеку неприятно» (м., 8 класс).

Основываясь на собственном опыте, эти ученики не только предоставляют важную поддержку жертвам травли, но и способствуют созданию более дружелюбной и уважительной атмосферы в классе, где буллинг становится менее приемлемым.

Однако дети, которые ранее подвергались травле, могут менее активно вмешиваться в такие ситуации в будущем [Jiang et al., 2020]. Несмотря на то, что они сами прошли через это и могут осознавать все негативные последствия буллинга, они выбирают стратегию невмешательства. Это может быть связано с когнитивной реструктуризацией, из-за которой буллинг воспринимается как нормальный аспект взаимоотношений.

Заключение

Страх перед возможными последствиями, равнодушие и убеждение в зашуженности наказания — основные причины, по которым дети не защищают жертв травли. Страх потерять авторитет или стать следующей жертвой является мощным сдерживающим фактором. Равнодушие может быть связано с сосредоточенностью на своих собственных проблемах или отстраненностью от проблем других, поэтому школьники часто избегают участия в конфликтах, которые не касаются их напрямую, предпочитая оставаться пассивными

наблюдателями. Некоторые ученики считают, что жертва травли заслуживает такое отношение из-за своего поведения.

Решение вмешаться в ситуацию травли часто зависит от самоэффективности школьников — их уверенности в своих способностях защитить жертву. Мотивы вмешательства могут включать социальные, моральные и эмоциональные факторы. Защита друзей, моральные принципы и личный опыт жертвы — основные мотивы, побуждающие школьников к активным действиям.

Школьники чаще всего защищают своих близких друзей, чувствуя личную ответственность за их благополучие. Важно отметить, что решение вмешаться может зависеть не только от продолжительности отношений, но и от контекста взаимодействия и чувства справедливости или эмпатии. Моральные принципы, такие как совесть, честь и чувство справедливости, играют важную роль в принятии решений о вмешательстве в ситуации буллинга. Школьники осознают последствия издевательств и считают необходимым вмешиваться, чтобы предотвратить негативные эффекты буллинга. Основываясь на своем опыте, учащиеся, которые сами пережили травлю, могут вмешиваться в ситуации буллинга и помогать другим справляться с трудностями.

Знание причин невмешательства и мотивов вмешательства в школьную травлю является важным шагом для понимания механизмов, которые могут быть заложены в превентивные антибуллинговые программы. Однако результаты данной работы ограничены выборкой из двух школ Санкт-Петербурга, что не позволяет сделать более обобщенные выводы. Кроме того, исследование было проведено среди учащихся 8–10 классов, в других возрастных группах могут быть обнаружены иные причины вмешательства и невмешательства в ситуации травли. Также в контексте иного школьного климата могут быть выявлены другие стратегии поведения школьников.

Благодарности

Мы хотели бы выразить благодарность научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки», ее сотрудникам и Ходоренко Дарье Константиновне за организацию проекта «Школьный буллинг и его профилактика», участникам проекта за сбор интервью, а также Артемиевой Наталье за помощь в анализе интервью.

Литература / References

Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90> EDN: UAIWHS

Novikova M. A., Rean A. A., Konovalov I. A. (2021) Measuring Bullying in Russian Schools: Prevalence, Age and Gender Correlates, and Associations with School Climate. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 3. P. 62–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>

- Bandura A. (1997) *Self-efficacy: The Exercise of Control*. New York: W.H. Freeman.
- Bandura A. (2002) Selective Moral Disengagement in the Exercise of Moral Agency. *Journal of Moral Education*. Vol. 31. No. 2. P. 101–119. DOI: <https://doi.org/10.1080/0305724022014322>
- Bauman S., Yoon J., Iurino C., Hackett L. (2020) Experiences of Adolescent Witnesses to Peer Victimization: The Bystander Effect. *Journal of School Psychology*. Vol. 80. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2020.03.002>
- Bistrong E., Bottiani J.H., Bradshaw C.P. (2019) Youth Reactions to Bullying: Exploring the Factors Associated with Students' Willingness to Intervene. *Journal of School Violence*. Vol. 18. No. 4. P. 522–535. DOI: <https://doi.org/10.1080/15388220.2019.1576048>
- Bjärehed M., Thornberg R., Wänström L., Gini G. (2020) Mechanisms of Moral Disengagement and Their Associations with Indirect Bullying, Direct Bullying, and Pro-Aggressive Bystander Behavior. *The Journal of Early Adolescence*. Vol. 40. No. 1. P. 28–55. DOI: <https://doi.org/10.1177/0272431618824745>
- Blakemore S.-J. (2018) Avoiding Social Risk in Adolescence. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 27. No. 2. P. 116–122. DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/g2q9e>
- Carrera M.V., DePalma R., Lameiras M. (2011) Toward a More Comprehensive Understanding of Bullying in School Settings. *Educational Psychology Review*. Vol. 23. No. 4. P. 479–499. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10648-011-9171-x>
- deLara E.W. (2022) Family Bullying in Childhood: Consequences for Young Adults. *Journal of Interpersonal Violence*. Vol. 37. No. 3–4. P. 206–226. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260520934450>
- Donoghue C., Raia-Hawrylak A. (2016) Moving beyond the Emphasis on Bullying: A Generalized Approach to Peer Aggression in High School. *Children & Schools*. Vol. 38. No. 1. P. 30–39. DOI: <https://doi.org/10.1093/cs/cdv042>
- Due P., Holstein B.E., Soc M.S. (2008) Bullying Victimization among 13 to 15-year-old School Children: Results from Two Comparative Studies in 66 Countries and Regions. *International Journal of Adolescent Medicine and Health*. Vol. 20. No. 2. P. 209–221. DOI: <https://doi.org/10.1515/IJAMH.2008.20.2.209>
- Evans C. B.R., Smokowski P.R. (2016) Theoretical Explanations for Bullying in School: How Ecological Processes Propagate Perpetration and Victimization. *Child and Adolescent Social Work Journal*. Vol. 33. No. 4. P. 365–375. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10560-015-0432-2>
- Garandeau C. F., Lee I. A., Salmivalli C. (2014) Inequality Matters: Classroom Status Hierarchy and Adolescents' Bullying. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 43. No. 7. P. 1123–1133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-013-0040-4>
- Halliday S., Gregory T., Taylor A., Digenis C., Turnbull D. (2021) The Impact of Bullying Victimization in Early Adolescence on Subsequent Psychosocial and Academic Outcomes across the Adolescent Period: A Systematic Review. *Journal of School Violence*. Vol. 20. No. 3. P. 351–373. DOI: <https://doi.org/10.1080/15388220.2021.1913598>
- Harbin S., Kelley M., Piscitello J., Walker S. (2018) Multidimensional Bullying Victimization Scale: Development and Validation. *Journal of School Violence*. Vol. 18. No. 1. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/15388220.2017.1423491>
- Hymel S., Swearer S.M. (2015) Four Decades of Research on School Bullying: An Introduction. *American Psychologist*. Vol. 70. No. 4. P. 293–299. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0038928>
- Ivaniushina V., Khodorenko D., Alexandrov D. (2021) Age and Gender Differences and the Contribution of School Size and Type in the Prevalence of Bullying. *Educational Studies*. No. 4. P. 220–242. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-220-242>
- Jiang S., Liu R.-D., Ding Y., Jiang R., Fu X., Hong W. (2020). Why the Victims of Bullying Are More Likely to Avoid Involvement When Witnessing Bullying Situations: The Role of Bullying Sensitivity and Moral Disengagement. *Journal of Interpersonal Violence*. Vol. 37. No. 5–6. P. 1–22. <https://doi.org/10.1177/0886260520948142>

- Juvonen J., Graham S. (2014) Bullying in Schools: The Power of Bullies and the Plight of Victims. *Annual Review of Psychology*. Vol. 65. P. 159–185. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115030>
- Moral M.V., Ovejero A. (2021) Adolescents' Attitudes to Bullying and its Relationship to Perceived Family Social Climate. *Psicothema*. Vol. 33. No. 4. P. 579–586. DOI: <https://doi.org/10.7334/psicothema2021.45>
- Nickerson A.B., Mele D., Princiotta D. (2008) Attachment and Empathy as Predictors of Roles as Defenders or Outsiders in Bullying Interactions. *Journal of School Psychology*. Vol. 46. No. 6. P. 687–703. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2008.06.002>
- Nickerson A.B., Mele-Taylor D. (2014) Empathetic Responsiveness, Group Norms, and Prosocial Affiliations in Bullying Roles. *School Psychology Quarterly*. Vol. 29. No. 1. P. 99–109. DOI: <https://doi.org/10.1037/spq0000052>
- OECD (2020) "Bullying". *PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives*. Paris: OECD Publishing. P. 45–65. DOI: <https://doi.org/10.1787/cd52fb72-en>.
- Olweus D. (1991) Bully/Victim Problems among Schoolchildren: Basic Facts and Effects of a School Based Intervention Program. *The Development and Treatment of Childhood Aggression*. Lawrence: Lawrence Erlbaum Associates. P. 411–448.
- Pat F., Bass III M.D., Scholer S., Flannery D., Lichenstein R. (2019) How to Identify and Treat Bullying. *Contemporary PEDS Journal*. Vol. 36 No. 6. P. 30–34.
- Perren S., Gutzwiller-Helfenfinger E., Malti T., Hymel S. (2012) Moral Reasoning and Emotion Attributions of Adolescent Bullies, Victims, and Bully-victims. *British Journal of Developmental Psychology*. Vol. 30. No. 4. P. 511–530. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2044-835X.2011.02059.x>
- Runions K.C., Shaw T., Bussey K., Thornberg R., Salmivalli C., Cross D.S. (2019) Moral Disengagement of Pure Bullies and Bully/Victims: Shared and Distinct Mechanisms. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 48. P. 1835–1848. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-019-01067-2>
- Sjögren B., Thornberg R., Kim J., Hong J.S., Kloo M. (2024) Basic Moral Sensitivity, Moral Disengagement, and Defender Self-efficacy as Predictors of Students' Self-reported Bystander Behaviors over a School Year: A Growth Curve Analysis. *Frontiers in Psychology*. Vol. 15. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1378755>
- Thornberg R., Bjereld Y., Caravita S.C. (2023) Moral Disengagement and Bullying: Sex and Age Trends among Swedish Students. *Cogent Education*. Vol. 10. No. 1. P. 679–690. DOI: <https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2203604>
- Thornberg R., Daremark E., Gottfridsson J., Gini G. (2020) Situationally Selective Activation of Moral Disengagement Mechanisms in School Bullying: A Repeated Within-Subjects Experimental Study. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01101>
- Thornberg R., Jungert T. (2013) Bystander Behavior in Bullying Situations: Basic Moral Sensitivity, Moral Disengagement and Defender Self-efficacy. *Journal of Adolescence*. Vol. 36. No. 3. P. 475–483. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2013.02.003>
- Thornberg R., Jungert T. (2014) School Bullying and the Mechanisms of Moral Disengagement. *Aggressive Behavior*. Vol. 40. No. 2. P. 99–108. DOI: <https://doi.org/10.1002/ab.21509>
- Thornberg R., Wänström L., Elmeliid R., Johansson A., Mellander E. (2020) Standing up for the Victim or Supporting the Bully? Bystander Responses and Their Associations with Moral Disengagement, Defender Self-efficacy, and Collective Efficacy. *Social Psychology of Education*. Vol. 23. No. 3. P. 563–581. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11218-020-09549-z>
- Wachs S., Görzig A., Wright M.F., Schubarth W., Bilz L. (2020) Associations among Adolescents' Relationships with Parents, Peers, and Teachers, Self-Efficacy, and Willingness to Intervene in Bullying: A Social Cognitive Approach. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 2. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17020420>
- Wang J., Iannotti R.J., Nansel T.R. (2009) School Bullying among Adolescents in the United States: Physical, Verbal, Relational, and Cyber. *Journal of Adolescent Health*. Vol. 45. No. 4. P. 368–375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2009.03.021>

Yang L., Gao T. (2023) Defending or Not? The Role of Peer Status, Social Self-efficacy, and Moral Disengagement on Chinese Adolescents' Bystander Behaviors in Bullying Situations. *Current Psychology*. Vol. 42. No. 33. P. 29616–29627. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-04039-1>

Сведения об авторах:

Букина Арина Алексеевна — стажер-исследователь, Центр междисциплинарных фундаментальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** bukinaarina505@gmail.com. **ORCID ID:** 0009-0007-4032-8659.

Елисеева Елизавета Вячеславовна — студентка программы «Социология и социальная информатика», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** eliseevaeliza6@gmail.com. **ORCID ID:** 0009-0006-8713-7537.

Петрова Елизавета Игоревна — студентка программы «Социология и социальная информатика», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** petrova693elizaveta@gmail.com. **ORCID ID:** 0009-0007-7298-6138.

Титкова Вера Викторовна — кандидат социологических наук, старший преподаватель Департамента социологии, младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** vtitkova@hse.ru. **ORCID ID:** 0000-0002-8919-6817.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

BAK: 5.4.4

Bystanders of Bullying: What Motivates Students to Intervene or Stay on the Sidelines

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.6

Arina A. Bukina HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: bukinaarina505@gmail.com

Elizaveta V. Eliseeva HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: eliseevaeliza6@gmail.com

Elizaveta I. Petrova HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: petrova693elizaveta@gmail.com

Vera V. Titkova HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: vtitkova@hse.ru

The article examines the reasons for witnesses' (non)intervention in defending victims of school bullying. We explore the phenomenon of moral disengagement among 8th-10th grade students from two schools in Saint-Petersburg.

A thematic analysis of 42 interviews revealed that non-intervention is often accompanied by fear, indifference, and the belief that bullying is deserved. Fear of worsening their position in the group hierarchy and the anxiety of becoming the next victim of bullying act as deterrents, leading students to remain passive bystanders. Indifference is often explained by a focus on personal problems and distancing from the challenges of others. Blaming the victims makes intervention a socially undesirable action.

Intervention and support for victims are motivated by friendship with the victim, a sense of moral responsibility for the well-being of others, and personal experiences of having been bullied.

The study's findings are important for developing anti-bullying programs and creating a supportive school environment. Addressing the causes of non-intervention can help teach students to be socially responsible for their own behavior and the behavior of those around them.

Keywords: school bullying; bystanders; moral disengagement; schoolchildren

Authors Bio:

Arina A. Bukina — Trainee-Researcher, Centre for Interdisciplinary Basic Research, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** bukinaarina505@gmail.com. **ORCID ID:** [0009-0007-4032-8659](https://orcid.org/0009-0007-4032-8659).

Elizaveta V. Eliseeva — Student, Bachelor's Programme "Sociology and Social Informatics", HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** eliseevaliza6@gmail.com. **ORCID ID:** [0009-0006-8713-7537](https://orcid.org/0009-0006-8713-7537).

Elizaveta I. Petrova — Student, Bachelor's Programme "Sociology and Social Informatics", HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** petrova693elizaveta@gmail.com. **ORCID ID:** [0009-0007-7298-6138](https://orcid.org/0009-0007-7298-6138).

Vera V. Titkova — Candidate of Sociology, Senior Lecturer, School of Sociology, Junior Research, Laboratory of Sociology in Education and Science, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** vtitkova@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0002-8919-6817](https://orcid.org/0000-0002-8919-6817).

Received: 13.10.2024

Accepted: 09.12.2024

Рецензии и обзоры

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.7
EDN: PEBSHE

Городские сообщества «на сцене»: роли, практики и культурное потребление¹

Ссылка для цитирования:

Коломина К. Н., Стрельникова А. В. Городские сообщества «на сцене»: роли, практики и культурное потребление // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 113–121. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.7> EDN: PEBSHE

For citation:

Kolomina K. N., Strelnikova A. N. (2024) Urban Communities “On the Scene”: Roles, Practices and Cultural Consumption. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 113–121. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.7>

Коломина Кира Николаевна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

E-mail: k.kolomina15@gmail.com

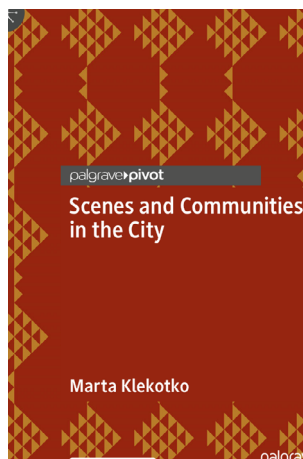

Стрельникова Анна Владимировна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: astrelnikova@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Количественные и качественные изменения социальной структуры в постсоветский период», поддержанного РНФ (грант № 24–18–00450).

Рецензия на книгу: Klekotko M. Scenes and Communities in the City. Springer Nature, 2024. ISBN 978-3-031-43463-1 ISBN 978-3-031-43464-8 (eBook) <https://doi.org/10.1007/978-3-031-43464-8>

Представлена рецензия на книгу Марты Клекотко «Сцены и сообщества в городе» (“Scenes and Communities in the City”). В данной книге автором поставлена амбициозная задача — предложить подход к обнаружению и изучению городских сообществ на основе анализа практик городской повседневности. Марта Клекотко предлагает матричную типологию для описания социальных практик, составляющих городскую повседневность. Аналитическая работа Клекотко в основном фокусируется на описании практик приобретения, воспроизводства и транслирования идентичности представителями разных социальных групп. При этом городские сцены и типовые пространства становятся «макетами» для освоения практик, специфичных для сообщества в конкретном пространстве города. Данный подход интересен тем, что позволяет упорядочить действия индивидов в пространстве города как в сообществах, так и вне таковых. Однако он не лишен недостатков, поскольку многие практики ситуативны и не могут быть описаны матричной топологией.

Ключевые слова: городские сцены; городская повседневность; городские сообщества; пространственные практики; социальная идентичность

Введение

Марта Клекотко, исследовательница Института социологии Ягеллонского университета в Кракове, написала более 30 работ в области исследований городских сообществ. В 2024 году вышла ее новая книга «Сцены и сообщества в городе» (“Scenes and Communities in the City”), объединившая многолетний опыт работы по данной теме. Основная задача, соединяющая пул проведенных исследований, заключается в разработке такого подхода к исследованиям городских сообществ, который смог бы сгладить недостатки социально-экологического, географического, сетевого подходов. Теоретической опорой для исследовательницы стали работы Теодора Шацки, основанные на гибридной

(отчасти структурно-функционалистской, отчасти конструктивистской) интерпретации социальной реальности как системы индивидуальных практик и структурных условий с акцентом на взаимосвязи между действиями отдельных агентов и более широкими социальными, культурными и экономическими контекстами [Schatzki, 1996; Schatzki et al., 2001; Schatzki, 2016].

Практики и сцены

Основной понятийный аппарат, который используется Мартой Клекотко, включает понятия практик, сцен, сообществ. Опираясь на работы Т. Шацки, исследовательница пишет, что «практики выступают заменой концепции разума, который традиционно рассматривался как единственный источник и носитель смыслов, языка, норм и ценностей» [Klebotko, 2024: 65]. В разрабатываемом ею подходе нормы, ценности, значения и язык сообществ создаются, поддерживаются и изменяются в повседневных взаимодействиях, то есть посредством практик, в рамках сцен. Исследовательница принимает практики за условную единицу анализа, формирующую социальную реальность и позволяющую ее описать. В отличие от правил, практики невозможно полностью выразить словесно, и они не имеют окончательной формы, являясь гибкими и сонастраиваемыми в ходе взаимодействий между индивидами [Klebotko, 2024: 65].

Далее, первично определяя городскую сцену как пространство отношений, исследовательница рассматривает ее как место для тех или иных (ожидаемых, характерных) практик. Усложняя определение, Клекотко поясняет, что городская сцена формируется из воплощенных и материально опосредованных практик культурного потребления, выполняемых агентами, имеющими определенные цели. Индивиды производят сцены, при этом одно и то же физическое пространство может превращаться в различные сцены в зависимости от времени суток, дня недели или даже сезона, т.е. оно может служить пространством для различных практик и предоставлять возможности для формирования разнообразных социальных взаимодействий [Klebotko, 2024: 68].

Отметим, что концепции городских сцен и связанные с этим сценические метафоры в исследовании городских сообществ достаточно распространены. Исследователи активно используют понятие сцены в качестве инструмента анализа городских сообществ, прежде всего молодежных [Woo et al., 2015; Zhelnina et al., 2015; Молодежь в городе..., 2020]. К основным преимуществам этого концепта относят комплексность понимания сцены как физического и символического пространства, что позволяет соединить наблюдаемые культурные практики с теми местами, где они воспроизводятся и становятся группообразующими и идентификационными: «„Сцена“ производится через вовлеченность в коммуникации и получение доступа к общим смыслам, разделяемым участниками» [Омельченко, Поляков, 2017: 122]. В целом сценический подход основывается на предположении, что в современных постиндустриальных обществах характер города, его рост и динамика определяются не столько территориальным расселением горожан или их

производственной деятельностью, сколько потреблением культуры в самом широком смысле. Это потребление принимает различные форматы, которые структурируют городское пространство и определяют динамику его развития [Klekotko, 2024: 49].

В работе Клекотко сцена определяется как динамическая система, состоящая из нескольких элементов [Klekotko, 2024: 53]:

1. Место — физическая среда и ее эстетика (архитектура, зеленые зоны города и т.д.).
2. Люди — их демографические и социально-экономические характеристики.
3. Практики культурного потребления — действия, которые осуществляют люди в этом месте (например, отдых в парке, получение впечатлений, посещение кафе и т.д.).
4. Ценности и символические значения, которые лежат в основе этих практик.

Последний элемент является ключевым для интерпретации, поскольку каждая сцена в конечном счете рассматривается как специфическая комбинация ценностей и символических значений, лежащих в основе практик культурного потребления и делающих их социально значимыми.

Характеристики городских сцен и практики потребления

Клекотко, вслед за [Silver, Clark, 2014], использует представление о трех важных характеристиках городских сцен: легитимности, театральности и подлинности (аутентичности), которые, в свою очередь, порождают четыре возможных типа реализации повседневных практик в общественном пространстве — харизматичность, утилитаризм, самовыражение и эгалитаризм. «Харизматичное» потребление соотносится с наличием культовых персон, чья популярность создает добавленную стоимость товаров и услуг; утилитаризм соотносится с рациональным потреблением, подразумевающим важность экономии времени и денег; самовыражение соотносится с вниманием к уникальным переживаниям, которые делают потребление более личным и значимым; эгалитаризм акцентирует внимание на равенстве и осуждает индивидуальные выгоды, рассматривая креативное выражение как рискованное занятие. Каждый из этих типов потребления в городском пространстве создает сложный культурный ландшафт городской жизни, дополняя материальные и нематериальные характеристики пространства.

Тем не менее у сценического подхода, несмотря на его многообразную и многослойную природу, есть, по нашему мнению, ряд существенных недостатков. Во-первых, на уровне анализа сцен игнорируются роли отдельных индивидов в сообществе и та ролевая модель, которая позволяет сообществам существовать в привычной среде. Во-вторых, происходит размытие границ сообщества и отчасти отождествление сообществ с социальными группами, потому что установить границы сообщества только через субъективные индикаторы не представляется возможным.

Городская сцена как ассамбляж

Описание городских сообществ в контексте практик может создавать иллюзию предопределенности, где сообщество представляется как замкнутая система, в которой практики и опыт формируются исключительно на основе социального взаимодействия. Вводя понятие сцены в обсуждение практик городских сообществ, М. Клекотко рассматривает ее как инструмент для передачи и трансформации культурных смыслов. При этом сама сцена является не неким самодостаточным объектом, а скорее социальным и культурным контекстом, в рамках которого взаимодействуют различные элементы. Сцены стоит рассматривать как ассамбляжи для понимания динамики культурных практик и взаимодействия [DeLanda, 2016]. В контексте ассамбляжа сцена воспринимается как сложная и многослойная структура, состоящая из различных элементов — участников, объектов, контекстов и практик, которые взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, а сцена сохраняет свою пространственную локализацию.

Подход к сцене как ассамбляжу подразумевает, что это не единая целостная структура, а совокупность разнообразных компонентов, каждый из которых вносит свой вклад в формирование общего опыта. Эти элементы могут быть как физическими (например, архитектурные сооружения, предметы искусства), так и нематериальными (идеи, практики, эмоции) [Casati, Varzi, 1999]. Такое понимание сцены позволяет видеть, как различные составляющие объединяются, создавая уникальные взаимодействия, которые выходят за пределы простого повторения уже существующих культурных практик, и учитывать разнообразие опытов и практик, не пытаясь свести все к единому нарративу или стандарту.

Сцена становится местом, где происходят встречи, обмены и диалоги, что делает ее важным пространством для трансляции практик. Однако, несмотря на ее функциональную роль в репрезентации и распространении культурных форм, необходимо понимать, что элементы сцены — будь то участники, контекст или используемые ресурсы — могут активно трансформировать эти практики. Это означает, что сцена не только демонстрирует существующие практики, но и способствует их изменению, подстраиваясь под новые идеи, влияния и условия.

Если же трактовать практики как фиксированные и неизменные, то можно упустить динамичную природу человеческого взаимодействия и способность акторов к инновациям и изменениям.

Площади в Берлине и Катовице

При рассмотрении типологии практик сообщества, предложенной М. Клекотко, возникает вопрос: порождают ли типовые сцены типовые практики? Типовые сцены представляют собой стандартные и предсказуемые наборы условий и элементов, которые могут создавать определенные ожидания

относительно поведения и взаимодействия участников. В этом смысле они формируют предрасположенность к возникновению типовых практик — привычных способов поведения и взаимодействия, которые формируются в ответ на предложенные условия.

Пример апроприации практик уличной жизни Берлина, которые затем транслировались в Катовице [Klekotko, 2024: 125], показывает, как типовые городские пространства, имеющие разные культурные, исторические и социальные корни, становятся трансляторами схожих практик. Возникает вопрос: действительно ли для каждого типа пространства характерен свой набор практик или функция пространства позволяет передавать практики уличного акционизма, сформировавшиеся за пределами одного города, в другой?

Площади в Берлине и Катовице могут восприниматься как специфицированные типовые сцены, которые производят типовые практики, но эти практики будут обогащены местным контекстом и уникальными условиями, существующими в каждой из этих локаций. Практики, возникающие в ответ на эти типовые сцены, будут адаптироваться к социальным, историческим и культурным факторам, формируя уникальное выражение местной идентичности.

В то же время есть все основания полагать, что площадь в Катовице может быть центром локальных сообществ, транслирующих традиции и местные обычаи. Несмотря на это, типовые сценарии действий, такие как прогулки, посещение фестивалей или локальных рынков, могут быть похожи в обеих локациях, что не позволяет говорить о существовании единого набора практик, покрывающего каждый тип городского пространства. Важно учитывать, как опосредованные сцены адаптируются под влиянием местных условий и каким образом они становятся местами для уникальных, контекстуально специфических практик.

Культурное потребление и воспроизводство в практиках сообщества

Отметим, что подход М. Клекотко, который концентрируется на феномене культурного потребления, может привести к тому, что роли отдельных индивидов останутся без внимания исследователей. Вместо того чтобы анализировать личные мотивации, потребности и контексты, внимание фокусируется на том, как сообщество или группа потребителей воспринимает культурные артефакты и взаимодействует с ними [Woo et al., 2015]. Это создает риск стереотипизации и обобщения, когда индивидуальные различия сводятся к одной категории — к потребителю как к абстрактному представителю группы. Использование в качестве инструмента интерпретации только практик (которые конструируются как конгломерат индивидуальных интересов и ценностей) может привести к размыванию сложных идентичностей участников. Например, индивид, который посещает модный ресторан, может маркироваться только как «гурман», без учета других аспектов его личности и социального положения. Это замыкание в границах одной роли, пусть и группообразующей, создает однобокое представление о социальных идентичностях и не учитывает, как они изменяются в контексте

повседневных практик. Это приводит к тому, что важные аспекты социальной динамики остаются незамеченными, и интересы, нужды или творчество отдельного человека могут быть проигнорированы. Таким образом, разнообразие практик и опыта отдельных членов сообщества оказывается вне фокуса исследователя, вооруженного концептами культурного потребления, практик и сцен, поскольку этот подход сосредоточен на общих тенденциях потребления.

Еще одно замечание касается изменчивости культурных практик. Приверженность определенным культурным практикам не означает, что они не могут измениться с течением времени в контексте взаимодействий, влияния новых идей и опытов как внутри сообщества, так и вне его. Однако сосредоточенность на анализе культурных характеристик сообщества игнорирует реальный опыт отдельных участников. По нашему мнению, это может привести к излишней стереотипизации, где сообщество рассматривается как однородная структура, обладающая фиксированными качествами, которые не учитывают внутреннюю динамику, конфликты и разнообразие мнений. В результате сообщество может восприниматься как нечто несложное, где все члены имеют схожие взгляды и практики, что приводит к утрате нюансов в понимании того, как различные группы внутри сообщества могут по-разному воспринимать и адаптировать одни и те же культурные практики.

Заключение

Сценический подход близок полю социокультурных исследований, в которых объектом анализа чаще всего становятся конкретные кейсы. Исследования Марты Клекотко не являются исключением и тоже кейс-ориентированы. Соответственно, результаты и выводы, основанные на кейсах, могут иметь ограниченный потенциал для интерпретации, не охватывая весь спектр социальных или культурных контекстов. При обобщении и распространении таких результатов на более широкий круг событий и ситуаций есть серьезный риск ошибок, смещений и, в конечном счете, некорректного отображения реальности.

Кроме того, приписывая те или иные характеристики всей группе в рамках сценического подхода, исследователи могут уделять недостаточно внимания процессам взаимодействия между участниками. Это умаляет значение диалога, аргументации и конфликта, которые являются неотъемлемой частью формирования коллектива и его практик, при том что каждая культура и практика внутри сообщества подвержены изменению, поскольку они формируются в результате активного участия его членов. Однако этот недостаток не отражен автором рецензируемой книги.

В целом размытие роли индивида за практикой является значительным ограничением при анализе социальных практик, поскольку оно игнорирует сложность идентичностей и контекстов, в которых эти практики происходят. По нашему мнению, не менее важно учитывать, как социальные практики и роли взаимосвязаны и как они влияют друг на друга, создавая многослойный контекст социального взаимодействия.

Литература / References

Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / Ред. Е.Л. Омельченко. М.: Издательский дом «ВШЭ», 2020. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1> EDN: EZXXQZ

Omelchenko E. L. (ed.) (2020) *Molodezh v gorode: kul'tury, sceny i solidarnosti* [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities]. Moscow: Izdatelskij dom "VShE". (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1>

Омельченко Е., Поляков С. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 111–132. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-111-132> EDN: ZDPCVN

Omelchenko E., Poliakov S. (2017) The Concept of Cultural Scene as Theoretical Perspective and the Tool of Urban Communities Analysis. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 16. No. 2. P. 111–132. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-111-132>

Casati R., Varzi A. C. (1999) *Parts and Places: The Structures of Spatial Representation*. London: MIT Press.

DeLanda M. (2016) *Assemblage Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Klekotko M. (2024) *Scenes and Communities in the City*. Cham: Springer Nature. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-031-43464-8>

Silver D., Clark T. (2014) The Power of Scenes: Quantities of Amenities and Qualities of Places. *Cultural Studies*. Vol. 29. No. 3. P. 425–449. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502386.2014.937946>

Schatzki T. (1996) *Social Practices. A Wittgensteinian Approach to Human Activity and the Social*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511527470>

Schatzki T. (2016) Practice Theory as Flat Ontology. In: G. Spaargaren, D. Weenink, M. Lamers. (eds.) *Practice Theory and Research: Exploring the Dynamics of Social Life*. London; New York: Routledge. P. 28–42.

Schatzki T., Knorr-Cetina K., von Savigny E. (eds.). (2001) *The Practice Turn in Contemporary Theory*. London; New York: Routledge.

Zhel'nina A. A., Zinovev A. A., Kuleva M. I. (2015) "In the District": Youth Solidarities on the Urban Periphery. *Russian Education & Society*. Vol. 57. No. 2. P. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.1080/10609393.2015.1012025>

Woo B., Rennie J., Poyntz S. (2015) Scene Thinking: Introduction. *Cultural Studies*. Vol. 29. No. 3. P. 285–297. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09502386.2014.937950>

Сведения об авторах:

Коломина Кира Николаевна — лаборант-исследователь, Институт социологии ФНИСЦ РАН; участница проектной группы «Городская повседневность на микроуровне», Москва, Россия. **E-mail:** k.kolomina15@gmail.com. **ORCID ID:** 0000-0002-3554-5639.

Стрельникова Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; руководитель проектной группы «Городская повседневность на микроуровне», Москва, Россия. **E-mail:** astrelnikova@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 444024; **ORCID ID:** 0000-0003-1131-4358; **ResearcherID:** K-2789-2015.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

БАК: 5.4.4

.....

Urban Communities “On the Scene”: Roles, Practices and Cultural Consumption²

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.7

Kira N. Kolomina Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia
E-mail: k.kolomina15@gmail.com

Anna V. Strelnikova HSE University; Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia
E-mail: astrelnikova@hse.ru

Paper provides a review of Marta Klekotko’s book “Scenes and Communities in the City”. The author has the ambitious task of proposing an approach to discovering and studying urban communities by analyzing the practices of urban everyday life. In this book Marta Klekotko proposes a matrix typology to describe the social practices that constitute urban everyday life. Klekotko’s analytical work mainly focuses on describing the practices of identity acquisition, reproduction and transmission by members of different social groups. In doing so, urban scenes and typical spaces become “models” for the acquisition of practices specific to the community in a particular space of the city. This approach is interesting because it allows us to organize the actions of individuals in the space of the city, both in communities and outside of them. However, there are not many practices that are situational and cannot be described by matrix typology without disadvantage.

Keywords: urban scenes; urban everyday life; urban communities; spatial practices; social identity

Authors Bio:

Kira N. Kolomina — Laboratory-Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS; Participant of the Project Group “Urban Everyday Life at the Micro Level”, Moscow, Russia. **E-mail:** k.kolomina15@gmail.com. **ORCID ID:** 0000-0002-3554-5639.

Anna V. Strelnikova — Candidate of Sociology, Associate Professor, HSE University; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of the Project Group “Urban Everyday Life at the Micro Level”, Moscow, Russia. **E-mail:** astrelnikova@hse.ru. **RSCI Author ID:** 444024; **ORCID ID:** 0000-0003-1131-4358; **ResearcherID:** K-2789-2015.

Received: 01.11.2024

Accepted: 09.12.2024

² The article was prepared within the framework of the project “Quantitative and qualitative changes in the social structure in the post-Soviet period”, supported by the Russian Science Foundation (grant No. 24-18-00450).

Интеракция. Интервью. Интерпретация
СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Главный редактор:
Виктория Владимировна Семенова

Редакция:
Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Технический редактор:
Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:
Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:
Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ и перечень ВАК.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2024. Том 16. № 4. Дата выхода в свет 26.12.2024.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com